

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Экономика. Управление. Право

2024

Том 24

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
ECONOMICS, MANAGEMENT, LAW

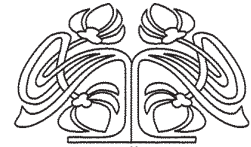
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1994-2540 (Print)

ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Черемисинов Г. А. Концептуальная основа современной политической экономики Японии: парадигма «Полет диких гусей» 240

Кадомцева М. Е. Влияние глобального изменения климата на устойчивое развитие социально-экономических систем 250

Землянухина Н. С., Землянухина С. Г., Суворова В. В. Проблемы системы миграционных отношений в России как проявление противоречий этой системы 262

Управление

Вавилина А. В., Комарова Т. В. Статистический анализ дифференциации жилищного строительства в регионах России 275

Адамская Л. В., Квасов И. А. Интеграция проектного подхода в систему государственного регионального управления развитием: технологический аспект 285

Заболоцкая В. В. Методы диагностики и прогнозирования кредитоспособности субъектов МСП с применением искусственного интеллекта 294

Ткаченко И. Н., Дубровский В. Ж., Стариков Е. Н. Институционально-технологические факторы в промышленном развитии России 312

Право

Бердникова Е. В. Тенденции и перспективы развития правового регулирования организации и деятельности общественных советов как субъектов общественного контроля в Российской Федерации 322

Нигметзянов А. А. О мотивирующем и стимулирующем воздействии на организацию территориального общественного самоуправления 330

Чулисова Ю. А. Свобода творчества в системе конституционных прав и свобод (в свете конституционной реформы 2020 года) 337

Головки К. А. Конституционно-правовой статус военнослужащего в Российской Федерации: понятие и элементы 348

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Экономика. Управление. Право”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.2.1; 5.2.3; 5.2.4; 5.2.5; 5.2.6)

Подписной индекс издания 36012. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Электронная версия находится в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.08.2024.

Подписано в свет 30.08.2024.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 13,71 (14,75).

Тираж 100 экз. Заказ 105-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статья подвергается анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить допечатную правку текста статьи, не изменяющую ее основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@ Rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Cheremisinov G. A. The conceptual basis of Japanese modern political economy: "Flying Wild Geese" paradigm 240

Kadomtseva M. Ye. The impact of global climate change on the sustainable development of socio-economic systems 250

Zemlyanukhina N. S., Zemlyanukhina S. G., Suvorova V. V. Problems of the migration relations system in Russia as a manifestation of this system's contradictions 262

Management

Vavilina A. V., Komarova T. V. Statistical analysis of housing construction differentiation in Russian regions 275

Adamskaya L. V., Kvasov I. A. Integration of the project approach into the system of state regional management: Technological aspect 285

Zabolotskaya V. V. Methods for diagnostics and forecasting SMEs creditworthiness using artificial intelligence 294

Tkachenko I. N., Dubrovsky V. Zh., Starikov Ye. N. Institutional and technological factors in Russian industrial development 312

Law

Berdnikova E. V. Trends and prospects for the development of legal regulation of organization and activities of public councils as the subjects of the public control in the Russian Federation 322

Nigmatzyanov A. A. Motivating and stimulating effect on the organization of territorial public self-government 330

Chulisova Yu. A. Freedom of creativity in the system of constitutional rights and freedoms (in the light of the 2020 constitutional reform) 337

Golovko K. A. Constitutional and legal status of a serviceman in the Russian Federation: The concept and elements 348

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Ананьева Анна Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Александр Анна, Ph.D. (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Афанасьев Сергей Федорович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D. (Огайо, США)

Василевич Григорий Алексеевич, доктор юрид. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Велиева Джамиля Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Гиверц Павел, Ph.D. (Иерусалим, Израиль)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Кокин Андрей Васильевич, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юрид. наук, профессор (Тольятти, Россия)

Лхавгадори Ариунаа, Ph.D. (Уланбаатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Митяева Наталья Вячеславовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Пенза, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D. (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эртин Сефика Шуле, Ph.D. (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW"**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anna A. Ananyeva (Moscow, Russia)

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Moscow, Russia)

Sergey F. Afanasiev (Saratov, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Grigory A. Vasilevich (Minsk, Belarus)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Pavel Giverts (Jerusalem, Israel)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Andrey V. Kokin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Lipinsky (Tolyatti, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Janna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Natalia V. Mityaeva (Saratov, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Penza, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Svetlana Zh. Solovykh (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

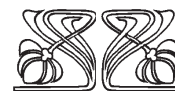
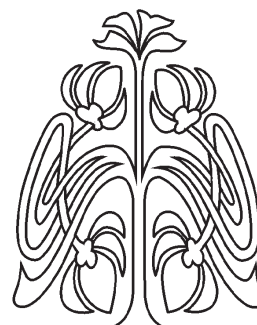
Vitali N. Khrustalov (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

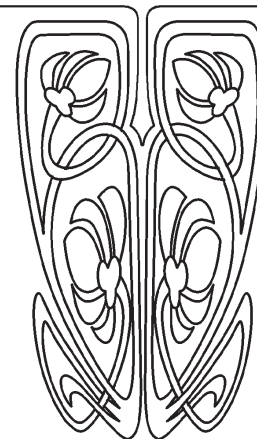
Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЭКОНОМИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 240–249
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 240–249
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-240-249>
EDN: ABWKJM

Научная статья
УДК 330.8

Концептуальная основа современной политической экономии Японии: парадигма «Полет диких гусей»

Г. А. Черемисинов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

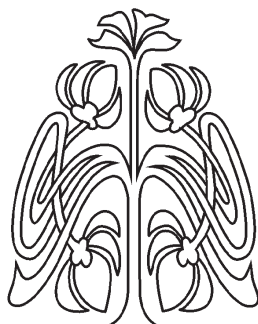
Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Аннотация. Введение. Успешный исторический опыт модернизации экономики Японии, сумевшей стать одним из лидеров мирового хозяйства, обрел теоретико-методологическое обоснование в сформулированной К. Акамацу парадигме «Полет диких гусей». **Научный обзор.** Знакомство широкого круга читателей с концепцией неравномерного экономического роста передовых и развивающихся стран произошло после публикации статей К. Акамацу на английском языке в 1960-х гг. На методологию японского ученого оказало воздействие изучение немецкой философской и экономической мысли. Парадигма «Полет диких гусей» была построена на основе теории больших циклов хозяйственной конъюнктуры российского экономиста Н. Д. Кондратьева и включала в себя три модели. Первая модель описывала последовательность: импорт – внутреннее производство – экспорт. Вторая модель объясняла переход производства от потребительских товаров к капитальным товарам и от простых и необработанных продуктов к сложным и обработанным изделиям. Третья модель показывала иерархию стран в мировом хозяйстве в соответствии со стадиями экономического роста. Экономическое развитие поощряется противоречиями и совершается в виде чередующегося возникновения и разрешения противоречий спроса и предложения. Промышленные инновации создают противоречие в сравнительной структуре затрат национальных экономик и стимулируют рост международной торговли. Распространение инноваций устраняет образовавшееся противоречие и замедляет хозяйственное развитие. Основным противоречиям – развития, циклической динамики и структурных сдвигов – соответствует политика прогрессивного развития, циклическая политика стабилизации и структурная политика координации. **Заключение.** Проведенное исследование показало теоретико-методологические истоки и основы современной экономической мысли Японии.

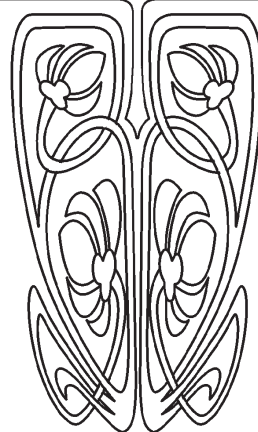
Ключевые слова: политическая экономия Японии, парадигма «Полет диких гусей», К. Акамацу, теория больших циклов Н. Д. Кондратьева

Для цитирования: Черемисинов Г. А. Концептуальная основа современной политической экономии Японии: парадигма «Полет диких гусей» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 240–249. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-240-249>, EDN: ABWKJM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The conceptual basis of Japanese modern political economy: "Flying Wild Geese" paradigm

G. A. Cheremisinov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Georgy A. Cheremisinov, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Abstract. Introduction. The successful historical experience of modernizing Japanese economy, which managed to become one of the world economy leaders, found theoretical and methodological justification in the "Flying Wild Geese" paradigm formulated by K. Akamatsu. **Scientific review.** The introduction of a wide range of readers to the concept of uneven economic growth in advanced and developing countries occurred after the publication of K. Akamatsu's articles in English in the 1960s. The methodology of the Japanese scientist was influenced by his studying German philosophic and economic thought. The "Flying Wild Geese" paradigm was built on the basis of the long wave of economic conjuncture theory by the Russian economist N. D. Kondratiev and included three models. The first model described the following sequence: import – domestic production – export. The second model explained the transition of production from consumer goods to capital goods and from simple and unprocessed products to complex and processed products. The third model showed the hierarchy of countries in the world economy in accordance with the stages of economic growth. Economic development is encouraged by contradictions and takes place in the form of the alternating emergence and resolution of contradictions of supply and demand. Industrial innovations create a contradiction in the comparative cost structure of national economies and stimulate the growth of international trade. The spread of innovations eliminates the resulting contradiction and slows down economic development. The main contradictions of development, cyclical dynamics and structural shifts correspond to the policy of progressive development, cyclical stabilization policy and structural coordination policy. **Conclusion.** The conducted research has shown the theoretical and methodological origins and foundations of modern economic thought in Japan.

Keywords: political economy of Japan, "Flying Wild Geese" paradigm, K. Akamatsu, theory of long wave by N. D. Kondratiev

For citation: Cheremisinov G. A. The conceptual basis of Japanese modern political economy: "Flying Wild Geese" paradigm. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 240–249 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-240-249>, EDN: ABWKJM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Исследование эволюции взаимодействия национальных хозяйств и экономической науки, постигающей закономерную логику истории хозяйствования, необходимо для выработки и реализации политики возрождения России. Пользу может принести изучение уникального опыта экономики Японии, сумевшей из когорты полупериферийных стран середины XIX в. подняться до уровня высокоразвитых государств ядра мирового хозяйства и стать одним из его лидеров.

В научном сообществе уже более полувека политическая экономия и экономическая политика Японии ассоциируется с созданной и необычно названной Канаме Акамацу теоретической моделью «полет диких гусей» («wild-geese-flying») [1, 2]. Разработанная К. Акамацу концепция территориально-хронологической динамики экономики по богатству содержания и неординарному статусу среди шедевров экономической мысли заслуживает вдумчивого восприятия.

Ее редкое и маловразумительное упоминание в российской науке во многом объясняется отсутствием переводов на русский язык иностранных публикаций по указанной проблематике, а также тем, что она выступает альтернативой

наукообразию нынешнего неоклассического мейнстрима, ортодоксальная, фундаментально-рыночная версия которого до последнего времени доминировала в исследованиях отечественных ученых-экономистов.

Научное направление, возникшее на основе концепции К. Акамацу, демонстрирует признаки оригинальной парадигмы экономической мысли. Модель «полет гусей» (Flying Geese, FG-модель) без околичностей называется парадигмой в трудах известных японских экономистов: С. Касахары – в публикациях «Парадигма полет гусей: критическое исследование ее применения к региональному развитию Восточной Азии» (2004) [3], «Азиатское государство развития и парадигма полет гусей» (2013) [4], в докторской диссертации «Критическая оценка парадигмы полет гусей: эволюционирующие рамки модели и ее применение к региональному развитию Восточной Азии и за ее пределами» (2019) [5]; Т. Озавы – в монографии «Институты, отраслевая модернизация и экономическая эффективность в Японии. Парадигма догоняющего роста полет гусей» (2005) [6].

История экономики дает возможность определять национальную, региональную, международную специфику политико-экономических систем и их иерархическое взаимодействие, раскрывает логику изменений условий хозяйствен-

ной деятельности, показывает возникновение предпосылок научных взглядов экономистов, теоретических моделей и концепций, объясняет закономерное обновление экономической теории. Национальная экономическая мысль формируется в контексте и во взаимодействии с мировой экономической мыслью; историческая канва обуславливает эволюцию национальных школ и всемирной экономической мысли. Исторический ракурс выявляет устойчивые причинно-следственные взаимосвязи развития экономик различных уровней, становление основ парадигмы экономической теории. Продуктивное применение сформулированных концептуальных предпосылок подтверждается исследованием опыта Японии.

Научный обзор

Теоретическая модель экономического развития «полет диких гусей» была создана К. Акамацу в 1930-х гг., однако международная общественность и ученые-экономисты смогли ознакомиться с теоретико-методологическими основами парадигмы современной политической экономики Японии лишь после публикации на английском языке его работ «Теория неравномерного роста мировой экономики» [1] и «Исторический образец экономического роста в развивающихся странах» [2].

Рассмотрение широкого круга обстоятельств научного творчества и условий издания указанных статей К. Акамацу способствует пониманию их содержания. Время публикации авторской теории экономического развития на английском языке, доступном массовому читателю, не было случайным; оно ознаменовалось всплеском национально-освободительной борьбы в колониальных странах, активным обсуждением и выбором моделей и путей социально-экономического развития в государствах третьего мира. В международную дипломатическую лексику вошел новый термин «Год Африки» – 1960 год, в котором 17 стран Африканского континента обрели государственный суверенитет. Однако политическая независимость и формальная смена статуса отсталой страны на развивающуюся страну давали надежду, но не гарантировали успешного экономического подъема бывшим колониальным владениям.

Вполне обоснованные сомнения в возможностях сравнительно быстрого и устойчивого экономического роста стран третьего мира, в их способности сокращать отставание от экономик передовых государств высказывали

авторитетные ученые. Р. Нурксе утверждал, что всеобщая бедность населения и отсутствие емкого внутреннего рынка формируют порочный круг бесперспективной нищеты, поскольку отсутствуют условия и стимулы накопления капитала и его вложения с целью инициирования экономического роста [7]. Г. Мюрдаль разъяснял, что понятийно-категориальный аппарат и теоретические схемы мейнстрима западной экономической мысли далеки от реалий хозяйственной деятельности развивающихся стран и применение рекомендаций, обоснованных неоклассикой или кейнсианством, не обеспечит желаемых результатов экономического роста и преодоления нищеты [8].

На фоне такого научного пессимизма К. Акамацу предлагал наполненную оптимизмом концепцию догоняющего роста развивающейся страны, подкрепленную научным анализом успешного исторического опыта Японии: ускоренной индустриализации и модернизации национальной экономики с конца XIX в. Публикация статей К. Акамацу в начале 1960-х гг. воспринималась как теоретическая альтернатива господствовавших в мировой экономической науке воззрений на политико-экономические перспективы развивающихся стран и как практическое пособие по выработке и реализации политики экономического суверенитета и ускоренного экономического роста.

Издание каждой статьи К. Акамацу имело свой читательский интерес и свою судьбу; знакомство с ними позволяет точнее интерпретировать авторский замысел и текст публикаций. Выход в свет в 1961 г. первой статьи К. Акамацу в солидном периодическом издании «Всемирный экономический архив» Гамбургского исследовательского института экономики дает повод к разнообразным реминисценциям в толковании научного творчества японского исследователя. Неожиданным оказалось наличие множества общих моментов в экономической мысли Японии и Германии, и судьба К. Акамацу стала тому подтверждением.

Будучи студентом Токийской школы экономики, получившей позднее статус национального Университета Хитоцубаси, К. Акамацу познакомился с воззрениями немецких ученых. По свидетельству К. Шроппеля и М. Накадзимы, многие идеи К. Акамацу были основаны на японских традициях «девелопментализма» (developmentalism) – теории и практики модернизации и развития, которые были сродни национально ориентированной немецкой исторической школе экономической мысли [9, с. 205].

Стремительная индустриализация Японии и Германии с конца XIX в., завершившаяся синхронными послевоенными «чудесами» второй половины XX в. – «японским экономическим чудом» и «немецким экономическим чудом», – была одной из самых замечательных особенностей истории современной мировой экономики и успешным воплощением политики государственно организованного девелопментализма.

В 1924 г., уже поработав младшим преподавателем в Нагойской школе экономики, К. Акамацу отправился в Германию, где два года посещал лекции в университетах Берлина и Гейдельберга и написал эссе о философском мышлении Гегеля, опубликованное на немецком языке (1927). О влиянии немецких ученых на мышление К. Акамацу мог свидетельствовать тот факт, что ряд особенностей модели «полет гусей» уже был описан ранее немецким экономистом Вальтером Хоффманом (1931) [9, с. 206].

Название «полет диких гусей» впервые появилось в статье К. Акамацу в 1935 г. [1, с. 205], однако дальнейшая разработка представленной модели автором и его последователями осуществлялась на японском языке и не была известна зарубежным читателям. В 1953 г. К. Акамацу, как заслуженный ученый, стал деканом экономического факультета Университета Хитоцубаси, и приглашение именитого 65-летнего японского экономиста, знакомого с немецкой наукой, к публикации в уважаемом гамбургском периодическом издании выглядело достойным и ожидаемым.

В первом же абзаце статьи К. Акамацу напомнил о своей научной командировке почти сорокалетней давности и уточнил проблематику публикации: «Мои взгляды сформировались в основном в ходе эмпирических исследований роста японской экономики, но они также базируются на методе мышления, названном мною “диалектикой синтеза” (диалектикой единства. – Г. Ч.), который я разработал, изучая философию Гегеля во время моих исследований в Германии с 1924 по 1926 год. Моя тема преимущественно касается изменений в мировой экономике, особенно роста развивающихся стран, но представленная здесь теория неравномерного роста в целом важна и для систематизации теории экономической политики» [1, с. 196].

Разговор о гегелевской диалектике – это не реверанс в сторону немецкого научного сообщества, а демонстрация плодотворной методологии в современной экономической теории; последнюю в контексте воззрений К. Акамацу

корректнее было бы именовать традиционным словосочетанием «политическая экономия». Опираясь на концепцию «диалектики единства», японский ученый предложил рациональное решение проблемы неравномерного развития мирового хозяйства и отдельных национальных экономик.

Понимание динамики территориально-отраслевого разделения труда и экономического развития в традиции Гегеля как процесса разрешения и воспроизведения на новом витке эволюции противоречий сторон экономических отношений, в котором стороны противоречия не только отрицают, но и дополняют, взаимно обуславливают друг друга, позволило К. Акамацу «осмыслить чередование разнородности и однородности мировой экономики как исторический закон» [1, с. 198].

В системе международного разделения труда переходы от политики протекционизма (меркантилизма) к свободной торговле и наоборот обусловлены тенденциями к однородности и разнородности структур мировой экономики, возникновением и распространением промышленных инноваций – продуктов и технологий – посредством внешней торговли между развитыми и развивающимися странами. Экономике с разнородными структурами имеют дополняющие и взаимоприемлемые отношения. Инновации в передовых индустриальных странах приводят к разнородности мировой экономики и вызывают расширение и либерализацию международной торговли, способствуют подъему экономики слаборазвитых стран. Отстающие страны стремятся догнать передовые страны, копируют их достижения и инновации, добиваются однородности экономических структур. Территориально-хронологическая динамика приводит к усилению конкуренции и обострению противоречий интересов стран. Национальные экономики с однородными структурами имеют замещающие и конфликтные отношения [1, с. 198–200].

Изложив методологию исследования противоречий чередования разнородности и однородности в эволюции экономических систем, японский ученый обратился к теоретическому обоснованию модели неравномерного развития мировой экономики. К. Акамацу построил концепцию, опираясь на теорию больших циклов хозяйственной конъюнктуры российского экономиста Николая Дмитриевича Кондратьева [10].

Новаторские идеи о существовании больших циклов динамики капиталистического хозяйства со средней продолжительностью около

50 лет впервые были представлены Н. Д. Кондратьевым в публикации 1925 г. «Большие циклы конъюнктуры». Оригинальность выдвинутой научной гипотезы автор озвучил без ложной скромности, отметив, что вопрос о закономерности и цикличности длительных колебаний конъюнктуры – больших циклах – не только не разработан, но в литературе пока нет признания даже их существования [10, с. 30, 32].

В концепции больших циклов Н. Д. Кондратьева выделяются значимые предположения. Прежде всего, хронологически очерчены «вероятные границы больших циклов». Первый цикл состоял из повышательной волны с конца 1780-х – начала 1790-х гг. до 1810–1817 гг. и понижательной волны с 1810–1817 гг. до 1844–1851 гг.; второй цикл – из повышательной волны с 1844–1851 гг. до 1870–1875 гг. и понижательной волны с 1870–1875 гг. до 1890–1896 гг.; третий цикл охватывал повышательную волну с 1891–1896 гг. до 1914–1920 гг. и вероятную понижательную волну с 1914–1920 гг. [10, с. 45].

Особый интерес представляла «оговорка» Н. Д. Кондратьева о недостаточности доступного изучению 140-летнего временного интервала для доказательства закономерной цикличности больших волн конъюнктуры продолжительностью от 48 до 60 лет, о весьма вероятном существовании больших циклов экономической динамики [10, с. 59, 65]. Но терминологическое разграничение больших волн и больших циклов было не строгим, и в дальнейшем понятия «волна» и «цикл» чаще всего воспринимались в экономической науке как синонимы.

Работа Н. Д. Кондратьева «Большие циклы конъюнктуры» была переведена на немецкий язык и опубликована в Германии уже в 1926 г. [11], и тогда же с ней ознакомился К. Акамацу. В немецком переводе использовалось понятие «длинные волны» («langen Wellen»). В английской версии статьи К. Акамацу предлагались аналогичные термины «Kondratieff wave» (волна Кондратьева) и «long-term wave» (долгосрочная, длинная волна) [1, с. 200, 201].

К. Акамацу утверждал, что чередование разнородности и однородности в мировой экономике можно объяснить волной Кондратьева. Японский ученый придерживался хронологии больших циклов Н. Д. Кондратьева и дополнил ее с учетом истекшего времени: понижательная волна с 1920-х гг. опустилась до минимума в годы Великой депрессии 1930-х гг., а после Второй мировой войны вплоть до 1960 г. (на момент публикации рассматриваемой статьи) наблюдалась восходящая волна [1, с. 200].

Из всего многообразия влияющих на волну Кондратьева факторов К. Акамацу специально выделил технические изобретения и их применение в промышленности или то, что Й. Шумпетер (посвятивший волнам Кондратьева свой фундаментальный двухтомник «Бизнес-циклы») назвал инновациями (нововведениями) [12, с. 130], и увеличение производства золота благодаря открытию новых золотых приисков [1, с. 200].

Возникающие в развитой стране инновации привлекают инвестиции, вызывают циклический рост торговли, поощряют экспорт продукции и импорт сырья и продовольствия. Увеличение добычи золота и объема денежного обращения содействует наращиванию платежеспособного спроса и экспорта инновационной нации. Расширяются мировое производство и торговля, поднимаются цены, наблюдается глобальный рост результатов долгосрочного торгового цикла. Технические инновации обуславливают различия в мировой структуре сравнительных затрат и уровнях развития отдельных стран, увеличивают выгоды от торговли [1, с. 201].

Зародившиеся в развитых странах инновации стагнируют по мере распространения новых технологий среди промышленно растущих стран, догоняющих по техническому уровню передовые нации. Со временем импорт новой продукции, технологий и капитальных товаров приводит к однородности экономических структур, возникновению одинаковых отраслей, конфликтных отношений с инновационной нацией [1, с. 199, 200]. Истощение месторождений золота и снижение его добычи сокращает денежное обращение и платежеспособный спрос, формирует неблагоприятную конъюнктуру мировых цен, становится одной из причин преобразования долгосрочной восходящей волны в долгосрочную нисходящую волну [1, с. 201, 202].

К. Акамацу применил концепцию и хронологию больших циклов для иллюстрации попеременной разнородности и однородности индустриально развитых и развивающихся стран, предложив читателю международный историко-экономический экскурс с элементами эмпирических правильностей длинных волн. Указание на депрессивное состояние сельского хозяйства в понижательной фазе первой длинной волны было уместным, ибо в те годы аграрный сектор определял конъюнктуру национальных экономик и мирового рынка [1, с. 202].

Расширение орбиты экономических связей и укрепление позиций новых стран в международной хозяйственной жизни подтверждалось экспансией мирового лидера: глобальной геге-

монией Англии в XIX в. и США в XX в. Неожиданным было объяснение империалистических агрессивных длинноволновой динамикой. По мнению К. Акамацу, захват колоний, империализм, сопровождавшийся увеличением финансовых расходов, стал одним из определяющих факторов подъема третьей долгосрочной волны с конца XIX в. Государственные стратегии 1930-х гг.: рост военных расходов, «новый курс» в США, политика колонизации и развития Японии и Италии, политика «большого экономического пространства» Германии, экономика британского блока – напоминали империализм конца XIX в., стимулировали мировое производство и торговлю [1, с. 203, 204].

Вехами на траектории длинных волн были Наполеоновские войны, Франко-прусская война, Первая мировая война, Вторая мировая война, корейская война. Японский ученый писал, что инновации в США после Второй мировой войны создали большой разрыв между ними и странами, пострадавшими от войны. Американская зарубежная помощь, экономическая политика развивающихся стран, укрепление профсоюзов, увеличение военных расходов после корейской войны, политика полной занятости и социального обеспечения способствовали разнородности, либерализации и расширению международной торговли, росту мировой экономики [1, с. 204–205]. К. Акамацу не случайно упомянул корейскую войну 1950–1953 гг., ибо она стала мощнейшим импульсом «японского экономического чуда» – послевоенного взлета японской экономики, который обеспечила экономическая помощь США: инвестиции, передача современных технологий и инноваций, открытие американского рынка для японских товаров.

Описание роста международной экономики в виде структурных волн без оговорок применимо к взаимоотношениям передовых и менее развитых индустриальных стран. В процессе роста слаборазвитых (underdeveloped) стран обнаруживается несколько иная закономерность; К. Акамацу назвал ее моделью экономического роста «полет диких гусей» («wild-geese-flying pattern» of economic growth), сохранив буквальный перевод термина, придуманного на японском языке [1, с. 205].

Прекрасная метафора имела «лирическое» объяснение: «Говорят, что дикие гуси прилетают в Японию из Сибири осенью и ранней весной снова возвращаются на север, летая стаями, похожими на перевернутую букву V, частично пересекающимися между собой», визуально

напоминая взаимное наложение графиков статистических показателей импорта, производства и экспорта потребительских и капитальных (инвестиционных) товаров [1, с. 205–206].

Достоинством модели FG следует признать ее содержательные теоретико-методологические предпосылки: открытость, предполагающую возможность расширения предмета исследования и включения в концепцию новых научных положений; гибкость, основанную на диалектической методологии; многомерную и иерархически организованную структуру отраслевого, межотраслевого (национального) и международного разделения труда; территориально-хронологическую динамику.

Модель «Полет диких гусей» состояла из трех субмоделей. Первая, основная модель, представляла собой последовательность: импорт – внутреннее (отечественное) производство – экспорт. Вторая модель была последовательностью перехода производства от потребительских товаров к капитальным товарам и от простых и необработанных продуктов к сложным и обработанным изделиям. Третья модель показывала иерархию стран – от развитых к отсталым – в соответствии с их стадиями роста [1, с. 208].

Детализация единой модели FG в виде трех составляющих подсистем условна. Субмодели пересекались между собой, как стаи гусей в полете. Основная модель сформулирована нестрого: рассмотрение стадий развития – импорта, производства, экспорта – на уровне одной отрасли национальной экономики – потребительских товаров плавно перетекало на межотраслевой уровень второй модели, охватывая производство сырья и капитальных товаров. Порядок расположения экономик в третьей модели – развивающиеся страны последовательно выстраивались позади промышленно развитых стран – определялся не только достигнутыми стадиями роста, но и местом в международном разделение труда основной модели. В дальнейшем такая неоднозначность привела к разнообразным и непредвиденным интерпретациям парадигмы FG.

Первая стадия основной модели описывала ситуацию, когда развивающаяся страна включалась в мировую экономику, импортируя потребительские товары из развитых индустриальных стран и экспортируя продукты своей международной специализации [1, с. 206].

На второй стадии роста в развивающейся стране инициировалось местное производство ранее импортируемых потребительских товаров и ввоз зарубежного оборудования для их

изготовления. Концентрация покупательной способности делала производство рентабельным, и в него привлекался национальный капитал. Политика государства стимулировала подъем отечественной экономики [1, с. 206].

На третьей стадии увеличение выпуска потребительских товаров в развивающейся стране создавало условия для их экспорта и налаживания собственного производства капитальных товаров. На четвертой стадии изготовление капитальных товаров становилось экспортной отраслью. Стадии импорта, внутреннего производства и экспорта капитальных товаров отставали на одну позицию от цикла потребительских товаров [1, с. 207–208].

Завершая «моделирование», К. Акамацу обращался к истокам немецкой исторической школы экономики и отмечал сходство стадий эволюции национальных хозяйств в модели FG с аналогичной классификацией Ф. Листа [13, с. 63].

Японский ученый критически переосмыслил кейнсианскую теорию макроэкономического мультипликатора, ограниченную эффектом спроса на инвестиции. В модели FG фактор спроса в развивающихся странах объяснял замену импорта потребительских продуктов их отечественным производством посредством ввоза инвестиционных товаров. Но кроме спроса действовал фактор (мультипликатор) предложения и распространения эффекта инвестиций передовых индустриальных стран. Первый случай мультипликатора предложения – краткосрочная диффузия новых продуктов, а второй – долгосрочная диффузия изменений отраслевой структуры. Обусловленное предложением индустриальное развитие, в котором импульс экономического роста исходил от отраслей тяжелой индустрии к отраслям легкой промышленности, К. Акамацу назвал моделью развития советского типа, а также поименовал реверсивной моделью роста «полет диких гусей» [1, с. 209–211].

Напоследок в стиле «диалектики единства» К. Акамацу доказывал, что экономическое развитие поощряется противоречиями и совершается в виде чередующегося возникновения и разрешения противоречий спроса (модель FG) и предложения (реверсивная модель FG). Это неравномерное продвижение аналогично попеременным шагам каждой ноги вперед. Промышленные инновации создают противоречие в сравнительной структуре затрат национальных экономик и стимулируют рост мировой торговли. Распространение инноваций устраняет образовавшееся противоречие и замедляет хозяйственное развитие. Экономический рост

производства и торговли – не плавный тренд, а краткосрочные и долгосрочные волны (циклы), генерируемые фактором циклических противоречий. Неравномерное развитие национальной или мировой экономики вызывает структурные изменения и возникновение структурных противоречий между различными частями хозяйственных систем. Основным противоречием – развития, циклической динамики и структурных сдвигов – соответствует политика прогрессивного развития, циклическая политика стабилизации и структурная политика координации [1, с. 211–215].

Вторая из рассматриваемых статей К. Акамацу «Исторический образец экономического роста в развивающихся странах» была напечатана на английском языке в 1962 г. в японском журнале «Развивающиеся экономики» и с тех пор остается самой цитируемой публикацией этого периодического издания. Токийская статья ученого-экономиста была продолжением предыдущей гамбургской статьи – демонстрацией научно-практического потенциала модели FG. Теоретико-методологическое обоснование концепции неравномерного роста мировой экономики, представленное в немецкой публикации, сменилось в японском издании прикладным исследованием экономического роста развивающихся стран азиатского региона.

Предпосылкой историко-экономического изучения проблемы стало утверждение, что экономический рост в азиатском регионе был обусловлен продвижением западноевропейского капитализма на восток. Во взаимном проникновении западноевропейских и азиатских экономик аналитик выделил семь исторических этапов. Первый – развитие местной индустрии Азии за счет обмена отечественной продукции на западноевропейские промышленные продукты. Второй – разрушение традиционных ремесленных промыслов импортом в азиатский регион фабричных товаров народного потребления из Западной Европы после промышленной революции. Третий – проникновение западноевропейского капитала и техники в азиатский регион для строительства железных и автомобильных дорог, крупномасштабного производства и вывоза сырья и продовольствия. Четвертый – инвестиции западноевропейского капитала в развивающиеся страны для создания современных отраслей промышленной переработки сырья. Пятый – организация отечественным капиталом производства потребительских товаров, переориентация импорта на капитальные товары. Шестой – выпуск товаров местными

производителями, импорт капитальных товаров за счет привлечения иностранного капитала и экспорта примитивной продукции. Седьмой – экспорт промышленных потребительских товаров, налаживание отечественного производства некоторых капитальных товаров. Однако этапы не могут быть четко классифицированы или применены к каждой развивающейся стране Азии. Например, Япония достигла позиции развитой страны выше седьмой стадии. Индия и Китай частично вышли на седьмой этап, а другие страны еще не вошли на ступень производства капитальных товаров [2, с. 3–4].

Предложенная «нарезка» периодов политико-хозяйственного взаимодействия Востока и Запада отличалась от хронологии предыдущей статьи, поэтому К. Акамацу возвратился к парадигме FG, рассмотрел выделенные этапы в контексте разнородности и однородности экономических структур. Ученый объяснил объективно обусловленную неравномерность экономического развития стран и показал, что система международного разделения труда формируется противоречиво – баланс интересов сторон от взаимной выгоды часто смещается к получению максимальной выгоды наиболее сильной стороной.

Разнородность с западноевропейской экономикой ускорила подъем азиатской экономики. Западные европейцы в азиатском регионе производили для себя продукты и превратили Азию в дополнительный регион Европы. Но международное разделение труда создало в азиатской экономике структурное противоречие, которое иллюстрировалось ссылкой на Г. Мюрдаля, писавшего о разрушении ремесленных отраслей в развивающихся странах и падении уровня жизни ремесленников. Разнородность мировой экономики породила также второе структурное противоречие – империализм. Западные европейцы стали управлять азиатскими странами как колониями, желая монополизировать их экономику и постоянно поддерживать разнородность хозяйственных взаимосвязей [2, с. 5, 6].

Экспансия западноевропейского капитала в поисках большей прибыли привела к созданию перерабатывающей промышленности в азиатском регионе, в частности в Индии и Китае, где имелись благоприятные условия: низкая заработная плата, дешевое сырье и рынок сбыта с большим населением. Становление современной индустрии развернуло вектор эволюции азиатских экономик к однородности с передовыми европейскими хозяйственными системами и побудило национальный капитал

к строительству промышленных предприятий и импортозамещению зарубежной продукции. Участие национального капитала в индустриализации варьировало по странам. В свободной от колонизации Японии стремительная модернизация промышленности обеспечивалась почти исключительно собственными средствами. Современные отрасли индустрии Индии и Китая также были результатом отечественных инвестиций. Однако в других колониальных странах прогресс национального капитала не отмечался до Второй мировой войны [2, с. 7].

Процесс чередования разнородности и однородности передовых и отставших национальных экономик, по разумению К. Акамацу, объясняется моделью «полет диких гусей» индустриального развития менее продвинутых стран [2, с. 11]. Высказанным предположением японский ученый воспользовался для ознакомления читателей токийской публикации с моделью FG, во многом повторив аналогичный фрагмент из предыдущей немецкой статьи. Но изложение авторской концепции во второй публикации оказалось несколько иным по сравнению с первым изданием. К. Акамацу всячески подчеркивал возможность копирования развивающимися странами успешного опыта ускоренной модернизации японской экономики и сокращения их отставания от передовых стран. Такой позитивный настрой реализовался в уточнении и дополнении некоторых концептуальных положений парадигмы FG.

Экономический национализм развивающихся стран может добиваться успехов в конкурентной борьбе с доминированием развитых экономик, тиражируя зарубежные инновационные продукты и технологии в местном производстве потребительских и капитальных товаров, забирая свой внутренний рынок из рук иностранного бизнеса. Озвученное суждение подтверждалось критикой теории Р. Нурксе и указанием на достижения японцев.

Р. Нурксе считал, что в менее развитых странах спрос на промышленные товары отсутствует из-за нищеты и нет стимулов для инвестиций. Но промышленные потребительские товары импортируются в обмен на продукты специализации и образуют емкий экспортный рынок для передовых стран. Процесс возвращения внутреннего рынка развивающимся странам предполагает экономический национализм, накопление капитала и технологическую подготовку населения, государственную политику поддержки отраслей потребительских товаров, энергетики и транспорта [7, с. 13].

По мнению К. Акамацу, благодаря превосходной технологической адаптивности японцев в дополнение к низкой заработной плате отечественная продукция смогла преодолеть гандикап и победить в конкуренции с импортными товарами потребительского и инвестиционного назначения. Такие требования не всегда соблюдаются в менее развитых странах. Вопрос заключается в том, смогут ли эти страны пройти через тот же процесс развития, что и Япония, которая в полном соответствии с названием статьи показала им исторический образец (парадигму) экономического роста [2, с. 14].

Завершалась токийская публикация воплощением изысканной метафоры «полет диких гусей» в реальных субъектов международной экономики; страны мира начинали играть роль «диких гусей» в модели FG. Японский ученый преднамеренно затронул проблему исследования развития передовых и менее продвинутых стран в рамках разработанной им теоретической модели.

Страны мира образуют порядок «полета диких гусей»: от передовых стран, достигших стадии современной промышленности, к менее развитым странам, находящимся на стадии первичной промышленности. Отставшие «дикие гуси» догоняют опередивших их, некоторые постепенно, некоторые быстро, следуя курсом индустриального развития согласно модели FG [2, с. 17, 18].

Лидирующие «дикие гуси» летят вперед, беспрепятственно осуществляя технологические инновации, пытаются сохранить дистанцию разнородности от менее продвинутых «диких гусей». Технологические инновации и стремление экономик развивающихся стран к однородности с экономиками развитых стран порождают противоречия в мировом хозяйстве, которые преодолеваются другой функцией технологических инноваций – разнородностью экономик передовых стран с экономиками менее продвинутых стран. Возникающие конфликты замещения компенсируются совместными ускорениями. Но продвинутые и менее продвинутые страны не обязательно идут с одинаковой скоростью в своем развитии по модели FG и не всегда добиваются постепенного прогресса; временами они бывают неактивны, а в иное время делают рывки вперед. Стагнация или стремительное ускорение развитых экономик принуждает менее развитые экономики к аналогичным движениям [2, с. 18].

Некоторые из менее развитых стран пребывали в застойном состоянии и отставали в строю «диких гусей», а другие, подобно Японии, вошли

в группу передовых стран, добиваясь быстрых успехов и высокой степени однородности. Порядок «диких гусей» промышленного развития от передовых к менее продвинутым странам разделен на несколько рядов. «Полет диких гусей» совершает группа во главе с Америкой, западноевропейская группа под предводительством Англии и Германии и небольшая группа, возглавляемая Японией. Эти группы тесно переплетаются друг с другом [2, с. 18].

Изучение статистики импорта, производства и экспорта продуктов народного потребления и инвестиционных товаров позволяет определить, на какой стадии модели FG находится догоняющая страна, как можно изменить ее производство и торговлю в соответствии с этапами развития, предвидеть их будущие изменения. Торговые партнеры вышеуказанной страны могут прогнозировать тенденции экспорта потребительских и капитальных товаров. Такие прогнозы должны учитывать, что некоторые страны и их отдельные отрасли могут продвигаться быстро, некоторые медленно, а другие – оставаться на определенном этапе. Различные модели FG развития должны объясняться исследованиями экономических условий и промышленной политики отдельных стран [2, с. 25].

Заключение

Проведенное исследование осветило теоретико-методологические начала современной политической экономики Японии. Оно, скорее, очертило круг проблем и направления дальнейшего развития экономической теории, нежели предложило законченные результаты научного поиска. Парадигма FG оказалась глубокой и многомерной, гибкой и нестрогой, создала предпосылки своей дальнейшей разработки, подвигла последователей к герменевтическому истолкованию некоторых спорных положений и неоднозначно определенных терминов. Но это уже предмет самостоятельных исследований и повод к написанию новых статей.

Подводя итоги изучения концептуальной основы современной экономической мысли Японии – парадигмы «Полет диких гусей», – следует обратить внимание на ее российские истоки. Рождающиеся в Сибири и ежегодно возвращающиеся в Россию после зимовки в Японии гуси в образном мышлении Канаме Акамацу претворились в прекрасную метафору, в модель «полет диких гусей». Теоретико-методологическим каркасом, на который опиралась и вокруг которого выстраивалась модель «полет диких

гусей», послужила концепция больших циклов выдающегося русского экономиста Николая Дмитриевича Кондратьева.

Список литературы

1. Akamatsu K. A Theory of unbalanced growth in the world economy // *Weltwirtschaftliches Archiv : Zeitschrift des Instituts für Weltwirtschaft an der Universität Kiel*. Tübingen : Mohr, 1961. № 86. S. 196–217.
2. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries // *The Developing Economies*. 1962. Vol. 1, iss. s1. P. 3–25. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x>
3. Kasahara S. *The Flying Geese Paradigm. A Critical Study of Its Application to East Asian Regional Development*. Geneva, Switzerland, 2004. 27 p. (UNCTAD Discussion Papers № 169).
4. Kasahara S. *The Asian Developmental State and the Flying Geese Model*. Geneva, Switzerland, 2013. 30 p. (UNCTAD Discussion Papers № 213).
5. Kasahara S. *A Critical Evaluation of the Flying Geese Paradigm: The evolving framework of the model and its application to East Asian regional development and beyond*. Thesis to obtain the degree of Doctor from the Erasmus University Rotterdam by command of the Rector Magnificus and in accordance with the decision of the Doctorate Board. Erasmus University Rotterdam. 2019, December 19. Retrieved from <http://hdl.handle.net/1765/123636>.
6. Ozawa T. *Institutions, industrial upgrading, and economic performance in Japan: The «flying-geese» paradigm of catch-up growth*. Cheltenham, U.K. : Edward Elgar, 2005. 234 p.
7. Nurkse R. *Problems of capital formation in underdeveloped countries*. Oxford : Basil Blackwell, 1953. 163 p.
8. Myrdal G. *Economic theory and underdeveloped regions*. London : Gerald Duckworth, 1957. 167 p.
9. Schröppel C., Nakajima M. The Changing Interpretation of the Flying Geese Model of Economic Development // *Japanstudien*. 2003. Vol. 14, iss. 1. P. 203–235. <https://doi.org/10.1080/09386491.2003.11826895>
10. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // *Вопросы конъюнктуры: статьи, рефераты, заметки, библиография : в 4 т. Т. 1, вып. 1 / под ред. Н. Д. Кондратьева. М. : Фин. изд-во НКФ СССР, 1925. С. 28–66*.
11. Kondratieff N. Die langen Wellen der Konjunktur // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. Bd. 56. Tübingen, 1926. S. 573–609.
12. Schumpeter J. A. *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York ; London : McGraw-Hill Book Company Inc., 1939. 461 p.
13. Лист Ф. *Национальная система политической экономики. М. ; Челябинск : Социум, 2017. 451 с.*

References

1. Akamatsu K. A Theory of unbalanced growth in the world economy. *Weltwirtschaftliches Archiv : Zeitschrift des Instituts für Weltwirtschaft an der Universität Kiel*. Tübingen, Mohr, 1961, no. 86, pp. 196–217.
2. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries. *The Developing Economies*, 1962, vol. 1, iss. s1, pp. 3–25. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x>
3. Kasahara S. *The Flying Geese Paradigm. A Critical Study of its Application to East Asian Regional Development*. UNCTAD Discussion Papers № 169. Geneva, Switzerland, 2004. 27 p.
4. Kasahara S. *The Asian Developmental State and the Flying Geese Model*. UNCTAD Discussion Papers № 213. Geneva, Switzerland, 2013. 30 p.
5. Kasahara S. *A Critical Evaluation of the Flying Geese Paradigm: The evolving framework of the model and its application to East Asian regional development and beyond*. Thesis to obtain the degree of Doctor from the Erasmus University Rotterdam by command of the Rector Magnificus and in accordance with the decision of the Doctorate Board. Erasmus University Rotterdam. 2019, December 19. Retrieved from <http://hdl.handle.net/1765/123636>
6. Ozawa T. *Institutions, industrial upgrading, and economic performance in Japan: The «flying-geese» paradigm of catch-up growth*. Cheltenham, U.K., Edward Elgar, 2005. 234 p.
7. Nurkse R. *Problems of capital formation in underdeveloped countries*. Oxford, Basil Blackwell, 1953. 163 p.
8. Myrdal G. *Economic theory and underdeveloped regions*. London, Gerald Duckworth, 1957. 167 p.
9. Schröppel C., Nakajima M. The Changing Interpretation of the Flying Geese Model of Economic Development. *Japanstudien*, 2003, vol. 14, iss. 1, pp. 203–235. <https://doi.org/10.1080/09386491.2003.11826895>
10. Kondratiev N. D. Long-term cycles of conjuncture. *Voprosy kon'yunktury: stat'i, referaty, zamenki, bibliografiya* [Kondratiev N. D. (ed.) Current issues: articles, abstracts, notes, bibliography]. Vol. 1, iss. 1. Moscow, Finansovoe izdatel'stvo NKF SSSR, 1925, pp. 28–66 (in Russian).
11. Kondratieff N. Die langen Wellen der Konjunktur. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Bd. 56. Tübingen, 1926, S. 573–609 (in German).
12. Schumpeter J. A. *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York, London, McGraw-Hill Book Company Inc., 1939. 461 p.
13. List F. *Natsional'naya sistema politicheskoy ekonomii* [National system of political economy]. Moscow, Chelyabinsk, Sotsium, 2017. 451 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 20.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 08.05.2024; accepted for publication 20.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 250–261

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 250–261

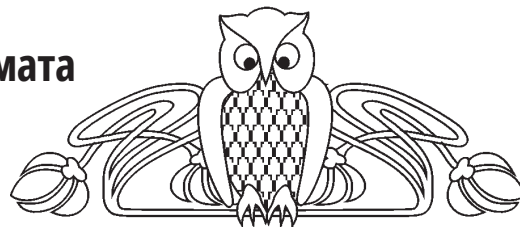
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-250-261>, EDN: CBXRHQ

Научная статья

УДК 327.7

Влияние глобального изменения климата на устойчивое развитие социально-экономических систем

М. Е. Кадомцева

Институт аграрных проблем РАН – обособленное структурное подразделение ФИЦ «Саратовский научный центр Российской академии наук», Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

Кадомцева Марина Евгеньевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории стратегии развития институциональной среды агропромышленного комплекса, kozyreva_marina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9547-5564>

Аннотация. Введение. Актуальность настоящего исследования обусловлена нарастающим влиянием глобального изменения климата на развитие экономик стран и качество жизни населения. Поиск эффективного ответа на этот вызов требует определения места проблемы климатических изменений и их последствий в ряду других глобальных вызовов и выяснения значимости фактора климата для устойчивого развития социально-экономических систем. **Методология исследования.** Исследование построено на обзоре резолюций и отчетных документов целой серии глобальных конференций Организации Объединенных Наций с 1972 по 2022 г. Для анализа научной литературы, посвященной проблеме глобального изменения климата, автором использовано сочетание библиометрических методов, методов визуализации и контент-анализа. **Теоретический анализ.** Обзор межправительственных документов, отразивших глобальный консенсус по развитию сотрудничества в области сохранения окружающей среды, позволил получить представление о трансформации подходов к решению проблемы глобального изменения климата. Прослежена эволюция климатической повестки в контексте реализации стратегии устойчивого развития. Выявлены приоритеты политики развитых и развивающихся стран в отношении действий по снижению выбросов парниковых газов и адаптации к последствиям климатических изменений. **Эмпирический анализ.** Осуществлен анализ зависимости экономического и социального ущерба от наступления природных катастроф и погодных рисков. Полученные результаты рассмотрены сквозь призму тенденций, характерных для исследуемого периода времени. **Выводы.** Раскрыта взаимосвязь климата, экономики, экологии и общества. Сквозь призму Целей устойчивого развития ООН показано место глобальных климатических рисков в системе внешних вызовов и угроз для устойчивого развития социально-экономических систем.

Ключевые слова: изменение климата, глобальные вызовы, устойчивое развитие, ущерб, адаптация

Для цитирования: Кадомцева М. Е. Влияние глобального изменения климата на устойчивое развитие социально-экономических систем // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 250–261. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-250-261>, EDN: CBXRHQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The impact of global climate change on the sustainable development of socio-economic systems

M. Ye. Kadomtseva

Institute of Agrarian Problems RAS – Subdivision of the Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina Ye. Kadomtseva, kozyreva_marina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9547-5564>

Abstract. Introduction. The relevance of this study is due to the growing influence of the global climate change consequences on the development of countries' economies and the population's life quality. Finding an effective response to the climate challenge requires determining the place of the problem of climate change and its consequences among other global challenges and clarifying the significance of climate change for the sustainable development of socio-economic systems. **Methods.** The study is based on a review of resolutions and reports from a series of United Nations global conferences from 1972 to 2022. To analyze the scientific works on the problem of global climate change, the author used a combination of bibliometric methods, visualization methods and content analysis. **Theoretical analysis.** A review of intergovernmental documents that reflected the global consensus on development and cooperation in the field of environmental conservation provided insight into the transformation of approaches to solving the problem of global climate change. The evolution of the climate agenda is traced in the context of the sustainable development strategy implementation. Policy priorities are identified for actions to reduce greenhouse gas emissions and adapt to the impacts of climate change. **Empirical analysis.** An analysis of the dependence of economic and social damage on the occurrence of natural disasters and weather risks was carried out. The results obtained are considered through the prism of trends characteristic of the time period

under study. **Conclusions.** The relationship between climate, economy, ecology and society is revealed. Through the UN system of sustainable development goals, the place of global climate risks in the system of external challenges and threats to the sustainable development of socio-economic systems is shown.

Keywords: climate change, global challenges, sustainable development, damage, adaptation

For citation: Kadomtseva M. Ye. The impact of global climate change on the sustainable development of socio-economic systems. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 250–261 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-250-261>, EDN: CBXRHQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Ежегодный отчет Всемирного экономического форума «The Global Risks Report» представляет собой комплексный анализ наиболее значительных рисков, с которыми сегодня сталкивается мир. Представленные в отчете результаты основаны на мнениях более чем 1400 экспертов из бизнес-со-

общества, правительств стран и академических кругов. В отчете приводится перечень релевантных глобальных рисков и их ранжирование по степени значимости.

В последние годы ведущие позиции в системе внешних вызовов и угроз стали занимать риски, связанные с последствиями глобального изменения климата на планете (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Топ-10 глобальных вызовов и угроз в краткосрочном и долгосрочном периодах
Top-10 global challenges and threats in the short and long term

Глобальные вызовы и угрозы				
2 года			10 лет	
2023	2024		2023	2024
Кризис стоимости жизни	Недостаток информации и дезинформация	1	Неспособность смягчить последствия изменения климата	Экстремальные погодные явления
Стихийные бедствия и экстремальные погодные условия	Экстремальные погодные явления	2	Неудача в адаптации к изменению климата	Критические изменения в системах Земли
Геоэкономическое противостояние	Социальная поляризация	3	Стихийные бедствия и экстремальные погодные условия	Утрата биоразнообразия и коллапс экосистем
Неспособность смягчить последствия изменения климата	Кибербезопасность	4	Утрата биоразнообразия и коллапс экосистем	Нехватка природных ресурсов
Эрозия социальной сплоченности и социальная поляризация	Межгосударственный вооруженный конфликт	5	Масштабная вынужденная миграция	Недостаток информации и дезинформация
Масштабный экологический ущерб	Отсутствие экономических возможностей	6	Кризисы природных ресурсов	Неблагоприятные последствия технологий искусственного интеллекта
Неудача в адаптации к изменению климата	Инфляция	7	Эрозия социальной сплоченности и социальная поляризация	Вынужденная миграция
Широкое распространение киберпреступности и отсутствие кибербезопасности	Вынужденная миграция	8	Широкое распространение киберпреступности и отсутствие кибербезопасности	Кибербезопасность
Кризисы природных ресурсов	Экономический спад	9	Геоэкономическое противостояние	Социальная поляризация
Масштабная вынужденная миграция	Загрязнение окружающей среды	10	Масштабный экологический ущерб инциденты	Загрязнение окружающей среды

Примечание. Растром выделены риски, напрямую связанные с глобальными климатическими изменениями. Сост. по: [1, 2].

Note. The risks associated with global climate change are highlighted in gray. Compiled according to: [1, 2].

В 2023 и 2024 гг. мнения экспертов о распределении глобальных рисков расходятся. В прогнозе на краткосрочный период от 2024 г. объективно стали преобладать риски, которые обусловлены лежащими в их основе геополитическими и экономическими тенденциями. Межстрановой кризис и связанные с ним военные и экономические вызовы и угрозы не отодвинули на второй план проблемы адаптации к климатическим изменениям и их последствиям.

В долгосрочном горизонте риски, связанные с глобальным изменением климата, сохраняют свою значимость и занимают лидирующие места в рейтинге глобальных вызовов и угроз. В Обобщающем отчете Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) за 2023 г. указано, что «мир уже не способен обеспечить предотвращение экстремальных климатических изменений: в XXI веке глобальное потепление превысит 1,5°C и 2°C» [3, р. 5]. По данным Всемирной метеорологической организации ООН, в период с 2000 по 2020 гг. около 4,5 млрд человек пострадали в результате неблагоприятных погодных явлений экстремального характера, которые повлекли за собой разрушения, уничтожение средств к существованию, нанесли значительный ущерб экономике.

Последствия изменения климата все больше волнуют общество. В. И. Данилов-Данильян, В. М. Катцов и Б. Н. Порфирьев передали всю суть проблемы всего в нескольких поставленных вопросах: какие ожидаются изменения климата в будущем? насколько опасны будут социальные, экономические и экологические последствия этих изменений? каков вклад антропогенного фактора? возможно ли повлиять на климат, уменьшить или замедлить его изменение? какие действия необходимо предпринять для адаптации к изменениям климата и во что обойдется это для общества? [4]. Поисковой запрос на тему «глобальное изменение климата в системе внешних вызовов и угроз» дал 1,22 млрд ответов. Наибольшее число научных публикаций по климатической проблематике охватывают такие темы, как продовольственная безопасность, адаптивная способность, воздействие на здоровье, экстремальные климатические явления, социальный капитал, а также ограничения и барьеры для адаптации [5].

Климат, экосистемы и общество взаимосвязаны. Последствия глобальных климатических изменений многогранны. Плюсы смягчения климата в северных широтах не покрывают

консолидированный ущерб от усугубления существующих и потенциальных социальных, экономических и экологических проблем. Результирующий эффект воздействия различного рода рисков может привести к снижению безопасности на местном или международном уровнях. Риски безопасности, обусловленные изменением климата, включают в себя воздействие на запасы продовольствия, воды и энергии, потерю средств к существованию, а следовательно, усиление конкуренции за природные ресурсы и вынужденную миграцию.

Необходимость осмысления места глобальных климатических изменений в социо-эколого-экономической триаде, их роли в функционировании и устойчивости развития социально-экономических систем определяет актуальность настоящего исследования.

Методология исследования

Теоретическая часть исследования основана на обзоре резолюций и отчетных документов целой серии глобальных конференций Организации Объединенных Наций с 1972 по 2022 г. Для анализа отечественной и зарубежной литературы, посвященной проблеме глобального изменения климата, автором используется сочетание библиометрических методов, метода периодизации и контент-анализа. Эмпирическая часть включает в себя статистические данные по экономическому и социальному ущербу от природных катастроф и погодных рисков. Анализ основывается на построении динамических рядов, их визуализации и сравнительном анализе. Полученные результаты рассмотрены через призму тенденций, характерных для исследуемого периода времени.

Теоретический анализ

Для определения места глобальных климатических изменений в системе внешних факторов, воздействующих на социально-экономические системы, важно проследить хронологию роста значимости экологических проблем в глобальной повестке, а также проблемы изменения климата в этом контексте.

Еще в 1827 г. французский ученый Ж. Фурье, рассматривая факторы, влияющие на общий тепловой баланс Земли, высказал предположение, что атмосфера обладает способностью пропускать солнечное излучение с высокой энергией, не давая выйти обратно в космическое пространство части длинноволновой тепловой радиации,

отражающейся от земной поверхности [6]. К аналогичным выводам пришел английский физик Дж. Тиндаль в 1861 г. Он обратил внимание на то, что повышенная концентрация углекислого газа в атмосфере создает парниковый эффект. Спустя 35 лет шведский физикохимик С. Аррениус измерил возможную величину парникового эффекта, придя к выводам о неизбежном изменении климата на планете в будущем [7]. Так, к концу XIX в. в научной литературе был сформулирован концепт о том, что выбросы не являются безобидным побочным эффектом.

Длительное время, вплоть до середины XX в., в мире преобладала модель экономического развития, основанная на непропорционально высоких затратах природных ресурсов [8]. Лишь к 1970-м гг. мировому сообществу пришло осознание о назревших экологических проблемах. Тезис о том, что последствия воздействия на окружающую среду в масштабах земного шара сильно скажутся на развитии мира в XXI в., открыто был заявлен представителями Римского клуба в 1972 г. [9]. Этот год стал поворотным моментом от экономического к эколого-экономическому развитию. В том же году в Стокгольме состоялась научная конференция Организации Объединенных Наций, также известная как Первый саммит Земли. На этой конференции была принята декларация, в которой излагались принципы сохранения и улучшения среды обитания человека. В ней содержались план действий и набор рекомендаций для международного сообщества в обозначенном направлении. В разделе Декларации, посвященном выявлению и контролю загрязняющих веществ, имеющих планетарное значение, впервые появился отсыл к проблеме климата [10]. В числе результатов Конференции стало создание «Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде», миссией которой являлись: проведение мониторинга долгосрочных тенденций в составе и свойствах атмосферы; оценка вероятности и масштабов климатических последствий; поощрение партнерства в деле защиты окружающей среды.

Вопреки всеобщему мнению, первым международным документом, обратившим внимание на изменения климата, стала «Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния» [11]. Появление осязаемых свидетельств загрязнения воздуха в виде кислотных дождей стало толчком к осознанию проблемы разрушения озонового слоя. В 1979 г. был заключен Протокол к «Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния». Его ключевой целью стало сокращение

выбросов диоксида серы на основе применения малоотходных или безотходных технологий. Впоследствии в 1985 г. была принята «Венская конвенция о защите озонового слоя». Во исполнение данной Конвенции в 1989 г. вступил в силу «Монреальский протокол». По сути, его можно считать прообразом будущей модели дипломатии по вопросу борьбы с изменением климата.

Импульс решению экологических проблем дала принятая на Генеральной Ассамблее ООН в 1987 г. «Экологическая перспектива до 2000 года и последующий период». Данный документ заложил базис для руководства национальными действиями и международным сотрудничеством, направленными на достижение экологически безопасного развития в долгосрочной перспективе. В тексте документа была обозначена необходимость в технологиях очистки воздуха и контроля за его загрязнением, однако изменение климата так и не стало центральным вопросом, а было включено в политическую директиву, связанную с энергетикой [12].

Переломными в части климатической повестки можно считать 1988–1989 гг., в течение которых были предприняты первые значительные глобальные усилия, включая возможные стратегии реагирования для задержки, ограничения или смягчения последствий изменения климата [13]. В ноябре 1988 г. была создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) для изучения парникового эффекта и проявления глобальных климатических изменений. К тому времени уже был признан факт изменения климата как конкретной и неотложной проблемы человечества. Усилия по повышению осведомленности о климатических процессах получили дальнейшее развитие начиная со Второй Всемирной климатической конференции в 1990 г. В настоящее время Межправительственная группа экспертов по изменению климата – авторитетная наднациональная структура, международный экспертный орган, основной целью которой является предоставление правительствам государств научной информации для разработки климатической политики [14].

С годами все больше назревала необходимость принятия решительных международных мер по охране окружающей среды и борьбы с изменением климата. Эпохальным событием в данном направлении можно считать состоявшуюся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конференцию Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, которую еще называют Саммитом Земли. Основной целью конференции

была помощь правительствам стран в переосмыслении принципов экономического развития и поиск новых решений, позволяющих сократить загрязнение планеты и истощение ее природных ресурсов.

Наряду с утверждением «Заявления о принципах глобального консенсуса по управлению, сохранению и устойчивому развитию всех видов лесов», а также открытием для подписания «Конвенции о биологическом разнообразии», важным итогом Конференции стало принятие «Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата» (РКИК ООН). Считается, что Рамочная конвенция – это международный экологический договор для борьбы с «опасным вмешательством человека в климатическую систему». Важнейшим пунктом Конвенции стала стабилизация концентрации парниковых газов в атмосфере [15]. В соответствии с основными положениями Конвенции, большая часть выбросов парниковых газов фиксируется в индустриально развитых государствах, в связи с чем основная доля усилий по снижению эмиссии должна приходиться именно на эти страны. Конвенция так и не установила обязательных целей по сокращению выбросов, однако была достигнута договоренность по оказанию финансовой и технологической поддержки развивающимся странам в целях борьбы с изменением климата.

В рамках Конференции был сделан целый ряд шагов в направлении долгосрочного планирования с учетом основных положений концепции устойчивого развития. Одним из них следует считать «Декларацию по окружающей среде и развитию», углубляющую принципы Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде. Концептуальные основы, заложенные в Декларации, впоследствии нашли отражение в «Повестке дня на XXI век». Заявленная в Повестке амбициозная программа действий, призывающая к новым стратегиям для достижения общего экологически устойчивого развития в будущем, заложила контуры новой модели международного сотрудничества. В сентябре 2000 г. в Нью-Йорке на Саммите тысячелетия были подготовлены и согласованы «Цели развития тысячелетия»: ликвидация крайней нищеты и голода; обеспечение всеобщего национального образования; поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин; сокращение детской смертности; улучшение охраны материнства; борьба с ВИЧ, СПИДом, малярией и другими заболеваниями; обеспечение экологической устойчивости; формирование глобального партнерства в целях развития [16]. Предпо-

лагалось достижение указанных целей всеми государствами ООН к 2015 г. Так, в «Повестке дня на XXI век» был отражен принцип взаимосвязанности глобальных проблем экономической эффективности, социальной справедливости, экологической ответственности и безопасности.

Основы для принятия фундаментальных решений в области устойчивого развития и изменения климата были заложены целой чередой событий и принятых документов: «Международная рамочная программа действий для Международного десятилетия по снижению риска стихийных бедствий» (1989), «Йокогамская стратегия по обеспечению более безопасного мира» (1994), «Международная стратегия снижения риска бедствий» (1999), «Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию» (2002) и др.

Одним из наиболее значимых среди принятых к тому времени действий в области климата стало принятие в декабре 1997 г. (Япония) «Киотского протокола» к РКИК ООН. Из-за сложного процесса ратификации он вступил в силу лишь 16 февраля 2005 г. В том же году была принята и «Хиогская рамочная программа действий» стран и других заинтересованных сторон на 2005–2015 гг. Важнейшим результатом можно считать достигнутый прогресс в части снижения риска бедствий на местном, национальном и международном уровнях при наступлении чрезвычайной ситуации природного характера.

«Киотский протокол» поставил целью в период с 2008 по 2012 гг. сократить выбросы углекислого газа в промышленно развитых странах и странах с переходной экономикой не менее чем на 5% по сравнению с уровнем 1990 г. Впервые были определены количественные цели по ограничению или сокращению выбросов. Значительное развитие получили глобальные рыночные механизмы смягчения последствий, такие как торговля выбросами, механизм чистого «зеленого» развития. Были созданы и финансовые институты: Глобальный экологический фонд, Адаптационный фонд, а также ряд других специальных фондов для финансирования климатических проектов и программ развивающихся стран, ратифицировавших «Киотский протокол».

Практика реализации соглашения с годами показала в том числе и свою неэффективность, поскольку договор не обязывал развивающиеся страны принимать меры по снижению выбросов углекислого газа. Страны с крупнейшими выбросами углекислого газа в мире – Китай, Индия и США – предпочли не участвовать в нем [17]. В 2007 г. Китай обогнал Соединенные Штаты Америки в качестве крупнейшего валового источника выбросов парниковых газов. В свою

очередь, многие правительственные чиновники США использовали этот факт, чтобы оправдать неучастие своей страны в «Киотском протоколе». «Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата» (РКИК ООН) столкнулась с проблемами ответственности. В окончательном счете общая цель сокращения глобальных выбросов углерода в «Киотском протоколе» не была реализована.

В 2015 г. Стороны РКИК ООН достигли соглашения в вопросах борьбы с изменением климата, а также интенсификации действий, необходимых для устойчивого низкоуглеродного развития. Шаг вперед был сделан с принятием «Парижского соглашения», глобальная амбициозная цель которого звучала как «удерживать повышение глобальной средней температуры значительно ниже 2°C» и «прилагать усилия» по ограничению ее до 1,5°C [18]. При этом страны могут выбирать свои собственные цели, и не регламентированы механизмы обеспечения их достижения. Документ был открыт для подписания 22 апреля 2016 г., в «День Земли», в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, однако вступил в силу лишь в ноябре 2016 г., после того как был ратифицирован 55 странами, на долю которых на тот момент приходилось не менее 55% мировых выбросов.

Изменение фокуса с ранней фиксации изменений климата на смягчение их последствий и адаптацию, а также переход на путь углеродной нейтральности стало большим сдвигом, осуществленным в рамках РКИК ООН, продемонстрированным в «Парижском соглашении». Изначально в 1990-х и 2000-х гг. адаптация не была определена в тексте РКИК ООН, игнорировалась на ранних переговорах по «Киотскому протоколу». Понятие адаптации впервые было определено Межправительственной группой экспертов по изменению климата в 2001 г. как «приспособление экологических, социальных и экономических систем к климатическим изменениям и их воздействиям, направленное на смягчение или компенсацию вызванных ими ущербов, а также использование открывающихся благодаря изменениям климата новых возможностей» [19, р. 881]. С тех пор научный и политический интерес к адаптации вырос, и уже сегодня необходимость принятия мер, нивелирующих последствия изменения климата, нашла отражение в стратегиях развития всех уровней. Адаптация стала рассматриваться как важнейший компонент государственной политики. В серии конференций, посвященных климату, на Конференции сторон РКИК ООН среди прочих было принято решение о наращи-

вании адаптационного потенциала через такую институциональную форму планирования, как Национальные планы адаптации. Однако к 2017 г. стало ясно, что уровень организации, качество и эффективность планирования адаптации в странах существенно различаются [20]. К 2018 г. было закреплено институциональное оформление реализации «Парижского соглашения». В соответствии с данным Соглашением страны должны предоставлять целевые показатели, известные как определяемые на национальном уровне вклады в реализацию стратегии углеродной нейтральности, а также сообщать об уровне своих выбросов. К тому времени страны-участницы Соглашения так и не пришли к согласию по поводу правил торговли выбросами углерода. Лишь к 2022 г. оно было достигнуто на 26-й Конференции ООН по климату в г. Глазго [21].

Новый всплеск интереса к социо-эколого-экономической триаде связан с проведением Конференции ООН по устойчивому развитию в г. Рио-де-Жанейро (2012 г.), которая состоялась спустя 20 лет после аналогичного события, впервые поставившей перед человечеством проблему перехода к устойчивому развитию. В принятых Конференцией документах была подчеркнута необходимость мониторинга прогресса перехода к устойчивому развитию стран и внедрения принципов «зеленой» экономики.

Идея обеспечения устойчивого, всеохватывающего и поступательного роста, социальной интеграции и защиты окружающей среды, достижения этого на принципах партнерства и в условиях мира обрела свое воплощение в виде 17 Целей устойчивого развития ООН в рамках универсального документа «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [22].

Достижение целей, изложенных в «Парижском соглашении» и «Повестке дня на период до 2030 года», требует глубоких комплексных преобразований, сложного взаимодействия и компромиссов между соответствующими целями. Между тем с момента принятия документов обозначенные цели рассматривались отдельно. Вплоть до 2020 г. координация между двумя структурами была ограниченной. Разрозненный подход привел к дифференцированному прогрессу в достижении отдельных целей устойчивого развития в ущерб другим.

С «Повесткой дня на период до 2030 года» тесно связана «Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы». Документ демонстрирует существенный прогресс в области управления климатическими рисками после «Йокогамской стратегии» и «Хи-

огской рамочной программы действий». Цель Программы звучит как «снижение подверженности и уязвимости к стихийным бедствиям, повышение готовности, своевременное реагирование и восстановление после их наступления, необходимость реализации комплексных и инклюзивных экономических, структурных, правовых, социальных, медицинских, культурных, образовательных, экологических, технологических, политических и институциональных мер» [23]. Так, через «Сендайскую рамочную программу», «Повестку дня на период до 2030 года» и «Парижское соглашение» было закреплено понимание взаимодействия социальной, экономической и экологической составляющих устойчивого развития, а также системного влияния рисков.

Климатическому фактору в данной системе отводится особая роль. Нелинейные изменения интенсивности и частоты стихийных бедствий, а также риски долгосрочных последствий глобального потепления нивелируют усилия по внедрению «зеленых» и адаптивных технологий, защите и восстановлению природных экосистем и пр. Действия по борьбе с изменением климата требуют перехода к целостному восприятию рисков как динамической трехмерной структуры,

изменяющейся во времени, охватывающей все 17 целей «Повестки дня»; принятия новых методов управления рисками в рамках сложных систем; разработки новых инструментов для выработки решений с учетом рисков для устойчивого существования.

Эмпирический анализ

По результатам совместного исследования Всемирной организации здравоохранения и Всемирной метеорологической организации ООН в 1970–2021 гг. в мире было зафиксировано 11 778 экстремальных погодно-климатических явлений с общим количеством жертв свыше 2 млн человек и совокупным экономическим ущербом в 4,3 трлн долл. При этом эксперты отмечают, что смертность от последствий чрезвычайных ситуаций природного характера снижается. Еще в начале XX в. последствия наступления климатических рисков уносили в мире порядка 400–500 тыс. жизней в год. В результате развития системы мер раннего предупреждения и реагирования уровень смертности, обусловленный климатическим фактором, за последние 100 лет снизился в 12,7 раза (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Средний уровень смертности от стихийных бедствий (жертв всего, чел.)
Average mortality rate from natural disasters (total victims, person)

Климатический фактор	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2020
Среднее значение за десятилетие: годовое количество смертей в результате стихийных бедствий, всего	147 241	32 430	52 3892	46 2795	38 6592	212 746	174 078	98 848	75 010	43 350	78 130	45 274	41 046
Засухи	126 100	8500	472 400	0	345 000	0	151 065	11 908	55 726	313	112	2012	661
Наводнения	62	10 137	428	436 146	10 103	206 169	3239	7066	5100	9539	5388	5066	5886
Землетрясения	15 314	70 031	38 997	16 664	16 772	2174	5211	43 186	5852	10 347	45 363	26 747	14 804
Штормы	1801	5994	11 998	9383	12 726	3125	13 393	35 733	4607	21 114	17 200	2763	1664
Экстремальные температуры	0	0	0	169	0	149	112	155	533	932	9167	7440	17 400
Вулканы	3943	647	14	317	212	510	324	52	2400	97	23	136	27
Оползни	12	0	32	103	1752	215	506	745	630	860	771	1009	388
Пожары	0	107	10	7	25	0	9	0	39	85	62	88	147

Сост. по: EM-DAT, CRED // UCLouvain (2023). URL: <https://ourworldindata.org/grapher/decadal-deaths-disasters-type> (дата обращения: 24.03.2024).

Compiled according to: EM-DAT, CRED. UCLouvain (2023). Available at: <https://ourworldindata.org/grapher/decadal-deaths-disasters-type> (accessed March 24, 2024).

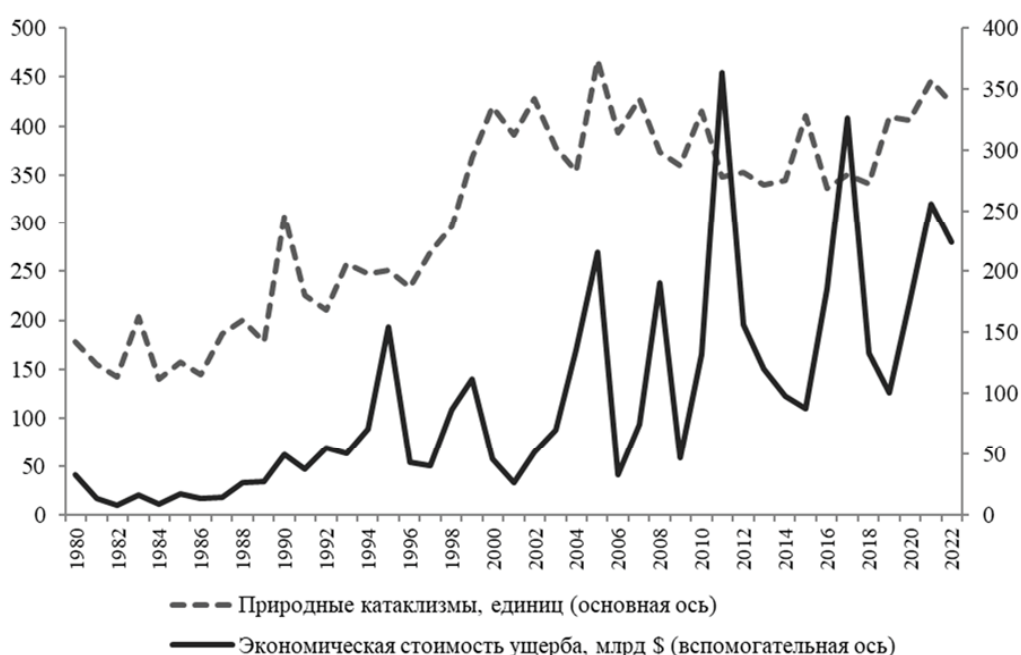

Методология количественной оценки социально-экономического ущерба от природных катастроф нуждается в совершенствовании. Международная практика подсчета человеческих жертв в результате стихийных бедствий свидетельствует о том, что в статистику включается, как правило, число погибших и раненых. Не подлежат подсчету более широкие последствия для здоровья, в том числе психического.

Многие явления локального характера не зарегистрированы в международных базах данных и не включены в общие оценки ввиду незначительного разрушительного воздействия. Однако

в совокупности они могут оказывать существенное негативное влияние на экономики стран. Анализ наблюдений в 104 странах показал, что в период с 2005 по 2017 г. малые и средние, локализованные и частые стихийные бедствия стали причиной 68% всех экономических потерь.

В отличие от людских потерь, экономические с годами только возрастают. На рисунке представлена экономическая стоимость ущерба в результате наступления природных стихийных бедствий. Перечень таких явлений включает в себя: экстремальные температуры, наводнения, землетрясения, вулканическую активность, оползни и др.

Количество зарегистрированных в глобальном масштабе стихийных бедствий и глобальная стоимость ущерба от их наступления с 1980 по 2022 г. (сост. по: EM-DAT, CRED // UCLouvain (2023). URL: <https://ourworldindata.org/grapher/decadal-deaths-disasters-type> (дата обращения: 24.03.2024)).

Figure. Number of globally recorded natural disasters and global cost of damage from their occurrence from 1980 to 2022 (compiled according to: EM-DAT, CRED. UCLouvain (2023). Available at: <https://ourworldindata.org/grapher/decadal-deaths-disasters-type> (accessed March 24, 2024)).

По оценкам экспертов, наибольшие потери от экстремальных природно-климатических явлений в денежном эквиваленте несут развитые страны. Объяснением является то, что в этих странах большое число дорогостоящих объектов, которые чаще всего покрыты страховой защитой. По размеру экономического ущерба первое место в мире с большим отрывом занимают Соединенные Штаты Америки. С 1980 по 2022 г. в США было зафиксировано 371 стихийное бедствие, повлекшее за собой

ущерб свыше 1 млрд долл. В то же время, если оценивать совокупный негативный эффект на экономику в целом, то гораздо сильнее страдают развивающиеся и бедные страны. Потери от одного урагана или наводнения для маленького островного государства могут измеряться в десятках процентов его валового внутреннего продукта (ВВП).

На сегодняшний день уязвимость населения к наступлению климатических рисков, вне зависимости от уровня развития стран, рас-

тет быстрее, чем нивелируется их негативное воздействие. Сложная система взаимосвязей климата, экономики, экологии и общества порождает новые экономические, социальные, медико-санитарные, культурные и экологические негативные эффекты в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Это обуславливает необходимость при оценках социально-экономических последствий наступления природных катастроф учитывать прямой и косвенный ущерб. При этом в каждом из видов ущерба различают текущие и отложенные потери. Прямые убытки относятся к физическому или структурному воздействию, вызванному стихийным бедствием, например разрушению инфраструктуры, вызванному сильными ветрами, наводнениями или сотрясениями земли. Косвенный ущерб может каскадным образом находить выражение в различных формах: от разорванных продуктовых цепочек и недостатка потребления продовольствия до снижения производительности труда в регионах. По оценкам Международной организации труда, при условии повышения глобальной температуры на 1,5°C потеря производительности из-за теплового стресса к 2030 г. будет эквивалентна 80 млн рабочих мест с полной занятостью, что приведет к экономическим издержкам в размере 2400 млрд долл. [24].

Влияние климата выходит далеко за рамки экономических рисков. Растущая нехватка воды и продовольствия, разрушение локальных экосистем приводят к вынужденной миграции населения, увеличению бедности и социального неравенства, геополитическим рискам и социальным волнениям, межстрановым конфликтам. Только с 2005 по 2015 г. 144 млн человек мигрировали в результате последствий климатических рисков. В Глобальном докладе о внутреннем перемещении отмечено, что 2022 г. стал годом самого высокого за всю историю зарегистрированного числа мигрирующих людей – почти 60 млн, из которых 25,2 млн дети в возрасте до 18 лет. Многие из этих перемещений были вызваны климатическими изменениями и сопутствующими им опасностями [25].

В период с 2000 по 2021 гг. продолжительность засух выросла на 29%. По подсчетам Всемирной продовольственной и сельскохозяйственной организации, ежегодно от них страдают порядка 55 млн человек. В 2021 г. проблемы, связанные с обеспечением населения продовольствием, затронули порядка 2,3 млрд человек, непосредственно голод ощутили на себе 11,7% жителей земного шара [26]. По пред-

варительным оценкам экспертов, уже к 2050 г. негативные последствия засухи могут затронуть три четверти населения планеты. Это означает, что для удовлетворения мирового спроса на продовольствие объем сельскохозяйственного производства должен увеличиться на 60% [27]. При этом возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, растущее влияние последствий климатических изменений на сельское и лесное хозяйство, рыболовство и аквакультуру создает риски для обеспечения глобальной продовольственной безопасности; с другой – сельское хозяйство, как биологически детерминированная и наиболее зависимая от природно-климатических условий отрасль, само является существенным источником выбросов парниковых газов и загрязнения окружающей среды [28].

Выводы

Значительное проявление в глобальном масштабе проблемы изменения климата дает все основания для отнесения ее к категории так называемых больших вызовов и угроз.

Обзор межправительственных документов, отразивших глобальный консенсус по вопросам развития и сотрудничества в области сохранения окружающей среды, продемонстрировал, что политические взгляды и приоритеты менялись от действий по снижению выбросов парниковых газов к адаптации к последствиям климатических изменений.

Негативные последствия, связанные с изменением климата, становятся все более частыми и интенсивными, существенно препятствуя реализации мер по достижению целей устойчивого развития. В связи с этим актуальность климатической повестки в системе ценностей и приоритетов устойчивого развития растет.

Сегодня проблема изменения климата стала центром внимания международной повестки дня. Многосторонняя взаимосвязь климата, экономики, экологии и общества не вызывает сомнения. Это определяет необходимость целостного восприятия климатических рисков в рамках динамической трехмерной структуры устойчивого развития.

Список литературы

1. The Global Risks Report 2023. 18th Edition // World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2023.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

2. The Global Risks Report 2024. 19th edition // World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf (дата обращения: 14.02.2024).
3. IPCC, 2023: Summary for Policymakers // Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [Core Writing Team, H. Lee and J. Romero (eds.)]. IPCC, Geneva, Switzerland. P. 1–34. <https://doi.org/10.59327/IPCC/AR6-9789291691647.001>
4. Данилов-Данильян В. И., Катцов В. М., Порфирьев Б. Н. Проблема климатических изменений – поле сближения и взаимодействия естественных и социогуманитарных наук // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 10. С. 914–925. <https://doi.org/10.31857/S0869587320100035>, EDN: YKQTJT
5. Nalau J., Verrall B. Mapping the evolution and current trends in climate change adaptation science // Climate Risk Management. 2021. Vol. 32. Art. 100290. <https://doi.org/10.1016/j.crm.2021.100290>
6. Fleming J. R. Joseph Fourier’s Theory of Terrestrial Temperatures // Historical Perspectives on Climate Change. New York, 1998; online edn, Oxford : Academic, 2020. P. 55–64. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195078701.003.0010>
7. Пахнин М. А. Экономика изменения климата: Нобелевская премия 2018 года Уильяма Нордхауса // Финансы и бизнес. 2020. Т. 16, № 1. С. 5–22. <https://doi.org/10.31085/1814-4802-2020-16-1-5-22>, EDN: KZOYSY
8. Кадомцева М. Е. Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение // AlterEconomics. 2023. Т. 20, № 1. С. 166–188. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9>
9. Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Л. Пределы роста. 30 лет спустя / пер. с англ. Е. С. Оганесян. 3-е изд. М. : ИКЦ «Академкнига». 2007. 342 с.
10. United Nations Conference on the Human Environment, Stockholm, 5–16 June 1972. URL: <https://www.un.org/en/conferences/environment/stockholm/1972> (дата обращения: 29.02.2024).
11. Convention on long-range transboundary air pollution. Geneva, 13 November 1979. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2021-05/1979%20CLRTA%20e.pdf> (дата обращения: 04.03.2024).
12. Environmental Perspective to the Year 2000 and Beyond: resolution / adopted by the General Assembly. UN. General Assembly (42nd sess.: 1987–1988). URL: <https://digitallibrary.un.org/record/153025?v=pdf> (дата обращения: 12.03.2024).
13. Linner B.-O., Merle J. From Stockholm to Kyoto and beyond: A review of the globalization of global warming policy and North–South relations // Globalizations. 2005. Vol. 2, iss. 3. P. 403–415. <https://doi.org/10.1080/14747730500368007>
14. The Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). URL: <https://www.ipcc.ch/about/> (дата обращения: 13.03.2024).
15. United Nations Framework Convention on Climate Change. 1992. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/conveng.pdf> (дата обращения: 17.03.2024).
16. United Nations Conference on Environment & Development. Rio de Janeiro, Brazil, 3 to 14 June 1992. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/Agenda21.pdf> (дата обращения: 18.03.2024).
17. Britannica, The Editors of Encyclopaedia. «Paris Agreement». Encyclopedia Britannica, 4 Mar. 2024. URL: <https://www.britannica.com/topic/Paris-Agreement-2015> (дата обращения: 22.03.2024).
18. Adoption of the Paris Agreement. Paris, 30 November to 11 December 2015. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf> (дата обращения: 22.03.2024).
19. Climate Change 2001: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Third Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / eds. J. J. McCarthy, O. F. Canziani, N. A. Leary, D. J. Dokken, K. S. White. Cambridge, UK ; New York : Cambridge University Press, 2001. 1032 p.
20. Порфирьев Б. Н., Терентьев Н. Е., Зинченко Ю. В. Планирование адаптации к изменениям климата: мировой опыт и возможности для устойчивого социально-экономического развития России // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2 (197). С. 154–168. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-154-168>
21. The Glasgow climate pact, annotated. URL: <https://www.washingtonpost.com/climate-environment/interactive/2021/glasgow-climate-pact-full-text-cop26/> (дата обращения: 26.03.2024).
22. Декларация от 25 сентября 2015 года Генеральной ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 23.03.2024).
23. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 3 июня 2015 года. Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/167/19/pdf/n1516719.pdf?token=RgzNFfUJbLx5x2Ppes&fe=true> (дата обращения: 28.03.2024)
24. Working on a warmer planet: The impact of heat stress on labour productivity and decent work International Labour Office – Geneva, ILO, 2019. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_711919.pdf (дата обращения: 02.04.2024).
25. Global Report on Internal Displacement 2022. URL: https://api.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/IDMC_GRID_2022_LR.pdf (дата обращения: 05.04.2024).

26. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2022. Переориентация политики в области продовольствия и сельского хозяйства в интересах повышения здорового питания. Рим : ФАО, 2022. 260 с. URL: <https://www.fao.org/3/cc0639ru/cc0639ru.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).
27. Kamal B. This Planet Is Drying Up. And these Are the Consequences. URL: <https://www.ipsnews.net/2022/12/planet-drying-consequences/> (дата обращения: 03.04.2024).
28. Седова О. В., Кадомцева М. Е. Современное состояние проблемы экологизации аграрного производства // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2017. № 3. С. 1–7. EDN: ZWB10T

References

1. The Global Risks Report 2023. 18th edition. *World Economic Forum*. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2023.pdf (accessed February 14, 2024).
2. The Global Risks Report 2024. 19th edition. *World Economic Forum*. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf (accessed February 14, 2024).
3. IPCC, 2023: Summary for Policymakers. In: *Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* [Core Writing Team, H. Lee and J. Romero (eds.)]. IPCC, Geneva, Switzerland, 2023, pp. 1–34. <https://doi.org/10.59327/IPCC/AR6-9789291691647.001>
4. Danilov-Danil'yan V. I., Kattsov V. M., Porfiriev B. N. The Problem of Climate Change: The Field of Convergence and Interaction between Natural Sciences and the Sociohumanities. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 90, no. 6, pp. 577–587. <https://doi.org/10.1134/S1019331620050123>, EDN: RWRRLJ
5. Nalau J., Verrall B. Mapping the evolution and current trends in climate change adaptation science. *Climate Risk Management*, 2012, vol. 32, art. 100290. <https://doi.org/10.1016/j.crm.2021.100290>
6. Fleming J. R Joseph Fourier's Theory of Terrestrial Temperatures. In: *Historical Perspectives on Climate Change*. New York, 1998; online edn. Oxford, Academic, 2020, pp. 55–64. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195078701.003.0010>
7. Pakhnin M. A. The Economics of Climate Change: William Nordhaus' Nobel Prize 2018. *Finansy i biznes* [Finance and Business], 2020, vol. 16, no. 1, pp. 5–22 (in Russian). <https://doi.org/10.31085/1814-4802-2020-16-1-5-22>, EDN: KZOYSY
8. Kadomtseva M. Ye. The concept of sustainable development: The evolution of theoretical approaches and modern vision. *AlterEconomics*, 2023, vol. 20, no. 1, pp. 166–188 (in Russian). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9>
9. Meadows D. Kh., Randers J., Meadows D. L. *Predely rosta. 30 let spustya* [Limits of growth. 30-years Update]. Moscow, IKTs "Academkniga", 2007. 342 p. (in Russian).
10. *United Nations Conference on the Human Environment, Stockholm, 5–16 June 1972*. Available at: <https://www.un.org/en/conferences/environment/stockholm1972> (accessed February 29, 2024).
11. *Convention on long-range transboundary air pollution. Geneva, 13 November 1979*. Available at: <https://unece.org/sites/default/files/2021-05/1979%20CLRTAP.e.pdf> (accessed March 4, 2024).
12. *Environmental Perspective to the Year 2000 and Beyond: resolution / adopted by the General Assembly. UN. General Assembly (42nd sess.: 1987–1988)*. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/153025?v=pdf> (accessed March 12, 2024).
13. Linner B.-O., Merle J. From Stockholm to Kyoto and beyond: A review of the globalization of global warming policy and North–South relations. *Globalizations*, 2005, vol. 2, iss. 3, pp. 403–415. <https://doi.org/10.1080/14747730500368007>
14. *The Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC)*. Available at: <https://www.ipcc.ch/about/> (accessed March 13, 2024).
15. *United Nations Framework Convention on Climate Change. 1992*. Available at: <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/conveng.pdf> (accessed March 17, 2024).
16. *United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, Brazil, 3 to 14 June, 1992*. Available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/Agenda21.pdf> (accessed March 18, 2024).
17. *Britannica, The Editors of Encyclopaedia. "Paris Agreement". Encyclopedia Britannica, 4 Mar. 2024*. Available at: <https://www.britannica.com/topic/Paris-Agreement-2015> (accessed March 22, 2024).
18. *Adoption of the Paris Agreement. Paris, 30 November to 11 December, 2015*. Available at: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf> (accessed March 22, 2024).
19. McCarthy J. J., Canziani O. F., Leary N. A., Dokken D. J., White K. S. (eds.) *Climate Change 2001: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Third Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge, UK, New York, Cambridge University Press, 2001. 1032 p.
20. Porfiriev B. N., Terent'ev N. E., Zinchenko Yu. V. Planning for adaptation to climate change: World experience and opportunities for sustainable social and economic development in Russia. *Studies on Russian Economic Development*, 2023, vol. 34, no. 2, pp. 263–273. <https://doi.org/10.1134/S1075700723020119>
21. *The Glasgow climate pact, annotated*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/climate-environment/interactive/2021/glasgow-climate-pact-full-text-cop26/> (accessed March 26, 2024).
22. *Declaration of 25 September 2015 by the UN General Assembly "Transforming our world: The 2030 Agenda*

- for Sustainable Development”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420355765> (accessed March 23, 2024) (in Russian).
23. *Resolution adopted by the General Assembly on June 3, 2015. Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030*. Available at: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/167/19/pdf/n1516719.pdf?token=RgzNFfUJbLx5x2Ppes&fe=true> (accessed March 28 2024) (in Russian).
24. *Working on a warmer planet: The impact of heat stress on labour productivity and decent work International Labour Office – Geneva, ILO, 2019*. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_711919.pdf (accessed April 2, 2024).
25. *Global Report on Internal Displacement 2022*. Available at: https://api.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/IDMC_GRID_2022_LR.pdf (accessed April 5, 2024).
26. *The State of Food Security and Nutrition in the World 2022: Reorienting food and agriculture policies to promote healthier diets*. Rome, FAO, 2022. 260 p. Available at: <https://www.fao.org/3/cc0639ru/cc0639ru.pdf> (accessed 05 April 2024).
27. Kamal B. *This Planet Is Drying Up. And these Are the Consequences*. Available at: <https://www.ipsnews.net/2022/12/planet-drying-consequences/> (accessed April 3, 2024).
28. Sedova O. V., Kadomtseva M. Ye. Current state of the issue of ecologization of agricultural production. *Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya* [Regional Agricultural Systems: Economics and Sociology], 2017, no. 3, pp. 1–7 (in Russian). EDN: ZWBIOT

Поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 18.05.2024; принята к публикации 20.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 18.05.2024; accepted for publication 20.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 262–274

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 262–274

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-262-274>, EDN: HSTZNT

Научная статья
УДК 331.55+339.9

Проблемы системы миграционных отношений в России как проявление противоречий этой системы

Н. С. Землянухина¹✉, С. Г. Землянухина², В. В. Суворова³

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

³Балаковский инженерно-технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Россия, 413853, Саратовская обл., г. Балаково, ул. Чапаева, д. 140

Землянухина Надежда Сергеевна, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, nadezhda_zeml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-486X>

Землянухина Светлана Георгиевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и маркетинга, swet.zemlyanuhina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6716-5470>

Суворова Виктория Васильевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика, организация и управление на предприятиях», VVSuvorova@mephi.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1683-1062>

Аннотация. Введение. Обострение проблем миграции как в России, так и в других странах актуализирует исследование миграционных отношений, выявление причин и последствий возникающих проблем. **Методология исследования.** В основе исследования – системный подход, а также положения о соотношении объективных противоречий, проблем и конфликтов. **Результаты.** Раскрыто проявление в проблемах миграции как внутренних противоречий различных элементов системы миграционных отношений, так и противоречий между элементами этой системы. В данном аспекте рассмотрены проблемы теневой и неустойчивой занятости мигрантов, проблемы социального иждивенчества мигрантов, противоречивость влияния миграции на демографические процессы и социально-экономическое развитие России, на сохранение российской идентичности. Обосновано, что адекватные формы разрешения противоречий системы миграционных отношений не допускают перерастания проблем в конфликты, а способствуют равноправному сосуществованию представителей различных национальных этносов и культур на территории России, эффективному участию мигрантов в экономической, социальной и культурной жизни российского общества. Миграционные потоки оказывают противоречивое влияние на решение задач в сфере социально-экономического развития страны: стабилизируют ситуацию с трудовыми ресурсами и снижают качество рабочей силы; разрешают противоречие между потребностями демографического воспроизводства населения России и естественной убылью населения и создают угрозу сохранения российской идентичности и т. п. **Заключение.** Несовершенство миграционной политики, ее несоответствие вызовам создавшейся миграционной ситуации, отсутствие адекватных форм разрешения противоречий этой системы лежат в основе обострения проблем и напряженности в миграционных отношениях, в основе возникновения конфликтов. В связи с тем, что конфликты могут приводить к активизации экстремисткой и террористической деятельности с разрушительными последствиями, общество и государство должны научиться своевременно предупреждать их и успешно решать, чтобы миграционные процессы могли реализовывать свой положительный потенциал.

Ключевые слова: миграционные отношения, противоречия, проблемы, конфликты, миграционная политика, демография, теневая и неустойчивая занятость, социальное иждивенчество, российская идентичность

Для цитирования: Землянухина Н. С., Землянухина С. Г., Суворова В. В. Проблемы системы миграционных отношений в России как проявление противоречий этой системы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 262–274. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-262-274>, EDN: HSTZNT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Problems of the migration relations system in Russia as a manifestation of this system's contradictions

N. S. Zemlyanukhina¹✉, S. G. Zemlyanukhina², V. V. Suvorova³

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

³Balakovo Institute of Engineering and Technology of the National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), 140 Chapayev St., Balakovo 413853, Saratov region, Russia

© Землянухина Н. С., Землянухина С. Г., Суворова В. В., 2024

Nadezhda S. Zemlyanukhina, nadezhda_zeml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-486X>

Svetlana G. Zemlyanukhina, swet.zemlyanuhina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6716-5470>

Victoria V. Suvorova, VVSuvorova@mephi.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1683-1062>

Abstract. Introduction. The aggravation of migration problems both in Russia and in other countries actualizes the study of migration relations, identifying the causes and consequences of emerging problems. **Research methodology.** The research is based on a systematic approach, as well as provisions on the correlation of objective contradictions, problems and conflicts. **Results.** The manifestation of internal contradictions of various elements of the migration relations system, as well as contradictions between the elements of this system, in the problems of migration is revealed. In this aspect, the problems of shadow and unstable employment of migrants, the problems of migrants' social dependency, the contradictory influence of migration on demographic processes and socio-economic development of Russia, on the preservation of Russian identity are considered. It is proved that adequate forms of resolving contradictions in the system of migration relations do not allow problems to escalate into conflicts, but promote equal coexistence of representatives of various national ethnic groups and cultures on the territory of Russia, effective participation of migrants in the economic, social and cultural life of Russian society. Migration flows have a contradictory effect on solving problems in the field of socio-economic development of the country: they stabilize the situation with labor resources, and reduce the quality of the workforce; resolve the contradiction between the needs of demographic reproduction of the Russian population and natural population decline and pose a threat to the preservation of Russian identity, etc. **Conclusion.** The imperfection of migration policy, its inadequacy to the challenges of the current migration situation, the lack of adequate forms of resolving the contradictions of this system lies at the heart of the aggravation of problems and tensions in migration relations, and the emergence of conflicts. Due to the fact that conflicts can lead to the intensification of extremist and terrorist activities with devastating consequences, in order to avoid them, society and the state must learn how to prevent conflicts in a timely manner and successfully resolve them so that migration processes can realize their positive potential.

Keywords: migration relations, contradictions, problems, conflicts, migration policy, demography, shadow and unstable employment, social dependency, Russian identity

For citation: Zemlyanukhina N. S., Zemlyanukhina S. G., Suvorova V. V. Problems of the migration relations system in Russia as a manifestation of this system's contradictions. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 262–274 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-262-274>, EDN: HSZTNT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В последнее время в России все чаще появляются сообщения об антииммигрантских настроениях, отмечается обострение миграционной ситуации, о чем свидетельствуют заголовки размещаемых в средствах массовой информации материалов: «Когда выгонят мигрантов из России?» [1], «Мигранты начинают покидать Россию?» [2], «Меры в борьбе с мигрантами в России в 2023 году» [3]. В числе проблем миграции, вызывающих негативное отношение к мигрантам, называются: сокращение рабочих мест для граждан России, экономические затраты на оказание медицинской помощи и услуг адаптации и социальной поддержки мигрантам, рост преступности и увеличение наркотических тенденций в обществе [1]. Отмечаются также такие проблемы, как увеличение нагрузки семей мигрантов на российскую социальную и медицинскую инфраструктуру и увеличение числа убийств, совершаемых мигрантами [4]. Усиление антииммигрантских настроений было вызвано также совершением террористического акта в «Крокус» Сити Холле выходцами из Таджикистана и попытками заказчиков этого преступления возложить вину на запрещенную в России террористическую организацию

ИГИЛ, т. е. скрыть истинных виновников этого теракта и представить мигрантов как лиц, подверженных идеологии терроризма, как источник террористической угрозы. Исследователи современных миграционных процессов в России обращают внимание на то, что при отсутствии эффективной государственной политики эти процессы становятся угрозой национальной безопасности и общественному порядку [5, с. 443].

Обострение проблем миграционных отношений актуализирует исследование этих отношений, выявление причин и последствий возникающих проблем. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы обращается внимание на состояние миграционной политики и делается вывод: для того, чтобы миграционные процессы реализовывали свой положительный потенциал, способствовали экономическому развитию и росту благосостояния населения, вся система управления ими в Российской Федерации должна быть модернизирована [6, 7]. Модернизация системы управления миграционными процессами должна опираться на научные основы, на систему научных знаний, которые составляют теоретическую базу практики управления, обеспечивают практику научными рекомендациями. Теоретической базой

управления применительно к миграционной политике выступает методология исследования миграционных отношений.

Методология исследования

В ранее опубликованной статье «Противоречия системы миграционных отношений: методология исследования» [8] мы предложили свою трактовку методологии исследования *противоречий* системы миграционных отношений через характеристику субъектов, объектов и предметов противоречий различных элементов этой системы. Данная статья представляет собой продолжение изучения противоречий миграционных отношений через раскрытие путей и способов их разрешения, через показ соотношения противоречий с проблемами и конфликтами. Это соотношение заключается в том, что возникшие, требующие решения проблемы представляют собой проявление противоречий, а конфликты свидетельствуют об обострении противоречий, что выражается в усилении и столкновении противоположных тенденций и интересов субъектов тех или иных отношений. В связи с тем, что миграционные отношения представляют собой сложную систему, состоящую из экономических, психологических, юридических, политических, трудовых, культурологических, этических и других элементов, исследование их противоречий предполагает использование методологии системного подхода. Это позволяет не только выявить элементы, входящие в систему миграционных отношений, но и показать связи и взаимодействия элементов как между собой, так и со средой обитания системы, а следовательно, противоречия как каждого элемента системы, так и между элементами миграционной системы в процессе ее функционирования.

Результаты

При рассмотрении соотношения проблем, противоречий и конфликтов системы миграционных отношений необходимо принять во внимание, что противоречия носят объективный характер, они существуют независимо от нашего знания о них. Проявлением противоречий миграционных отношений выступают проблемы, требующие решения. Однако они же способствуют и разрешению противоречий. В зависимости от того, находятся или не находятся адекватные формы разрешения противоречий в процессе выработки и реализации

миграционной политики, они могут выступать и источником, и тормозом развития. Сама по себе миграция во всех своих проявлениях достаточно противоречива, она может выступать и фактором социально-экономического развития, и препятствием на пути развития. В качестве форм проявления, свидетельствующих об обострении противоречий, следует рассматривать конфликты, характеризующиеся усилением и столкновением противоположных тенденций и интересов субъектов миграционных отношений.

Специфика конфликта в сопоставлении с противоречием состоит в том, что конфликт содержит в себе субъективный компонент, связанный с личностными психологическими характеристиками его участников, мировоззрением, ценностными ориентациями, нравственными установками. Это положение в полной мере относится и к мигрантам как основным субъектам миграционных отношений, и к государственным органам исполнительной власти, вырабатывающим и реализующим миграционную политику, а также к частным предпринимателям, вступающим с мигрантами в трудовые отношения. В частности, субъективными причинами конфликта в трудовых миграционных отношениях могут быть нарушения работодателем трудового законодательства о продолжительности труда, несправедливая оценка результатов труда мигрантов.

В качестве причин конфликтов могут выступать и несовершенство миграционного законодательства, и практики его применения. Так, А. С. Прудников, раскрывая основные проблемы и противоречия российского законодательства в сфере миграции, отмечает, что отсутствие действенных механизмов контроля и регулирования миграционных потоков способствует возникновению межнациональных конфликтов, формированию этнических анклавов, ухудшению социальной обстановки [9]. Отсюда можно сделать вывод о том, что совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере миграции, устранение проблем и противоречий в законодательстве в сфере миграции выступает как адекватная форма разрешения противоречий системы миграционных отношений. На наш взгляд, потребностям правового регулирования складывающейся миграционной ситуации соответствует предложение А. С. Прудникова о формировании миграционного законодательства в Российской Федерации как самостоятельной отрасли права в виде единого правового акта [9, с. 59]. Рассматривается также целесообразность

передачи полномочий Главного управления по вопросам миграции МВД России специальному органу государственной власти, который станет ответственным за миграционную политику. За создание такого органа В. В. Путин высказался на Прямой линии 14 декабря 2023 г.

В связи с тем, что миграционные отношения представляют собой систему, состоящую из разнообразных элементов, принятие решения о территориальном перемещении и смене постоянного места жительства может быть обусловлено любым из элементов этой системы. Это могут быть и политические, и идеологические убеждения, религиозная или национальная принадлежность, семейные обстоятельства, психологическая потребность в самореализации и т. п.

В психологическом элементе миграционных отношений противоречия находят проявления как во внутриличностных, так и в межличностных конфликтах: между внутренними потребностями личности и возможностями их удовлетворения; между сложившейся структурой ценностных ориентаций личности и необходимостью следовать противоречащим этому установкам. И процесс выработки решений о миграции, и процесс дальнейшего пространственного движения могут сопровождаться состоянием как психологического благополучия, так и травмированием психики. Острое негативное переживание, вызванное борьбой структур внутреннего мира личности, может отражать противоречивые связи с социальной средой и в процессе социально-психологической адаптации мигрантов. В результате конфликта возникает состояние психической напряженности, характеризующееся преобладанием негативных эмоций, пронизывающих и психику, и действия конфликтующих сторон, что особенно характерно для вынужденных мигрантов в связи с опасностью для их жизни и здоровья в местах прежнего проживания.

Проблемы в культурологическом элементе миграционных отношений возникают в связи с различиями и противоречиями между культурными и национальными обычаями и традициями мигрантов и населения принимающей их страны. Формой разрешения этих противоречий выступает социокультурная адаптация мигрантов на новом месте жительства. Она может быть успешной, когда мигранты включаются в экономическую, социальную и культурную жизнь принимающего общества как полноправные участники общественных отношений, и неуспешной, проявляющейся в

межэтнических столкновениях и конфликтах, в массовых беспорядках на почве обострения противоречий между мигрантами и местным населением и даже в организованной преступности в миграционной среде, в экстремизме и терроризме. Свидетельством отсутствия успешной социокультурной адаптации мигрантов является также формирование замкнутых анклавов легальных и полуполигальных этнических групп с собственной субкультурой, живущих по своим правилам и представляющих объединения большого количества людей с очень непрозрачными намерениями. Отсюда можно сделать вывод о том, что ключевым моментом адаптационной политики является пресечение самой возможности появления этнических анклавов в российских городах, препятствующих скорой интеграции мигрантов в принимающее общество. Во всяком случае существуют проблемы интеграции инокультурного компонента в социальную и культурную среду принимающих обществ, что подтверждает наличие противоречий в культурологическом элементе миграционных отношений.

Несмотря на всю значимость психологических, культурологических, идеологических и других причин миграции, в основе принятия решений мигрантами о территориальном перемещении лежат все-таки экономические мотивы, наиболее активные миграционные потоки устремляются именно в экономически развитые страны, где более высокий уровень и качество жизни, где есть возможность более высокой степени жизнеобеспечения мигрантов материальными и духовными благами. В процессе миграции находит проявление и разрешение противоречия между сформировавшейся структурой потребностей субъектов миграционных отношений и невозможностью их удовлетворения в стране проживания.

Система миграционных отношений сосуществует и взаимодействует со всем комплексом внутренних экономических, политических и социальных отношений, складывающихся в той или иной стране. В процессе этого взаимодействия миграционные отношения могут выступать формами как разрешения, так и обострения внутрисоциальных противоречий, более того, они могут стать и причинами формирования новых противоречий. Попытаемся обосновать эти положения на примере взаимодействия миграционных и демографических, миграционных и экономических, миграционных и этнических отношений в России.

Самым непосредственным образом миграционные потоки оказывают влияние на демографическую ситуацию в той или иной стране (таблица). Демографическая ситуация и динамика народонаселения России за более чем полувековой период (с 1970 по 2022 гг.) свидетельствует о том, что в 1970–1980-х гг. (до начала 1990-х гг.) происходило увеличение численности населения за счет естественного прироста, а в 1990-х гг. естественный прирост сменился естественной убылью, что привело

к сокращению численности населения. Незначительный естественный прирост населения наблюдался в течение трех лет (2013, 2014 и 2015 гг.), однако длился он недолго, уже с 2016 г. естественная убыль населения возобновилась и продолжается до сих пор – в 2021 г. она составила 1043,3 тыс. чел., а в 2022 г. – 599,6 тыс. чел. По итогам 2023 г., естественная убыль населения России, по предварительным данным Росстата, по сравнению с 2022 г. сократилась на 17% и составила 495,2 тыс. чел. [10]

Демографические показатели движения населения Российской Федерации [11–13]

Table. Demographic indicators of the Russian Federation population movement [11–13]

Годы	Все население, млн чел.	Естественный прирост/убыль, чел.	Миграционный прирост, чел.
1970	129,9	772 530	Нет данных
1980	138,1	677 024	Нет данных
1990	147,7	332 865	456 062
1991	148,3	103 969	227 371
1995	147,8	-840 005	603 198
1996	148,3	-777 611	443 296
2000	146,9	-958 532	241 755
2001	146,3	-943 252	81 781
2002	145,2	-935 305	81 449
2003	145,0	-888 525	43 884
2004	144,0	-792 925	41 275
2005	143,8	-846 559	107 432
2006	143,2	-687 066	132 319
2007	142,8	-470 323	239 943
2008	142,8	-362 007	242 106
2009	142,7	-248 856	247 449
2010	142,8	-239 568	158 078
2011	142,9	-129 091	319 761
2012	143,0	-4251	294 930
2013	143,3	24 013	295 859
2014	143,7	30 400	280 328
2015	146,5	32 938	245 384
2016	146,8	-2286	261 948
2017	146,9	-135 818	212 878
2018	146,9	-224 566	124 854
2019	146,8	-317 233	285 103
2020	146,7	-702 072	106 474
2021	146,2	-1 043 341	429 902
2022	145,6	-599 600	34 895

В аспекте влияния миграции на демографические показатели развития России следует отметить, что общая численность населения Российской Федерации сокращалась не столь

значительно в результате влияния миграционного прироста, который в определенной степени компенсировал, а в отдельные годы даже превышал естественную убыль населения. Наи-

большой уровень миграционного прироста в Россию наблюдался в начале 1990-х гг. в связи с распадом Советского Союза и провозглашением независимости государств, ранее бывших в составе СССР союзными республиками. С 1992 по 2021 г. в Россию на постоянное жительство въехало 7 502 022 чел. [14].

В 2021 г. произошло резкое увеличение миграционного прироста в России – 429 902 чел. по сравнению со 106 474 чел. в 2020 г., или более чем в четыре раза. Такая динамика миграционного прироста объясняется в том числе и тем, что из-за карантина во время эпидемии коронавируса многим мигрантам продлевались сроки пребывания в стране. А вот в 2022 г. миграционный прирост по сравнению с предыдущим годом резко сократился (в 12,3 раза): в 2021 г. численность прибывших мигрантов составляла 4 277 442 чел., в 2022-м – 4 168 475 чел. (сокращение на 108 967 чел.). В то же время увеличилось количество выбывших за пределы страны: в 2021 г. – 3 847 540 чел., в 2022 г. – 4 133 580 чел. (увеличение на 286 040 чел.) [15]. На увеличение количества эмигрировавших за пределы страны повлияло проведение специальной военной операции на Украине и объявление частичной мобилизации в сентябре 2022 г. [16], что вызвало значительную «антивоенную» эмиграцию, в то же время произошел масштабный приток беженцев с территорий Украины.

Приведенные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что миграционный прирост как один из факторов стабилизации численности населения в России выступает формой разрешения противоречия между потребностями демографического воспроизводства населения России и естественной убылью населения, превышения смертности над рождаемостью. Миграционные потоки в Россию позволяют также заполнять вакансии на рынке труда и таким образом частично разрешают противоречие между потребностями российской экономики в трудовых ресурсах и их дефицитом, что особенно характерно для видов занятости, обслуживаемых дешевой и низкоквалифицированной рабочей силой. Известно, что сферами занятости мигрантов выступают: жилищно-коммунальное хозяйство, строительство, общественное питание, огромное количество этих людей работают развозчиками пиццы, таксистами. Привлечение в эти сферы в качестве рабочей силы мигрантов и непопулярность (непрестижность) этих видов труда у коренного населения Рос-

сии обусловлена как низким уровнем оплаты, так и неблагоприятными условиями труда.

Миграционный прирост/убыль выступает как результат соотношения въезда и выезда мигрантов, иммиграции и эмиграции. Если миграционные потоки в Россию частично разрешают противоречие между потребностями российской экономики в трудовых ресурсах и их дефицитом, то миграционный отток трудоспособного (в том числе и высококвалифицированного) населения из России создает реальную угрозу для расширенного воспроизводства квалифицированной рабочей силы и, следовательно, усугубляет противоречие между потребностями экономики в высокопрофессиональной рабочей силе и ее дефицитом. Таким образом, миграционные потоки оказывают противоречивое влияние на решение задач в сфере социально-экономического развития страны: с одной стороны, они стабилизируют ситуацию с трудовыми ресурсами, а с другой – миграционный отток высококвалифицированной рабочей силы («утечка мозгов») снижает качество рабочей силы, препятствует созданию и внедрению передовых инновационных технологий. Противоречия трудовых миграционных отношений находят проявление и в антииммиграционной риторике на фоне использования труда мигрантов.

Возвращаясь к проблеме демографического воспроизводства населения России, следует заметить, что кардинальное решение демографической проблемы должно достигаться не за счет миграционного прироста, а за счет увеличения рождаемости коренного населения России. Это предполагает повышение общественной и социальной значимости семьи и традиционных семейных ценностей – важнейшей нравственной опоры и залога успешного развития и в настоящем, и в будущем. Как отметил Президент России в Послании Федеральному Собранию 2024 г., ценности любви, взаимной поддержки и доверия передаются в семье из поколения в поколение, так же как культура, традиции, история, нравственные устои. Возврат к идее многодетной семьи как центрального ориентира и объекта государственной политики народосбережения ведет к стабильности общества и позволяет уменьшить потребность в привлечении мигрантов в качестве трудовой рабочей силы.

Трудовые отношения мигрантов в России сосуществуют и переплетаются с трудовыми отношениями, которые складываются между российскими наемными работниками и работодателями, поэтому проблемы трудовой сферы

являются общими как для российских трудовых ресурсов, так и для мигрантов. Проблемой современного российского рынка труда (в том числе и иностранной рабочей силы) является теневая занятость неформально занятых работников. Численность занятых в неформальном секторе экономики, по оценкам Росстата, в последние годы составляла около 15 млн чел., или 20% от общей численности занятого населения России [17, с. 94; 18, с. 69]. Результаты исследования положения мигрантов на российском рынке труда, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС посредством опроса трудовых мигрантов в Московском регионе, где работают более 40% иностранных граждан, свидетельствуют о том, что в марте 2022 г. 23% и в марте 2023 г. 36% опрошенных получают зарплату неофициально [19, с. 78], что подтверждает более высокий уровень теневой занятости среди мигрантов по сравнению со всеми занятыми в России. Как отметил Президент РФ, в России, по разным подсчетам, свыше 10 млн трудовых мигрантов. Количество нелегальных мигрантов директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН Марина Храмова оценила в 3–4 млн чел. [20].

В основе теневой занятости лежат общие проблемы правового регулирования трудовой деятельности граждан, которые обуславливают для предпринимателей уход от уплаты налогов и стремление обеспечить доходность деятельности предприятия, а для наемных работников теневая занятость представляет собой вынужденную выживательную стратегию, спасающую от нищеты. Теневая занятость мигрантов также обусловлена противоречием между положениями российского миграционного законодательства и стремлением мигрантов к трудоустройству и получению средств к существованию. В связи с тем, что миграционные отношения включают в себя также морально-нравственные и этические элементы, причиной конфликтов могут выступать и они.

Теневая занятость мигрантов самым непосредственным образом связана с нелегальной миграцией – готовность недобросовестных работодателей нанимать незаконных мигрантов является фактором, способствующим нелегитимной миграции. В свою очередь, теневая занятость мигрантов выступает следствием нелегальной (криминальной) миграции. Конечно, и легальные мигранты могут трудоустроиться неофициально, без должного оформления до-

кументов. Но в случае нелегальной миграции другой альтернативы, кроме теневой занятости, для этих мигрантов не может существовать. И она существует в связи с наличием коррупции – легализация пребывания нелегальных мигрантов происходит за денежное вознаграждение посредникам в незаконном получении мигрантами документов, предоставляющих право пребывать и осуществлять трудовую деятельность на территории Российской Федерации. Речь идет о взятках, получаемых представителями государственной власти как от предпринимателей за беспрепятственное использование нелегальных мигрантов, так и от самих мигрантов, в том числе в процессе их легализации. Таким образом, нелегальная миграция выступает существенным фактором для развития коррупции, на что обращает внимание Н. В. Кондраткова [21, с. 56].

В свою очередь, коррупция создает возможности для незаконного проникновения на территорию России мигрантов и их легализации. То есть теневая занятость мигрантов, нелегальная миграция и должностная коррупция на государственной службе выступают как неразрывные звенья одной цепи. Эти противоправные деяния и отношения и предполагают, и обуславливают друг друга. Председатель Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин считает, что «миграционные процессы необходимы для благополучия стран, но при отсутствии эффективной государственной политики они становятся угрозой национальной безопасности и общественному порядку» [22, с. 9]. В свете современных событий напрашивается вывод о том, что требуется не просто совершенствование миграционной политики, а глубокий, кардинальный ее пересмотр, включающий искоренение коррупции применительно ко всем субъектам системы миграционных отношений, пересмотр закона о российском гражданстве, использование организованного набора мигрантов для нужд российской экономики и т.п.

Что касается теневой занятости мигрантов, основанной на нарушениях как миграционного законодательства, так и норм морали и деловой этики, то ее, разумеется, нельзя признать адекватной формой разрешения противоречий трудовых миграционных отношений. Теневая занятость приводит к усилению эксплуатации и ухудшению положения теневых трудовых мигрантов по сравнению с легально занятыми. Причем нелегальное положение трудовых мигрантов лишает их возможности защитить свои права

посредством обращения в официальные российские органы. Статус нелегального мигранта может провоцировать экстремистки настроенную часть населения к выбору мигрантов в качестве «жертвы». Складывающаяся ситуация притеснения мигрантов со стороны работодателей и незащищенности со стороны законодательства содержит в себе скрытую угрозу конфликта. Провокаторами и виновниками конфликта выступают и коррумпированные субъекты миграционных отношений, те посредники и должностные лица, которые за взятки оформляют и гражданство, и трудоустройство нелегальных мигрантов.

К проблемам современного российского рынка труда следует отнести не только теневую занятость, но и неустойчивую занятость, которая характеризует снижение количественных аспектов трудовой деятельности и ухудшение качества занятости. Проблемы неустойчивости занятости являются особо острыми и актуальными для такой категории трудовых ресурсов, как трудящиеся-мигранты в России. К элементам неустойчивости занятости трудящихся-мигрантов наряду с общими характеристиками относятся и специфичные для данной категории работников элементы, обусловленные особенностями правового положения мигрантов, необеспеченностью цивилизованных условий для их труда и социальной защиты.

Специфичность и неустойчивость положения трудовых мигрантов находит проявление как в процессе трудовой деятельности при установлении продолжительности рабочего времени и величины оплаты труда [23], так и в повседневной жизни в связи с отсутствием гарантий по обеспечению жильем, ограничением доступа к услугам здравоохранения и образования и т. п., что позволяет исследователям относить их к части нового социального класса – прекариата – и давать оценку их труда как труда полурабов [24, с. 176; 25]. Справедливость такой оценки подтверждается также социально-психологическими, морально-нравственными проявлениями отношения к мигрантам, принижающими достоинство человека как личности, как гражданина, нарушающими закрепленные в международных нормах права и свободы человека.

Права и свободы мигрантов предусмотрены Международной конвенцией о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1990 г. [26]. В соответствии со ст. 64 данной Конвенции государства должны содействовать созданию нормальных, справедливых и гуманных условий

в отношении международной миграции трудящихся и членов их семей, причем должное внимание уделять не только трудовым потребностям и ресурсам, но и социальным, экономическим, культурным и другим их нуждам. Улучшение условий для мигрантов включает в себя создание равных возможностей для трудоустройства, доступ к образованию, медицинскому обслуживанию и жилью, а также защиту прав мигрантов. Нарушение закрепленных в международных нормах прав и свобод человека способно спровоцировать распространение русофобских и экстремистских настроений среди мигрантов. Миграция – это сложный и многогранный процесс, который требует внимательного и чуткого подхода со стороны государства и общества, и предпринимаемые действия для интеграции мигрантов в наше общество и защиты наших граждан должны быть направлены на создание нормальных условий для жизни и труда всех – как наших граждан, так и мигрантов.

Противоречия трудовых и нравственно-этических элементов системы миграционных отношений (как внутри элементов, так и между ними) находят проявления также и в проблемах социального иждивенчества мигрантов. На возможность паразитического существования на социальные пособия в аспекте социокультурной адаптации и маргинализации иммигрантов обратили внимание Н. А. Мязин [27], И. Е. Старовойтова и Л. В. Кожевникова [28]. Проблема проявления социального иждивенчества отмечается и среди такой категории мигрантов, как беженцы и вынужденные переселенцы, на что обратили внимание Б. М. Баширов и другие исследователи этой проблемы [29, 30].

На наш взгляд, основную причину социального иждивенчества следует трактовать как следствие распространения в настоящее время эгоистической потребительской идеологии, несформированности у данной категории трудовых ресурсов таких морально-нравственных качеств, как трудолюбие, сознание обязательности и необходимости труда как нравственного императива человека, важнейшего условия человеческого существования. Для нравственной личности неприемлемо вести праздный образ жизни, жить за счет других людей. Это в полной мере относится как к мигрантам, так и к коренному населению России.

В то же время при рассмотрении проблем трудоустройства вынужденных мигрантов необходимо иметь в виду, что незанятость этой категории мигрантов может быть обусловлена

и причинами, которые не зависят от мигрантов, например, несоответствие оплаты труда, предлагаемой работодателями, запросам мигрантов; отсутствие на рынке труда региона вакансий по имеющимся у мигрантов профессиям и т.п. [31, с. 17].

Глобальная миграция в современном мире, рост мобильности и трансграничных перемещений населения актуализировали проблему национальной идентичности. Национальная идентичность представляет собой сознание человеком своей сопричастности, принадлежности к той или иной нации, этносу, приобщение к национальной культуре, знание языка, истории, традиций и обычаев своего народа. В проблеме национальной идентичности проявляется взаимодействие миграционных и этнических отношений, находит проявление противоречие между социокультурными национальными ценностями коренного населения и иммигрантов. Обострение этого противоречия содержит в себе риск дестабилизации межэтнических отношений, которые могут негативным образом сказаться на национальной безопасности страны.

Одной из проблем сохранения национальной идентичности российского общества в условиях интенсивных иммиграционных потоков является знание русского языка. Язык выступает не только средством общения и получения знаний, он формирует особый тип сознания, моральные императивы, является неотъемлемой частью культурной самобытности и расширения прав и возможностей как личности, так и группы. Незнание русского языка препятствует интеграции мигрантов в многонациональное российское общество и ухудшает состояние межнациональных отношений [27]. Эта ситуация усугубляется в том случае, когда сертификаты на подтверждение владения русским языком получают мигрантами через теневой рынок услуг, что позволяет мигрантам, не владеющим элементарно русским языком, «успешно сдавать экзамены» и получать возможность трудоустройства на территории страны, знание языка и законов которой их не интересует [21, с. 57].

Однако следует заметить, что знание языка является хоть и важнейшим, но лишь одним из факторов формирования национальной идентичности. По мнению С. В. Зенченко, национальная идентичность формируется под воздействием не только языка, но и культуры, религии, общего исторического прошлого, она детерминирована современными, насущными политическими, социально-экономическими, территориальными

связями и интересами, а также видением стратегии развития будущего как принимающего социума, так и мигрантов [32]. При рассмотрении идентичности российского общества следует иметь в виду, что Россия является многонациональной страной, поэтому следует вести речь не столько о сохранении специфики национальной идентичности тех или иных наций и этносов российского общества, сколько направлять усилия на сохранение и развитие того общего, что присуще общероссийской идентичности. Сохранение и развитие общероссийской идентичности, основанной на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, следует, на наш взгляд, рассматривать как адекватную форму разрешения противоречий межэтнических отношений.

В аспекте сохранения того общего, что формировало российскую цивилизационную идентичность, следует отметить общую историческую судьбу народностей и этносов бывшего Советского Союза. Дружба народов советских республик, которую символизирует фонтан на ВДНХ в Москве, была не только идеологической установкой, но и реальностью многонационального советского общества. Конечно, существовали противоречия между различными нациями и народностями, проживающими на территории бывшего советского пространства, но адекватные формы разрешения этих противоречий, направленность советской национальной политики на обеспечение расцвета экономики и культуры всех наций и народов и их сближение на основе принципов интернационализма не позволяли противоречиям перерастать в вооруженные конфликты между носителями разных этнических идентичностей. В этом аспекте становится понятной предпочтительность иммиграции в Россию из бывших советских республик, особенно этнических русских, связанных с Россией общей исторической судьбой и сохранивших устойчивые черты советского менталитета.

Нельзя не признать, что определенная угроза размывания духовной и культурной идентичности страны в связи с увеличением количества мигрантов все же имеется. В этом аспекте немаловажное значение имеет соотношение, в котором находятся мигранты с коренным населением, – увеличение удельного веса мигрантов в численности населения России создает угрозу сохранения генофонда, чревато нежелательной трансформацией национальной идентичности.

Поскольку Россия является не только многонациональной, но и многоконфессиональ-

ной страной, положение об общероссийской идентичности можно применить и к проблеме конфессиональной идентичности. Существует тесная взаимосвязь этнической и конфессиональной идентичностей. Общечеловеческие ценности, наиболее общие, абсолютные, непрекаемые морально-этические нормы (добра, справедливости, правды) нашли отражение и выражение в том числе и в религиозных заповедях различных конфессий. В современных условиях необходимо осознание непреложной истины – различие культур, этносов, языков, религий является нормой человеческого общежития. Признание этноконфессиональной идентичности как способа человеческого существования обеспечивает толерантное сосуществование сообществ с различными религиозными и этническими идентичностями [33]. Уникальным примером межэтнического и межконфессионального единства является Россия.

Заключение

Противоречивая природа системы миграционных отношений проявляется в противоречиях как каждого ее конкретного элемента, так и между элементами этой системы. Поскольку элементы системы миграционных отношений взаимодействуют, представляют собой целостность, постольку и противоречия этой системы как бы интегрируются, выступают в единстве, поэтому представляется затруднительным выявить, противоречия каких именно элементов преобладают в создавшейся в данный момент миграционной проблеме. К тому же система миграционных отношений находится во взаимодействии с другими системами, выступающими как внешняя среда для миграционных отношений, которая может разрешать или усугублять противоречия миграции. Разрешение противоречий системы миграционных отношений происходит в процессе взаимодействия субъектов различных элементов этой системы, как в процессе рыночного саморегулирования, так и посредством реализации системы мер государственного регулирования миграционных отношений, направленного на учет интересов субъектов этих отношений и недопущение конфликтов.

Самым непосредственным образом на миграционные отношения оказывает влияние система политических отношений, в частности миграционная политика. Несовершенство миграционной политики, ее несоответствие вызовам создавшейся миграционной ситуации, отсутствие

адекватных форм разрешения противоречий этой системы лежат в основе обострения проблем и напряженности в миграционных отношениях, в основе возникновения конфликтов. В числе причин обострения миграционной ситуации следует отметить коррупцию, позволяющую мигрантам нарушать миграционное законодательство, а также попытки решения миграционных проблем исключительно силовыми методами, приводящими к нарушению прав мигрантов. В связи с тем, что конфликты могут приводить к активизации экстремисткой и террористической деятельности с разрушительными последствиями, для их предотвращения общество и государство должны научиться своевременно предупреждать конфликты и успешно их разрешать, с тем чтобы миграционные процессы могли реализовывать свой положительный потенциал.

Список литературы

1. Когда выгонят мигрантов из России? URL: <https://yasoldat.ru/kogda-vygonyat-migrantov-iz-rossii-2023> (дата обращения: 24.08.2023).
2. Мигранты начинают покидать Россию? // *Gazeta-Pravda.ru*. URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/87-31436-17-avgusta-2023-goda/migranty-nachinayut-pokidat-rossiyu/?ysclid=1lqdm1tfo61222219> (дата обращения: 24.08.2023).
3. Меры в борьбе с мигрантами в России в 2023 году. URL: <https://www.burn-soft.ru/mery-v-borbe-s-migrantami-v-rossii-v-2023-godu/?ysclid=1lqe0y9n2371051916> (дата обращения: 24.08.2023).
4. *Костиков В.* Тень открытых дверей. Должна ли Россия с распростертыми объятиями встречать трудовых мигрантов? URL: <https://jurnali-vsem.ru/biznes/argumenty-i-fakty-25-iyun-2023> (дата обращения: 24.08.2023).
5. *Спектор А. А.* Современные контексты миграционных процессов в России // *Научное обозрение: теория и практика*. 2023. Т. 13, № 3 (97). С. 443–453.
6. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 // *Собр. законодательства. Рос. Федерации*. 2018. № 45, ст. 6917.
7. О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 : указ Президента РФ от 12.05.2023 № 342. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120003?index=6&rangeSize=1> (дата обращения: 24.07.2023).
8. *Землянухина Н. С., Землянухина С. Г., Суворова В. В.* Противоречия системы миграционных отношений: методология исследования // *Известия Саратовско-*

- го университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 368–378. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-368-378>, EDN: MCREXS
9. Прудников А. С. О ряде проблем и противоречий в законодательстве в сфере миграции // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 58–60. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-58-60>, EDN: RBXLCQ
 10. Естественная убыль населения России сократилась на 17%. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/02/2024/65cf70a09a7947f88b129334> (дата обращения: 31.03.2024).
 11. Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник. 2018 : стат. сб. М. : Росстат, 2018. 694 с.
 12. Российский статистический ежегодник. 2022 : стат. сб. М. : Росстат, 2022. 691 с.
 13. Социально-экономическое положение России – январь 2023 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2023.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).
 14. Международная миграция в России с 1990 по 2021 год. URL: <https://proza.ru/pics/2023/04/01/1612.jpg> (дата обращения: 05.06.2023).
 15. Росстат опубликовал данные по демографии России за 2022 год. URL: https://mayaksbor.ru/news/society/rosstat_opublikoval_dannye_po_demografii_rossii_za_2022_god/ (дата обращения: 05.07.2023).
 16. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации : указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210001> (дата обращения: 07.06.2023).
 17. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022 : стат. сб. М. : Росстат, 2022. 152 с.
 18. Социальное положение и уровень жизни населения России : стат. сб. М. : Госкомстат, 2023. 463 с.
 19. Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию (на примере Московского региона): уехать нельзя остаться // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 4. С. 69–85. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18809>
 20. Глава института РАН назвала оценки числа нелегальных мигрантов России. URL: <http://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c5dfca9a794768ad46dd4d> (дата обращения: 01.04.2024).
 21. Кондраткова Н. В. Незаконная трудовая миграция как фактор развития коррупции // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Новосибирск, 30 ноября 2022 г.). М. : Московская академия СК РФ, 2023. С. 53–60. EDN: WADBLE
 22. Бастрыкин А. И. О необходимости дальнейшего совершенствования миграционной политики Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 2 (36). С. 9–13. <https://doi.org/10.54217/2411-1627.2022.36.2.001>, EDN: WLDWCR
 23. Шичкин И. А. Состояние, масштабы и направления снижения неустойчивой занятости трудящихся-мигрантов в России // Уровень жизни населения регионов России. 2018. Т. 14, № 3. С. 38–44. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10026>
 24. Тоценко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М. : Наука, 2018. 350 с.
 25. Воробьева И. В. Трудовые мигранты в России: проблемы занятости иностранных трудовых работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 85–95. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-1-85-95>
 26. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant7.shtml (дата обращения: 05.06.2023).
 27. Мязин Н. А. Проблема миграции населения из стран ближнего зарубежья в Российскую Федерацию // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12. С. 68–76. <https://doi.org/10.24158/tpor.2022.12.10>, EDN: EOMPQQ
 28. Старовойтова И. Е., Кожевникова Л. В. Риски утраты социокультурной идентичности в контексте миграционных процессов // Общество. Доверие. Риски : материалы Ежегодного Международного форума (г. Москва, 28 октября 2020 г.) / под общ. ред. И. В. Грошева. М. : Государственный ун-т управления, 2020. С. 257–260. EDN: KUFPKO
 29. Баширов Б. М. Проявления социального иждивенчества среди беженцев и вынужденных переселенцев // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 5 (62). С. 302–307.
 30. Карпикова И. С., Нефедьева Е. И., Зимина Е. В., Седых О. Г., Соломеин А. А. Практики социального иждивенчества в современной России (опыт и результаты регионального исследования). М. : Библио-Глобус, 2018. 204 с. <http://doi.org/10.18334/9785907063310>
 31. Шмелева С. А. Деятельность Уполномоченного по правам человека в Ивановской области по обеспечению прав граждан, эвакуированных из Луганской, Донецкой Народных Республик, Украины на территорию Ивановской области // На пути к гражданскому обществу. 2022. № 4 (48). С. 6–19.
 32. Зенченко С. В. Влияние миграции на формирование национальной идентичности в современном мире // Закономерности трансформации политических институтов в современном мире и в Республике Беларусь : материалы круглого стола каф. политологии юрид. фак. Белорусского гос. ун-та (г. Минск, 30 марта 2023 г.). Минск : БГУ, 2023. С. 26–31.
 33. Магомедова М. З. Теоретические подходы к изучению проблемы этноконфессиональной идентичности // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 8–5 (66). С. 266–269. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4023157>, EDN: AXOOMR

References

1. *Kogda vygonjat migrantov iz Rossii?* (When will migrants be expelled from Russia?). Available at: <https://yasoldat.ru/kogda-vygonyat-migrantov-iz-rossii-2023> (accessed August 24, 2023) (in Russian).
2. Are migrants starting to leave Russia? *Gazeta-Pravda.ru*. Available at: <https://gazeta-pravda.ru/issue/87-31436-17-avgusta-2023-goda/migranty-nachinayut-pokidat-rossiyu/?ysclid=llqdm1tfo61222219> (accessed August 24, 2023) (in Russian).
3. *Mery v bor'be s migrantami v Rossii v 2023 godu* (Measures to combat migrants in Russia in 2023). Available at: <https://www.burn-soft.ru/mery-v-borbe-s-migrantami-v-rossii-v-2023-godu/?ysclid=llqe0y9n2371051916> (accessed August 24, 2023) (in Russian).
4. Kostikov V. *Ten' otkrytykh dverey. Dolzhna li Rossiya s rasprostertymi ob'yat'yami vstrechat' trudovykh migrantov?* (The shadow of open doors. Should Russia welcome migrant workers with open arms?). Available at: <https://jurnali-vsem.ru/biznes/argumenty-i-fakty-25-iyun-2023> (accessed August 24, 2023) (in Russian).
5. Spector A. A. Modern contexts of migration processes in Russia. *Nauchnoe obozrenie: teoria i praktika* [Scientific Review: Theory and Practice], 2023, vol. 13, iss. 3, pp. 443–453 (in Russian).
6. On the Concept of the State migration policy of the Russian Federation for 2019–2025. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 no. 622. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2018, no. 45, art. 6917 (in Russian).
7. *On Amendments to the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 no. 622. Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2023 no. 342*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120003?index=6&rangeSize=1> (accessed July 24, 2023) (in Russian).
8. Zemlyanukhina N. S., Zemlyanukhina S. G., Suvorova V. V. Contradictions of the migration relations system: Research methodology. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 368–378 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-368-378>, EDN: MCREXC
9. Prudnikov A. S. On a number of problems and contradictions in legislation in the field of migration. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4, pp. 58–60 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-58-60>, EDN: RBXLCQ
10. *Yestestvennaya ubyl' naseleniya Rossii sokratilas' na 17%* (The natural decline of the Russian population has decreased by 17%). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/16/02/2024/65cf70a09a7947f88b129334> (accessed March 31, 2023) (in Russian).
11. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2018* [Federal State Statistics Service. The Russian Statistical Yearbook. 2018]. Moscow, Rosstat, 2018. 694 p. (in Russian).
12. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2022* [Russian Statistical Yearbook. 2022]. Moscow, Rosstat, 2022. 691 p. (in Russian).
13. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii – yanvar' 2023 goda* (The socio-economic situation of Russia is January 2023). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2023.pdf> (accessed July 5, 2023) (in Russian).
14. *Mezhdunarodnaya migratsiya v Rossii s 1990 po 2021 god* (International migration in Russia from 1990 to 2021). Available at: <https://proza.ru/pics/2023/04/01/1612.jpg> (accessed June 5, 2023) (in Russian).
15. *Rosstat opublikoval dannyye po demografii Rossii za 2022 god* (Rosstat has published data on the demography of Russia for 2022). Available at: https://mayakbor.ru/news/society/rosstat_opublikoval_dannyye_po_demografii_rossii_za_2022_god/ (accessed July 5, 2023) (in Russian).
16. *On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 2022 no. 647*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210001> (accessed June 7, 2023) (in Russian).
17. *Rabochaya sila, zanyatost' i bezrobotitsa v Rossii (po rezul'tatam vyborochnykh obsledovaniy rabochey sily). 2022* [Labor force, employment and unemployment in Russia (according to the results of sample surveys of the labor force). 2022]. Moscow, Rosstat, 2022. 152 p. (in Russian).
18. *Sotsial'noye polozheniye i uroven' zhizni naseleniya Rossii* [Social status and standard of living of the Russian population]. Moscow, Goskomstat, 2023. 463 p. (in Russian).
19. Florinskaya Yu. F. Labor migration to Russia (using the example of the Moscow region): You can't leave and stay. *Demographic Review*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 69–85 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18809>
20. *Glava instituta RAN nazvala otsenki chisla nelegal'nykh migrantov Rossii* (The head of the Institute of the Russian Academy of Sciences named estimates of the number of illegal migrants in Russia). Available at: <http://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c5dfca9a794768ad46dd4d> (accessed April 1, 2024) (in Russian).
21. Kondratkova N. V. Illegal labor migration as a factor in the development of corruption. *Aktual'nye problemy bor'by s korruptsiyey: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Novosibirsk, 30 noyabrya 2022 g.)* [Current Problems in the Fight Against Corruption: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, November 30, 2022)]. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation Publ., 2023, pp. 53–60 (in Russian). EDN: WADBLE
22. Bastrykin A. I. On further improvement of the migration policy of the Russian Federation. *Criminological Investigation: Problems and Ways of their Solution*, 2022, no. 2 (36), pp. 9–13 (in Russian). <https://doi.org/10.54217/2411-1627.2022.36.2.001>, EDN: WLDWCR

23. Shichkin I. A. The present state, scope and priorities in reducing precarious employment of labour migrants in Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 38–44 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10026>
24. Toshchenko Zh. T. *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: From proto-class to a new class]. Moscow, Nauka, 2018. 350 p. (in Russian).
25. Vorobyova I. V. Labor migrants in Russia: Issues of the foreign workers employment. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, 2020, no. 1, pp. 85–95 (in Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-1-85-95>
26. *International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families*. Adopted by General Assembly resolution 45/158 of December 18, 1990. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant7.shtml. (accessed June 5, 2023) (in Russian).
27. Myazin N. A. The problem of migration of the population from nearby countries abroad to the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development*, 2022, no. 12, pp. 68–76 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.12.10>, EDN: EOMPQQ
28. Starovoitova I. E., Kozhevnikova L. V. Risks of loss of socio-cultural identity in the context of migration processes. In: *Obshchestvo. Doveriye. Riski: materialy Yezhegodnogo Mezhdunarodnogo foruma* [Groshev I. V. (ed.) Society. Confidence. Risks: Materials of the Annual International Forum (Moscow, October 28, 2020. Moscow, State University of Management Publ., 2020, pp. 257–260 (in Russian). EDN: KUFPKO
29. Bashirov B. M. Manifestations of social dependence among refugees and IDPs. *Science Bulletin*, 2023, vol. 1, no. 5 (62), pp. 302–307 (in Russian).
30. Karpikova I. S., Nefedieva E. I., Zimina E. V., Sedykh O. G., Solomein A. A. *Practices of social dependency in modern Russia (experience and results of a regional study)*. Moscow, Biblio-Globus, 2018. 204 p. (in Russian). <http://doi.org/10.18334/9785907063310>
31. Shmeleva S. A. Activities of the Commissioner for Human Rights in the Ivanovo region to ensure the rights of citizens evacuated from the Luhansk, Donetsk People's Republics, Ukraine to the territory of the Ivanovo region. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu* [On the Way to Civil Society], 2022, no. 4 (48), pp. 6–19 (in Russian).
32. Zenchenko S. V. Impact of migration on the formation of national identity in the modern world. In: *Zakonomernosti transformatsii politicheskikh institutov v sovremennom mire i v Respublike Belarus': materialy kruglogo stola kafedry politologii yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta (g. Minsk, 30 marta 2023 g.)*. [Patterns of Transformation of Political Institutions in the Modern World and in the Republic of Belarus: Materials of the Round Table of the Department of Political Science of the Faculty of Law of the Belarusian State University (Minsk, March 30, 2023)]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2023, pp. 26–31 (in Russian).
33. Magomedova M. Z. Theoretical approaches to studying the problem of ethnoconfessional identity. *Eurasian Scientific Association*, 2020, no. 8–5 (66), pp. 266–269 (in Russian). <https://doi.org/10.5281/zenodo.4023157>, EDN: AXOOMR

Поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 18.05.2024; принята к публикации 20.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 18.05.2024; accepted for publication 20.05.2024; published 30.08.2024

УПРАВЛЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 275–284
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 275–284
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-275-284>

EDN: MYTMQC

Научная статья
УДК 332.1:519.862.6

Статистический анализ дифференциации жилищного строительства в регионах России

А. В. Вавилина ✉, Т. В. Комарова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Вавилина Алла Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, vavilina-av@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4827-1056>

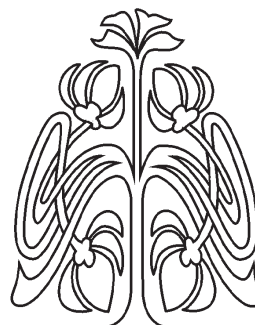
Комарова Татьяна Витальевна, старший преподаватель кафедры менеджмента, komarova-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5101-5873>

Аннотация. Введение. Высокое влияние территориального, агроклиматического, инфраструктурного и иных факторов обуславливает значительную экономическую дифференциацию на региональном уровне. Доказанное влияние состояния экономики на строительную активность приводит к выводу, что различия в хозяйственном уровне развития порождают расслоение и в секторе жилищного строительства в разрезе субъектов Российской Федерации. **Эмпирический анализ.** Продолжая тему, мы рассмотрим исследования предыдущих авторов, проведем поиск наиболее зависимых индикаторов жилищного строительства от экономического развития. Для этого мы вводим в расчёт показатели на душу населения, а также индексы роста показателей за длительный (более 20 лет) период времени. **Результаты.** В ходе работы установлено, что высокая степень зависимости жилищного строительства от ВРП наблюдается лишь в текущих значениях для определённого года (в нашем случае 2022 г.), тогда как подлинные показатели не показывают значимого уровня корреляции. Также можно отметить взаимную зависимость динамики жилищного фонда и роста ВРП (индексы прироста для обоих показателей). Для остальных индикаторов качество корреляционных моделей неудовлетворительное, что свидетельствует об отсутствии взаимной связи. Кластерный анализ продемонстрировал высокий уровень региональной дифференциации по показателям жилищного строительства и связанным с ним индикаторам экономического развития. К благополучным регионам с высоким уровнем жилищного строительства можно отнести лишь 10 субъектов Федерации. Остальные регионы, в силу преимущественно экономических факторов, не демонстрируют качественного развития жилищного строительства.

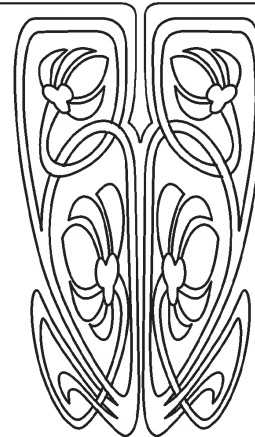
Ключевые слова: дифференциация регионов, жилищное строительство, корреляция, обеспеченность жильём, ретроспективный анализ, уровень жизни населения, факторы влияния

Для цитирования: Вавилина А. В., Комарова Т. В. Статистический анализ дифференциации жилищного строительства в регионах России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 275–284. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-275-284>, EDN: MYTMQC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Statistical analysis of housing construction differentiation in Russian regions

A. V. Vavilina , T. V. Komarova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Alla V. Vavilina, vavilina-av@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4827-1056>

Tatiana V. Komarova, komarova-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5101-5873>

Abstract. Introduction. The high influence of territorial, agroclimatic, infrastructural and other factors causes significant economic differentiation at the regional level. The proven influence of the economy's condition on construction activity leads to the conclusion that differences in the economic level of development also give rise to stratification in the housing construction sector across the constituent entities of the Russian Federation. **Empirical analysis.** Continuing the authors' work on this topic, we will expand the work of previous researchers by searching for the most dependent indicators of housing construction of economic development. To do this, we introduce per capita indicators into the calculation, as well as growth indices for indicators over a long (more than 20 years) period of time. **Results.** During the work, it was established that a high degree of housing construction dependence on GRP is observed only in current values for a certain year (in our case, 2022), while per capita indicators do not show a significant level of correlation. One can also note the mutual dependence of the housing stock and GRP growth dynamics (growth indices for both indicators). For other indicators, the quality of correlation models is unsatisfactory, which indicates the absence of mutual connection. Cluster analysis demonstrated a high level of regional differentiation in housing construction indicators and related indicators of economic development. Only 10 subjects of the Federation can be classified as prosperous regions with a high level of housing construction. The remaining regions, due primarily to economic factors, do not demonstrate high-quality development of housing construction.

Keywords: regions differentiation, housing construction, correlation, housing supply, retrospective analysis, population's standard of living, influencing factors

For citation: Vavilina A. V., Komarova T. V. Statistical analysis of housing construction differentiation in Russian regions. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 275–284 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-275-284>, EDN: MYTMQC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Обеспеченность жильём является одним из ключевых благ, имеющих важнейшее значение для обеспечения необходимого уровня качества жизни населения [1–3]. И высокому уровню жизни неизменно сопутствует соответствующий уровень жилищного строительства и обеспеченности жильём [4–6]. Исходя из этого, статистическое исследование рынка жилья является актуальной задачей и одним из аспектов качественного отражения социально-экономического развития страны.

В настоящее время в России сложилось неравномерное распределение уровня экономического развития по регионам, и этот факт во многом определяет различия в обеспеченности жильём и объёмах жилищного строительства в разрезе субъектов Федерации [7, 8].

Конечно, рост экономических показателей не может одновременно сформировать жилищный рынок в том или ином регионе, и вопрос повышения темпов жилищного строительства, скорее всего, растянут во времени по отношению к динамике экономического развития. Тем не менее не вызывает сомнения тот факт, что эти величины имеют между собой прямую связь.

Действительно, как показывает исследование А. П. Цыпина, наибольший уровень обеспеченности жильём наблюдается в регионах Центра России, Тюменской, Магаданской и Сахалинской областей, характеризующихся и самым высоким уровнем экономического развития в расчёте на душу населения [9]. Однако в перечисленных работах мы не видим ретроспективного анализа как собственно жилищной обеспеченности и динамики жилищного строительства, так и влияющих на них факторов – экономических. В данной работе попробуем восполнить пробелы предыдущих исследований.

Эмпирический анализ

Для установления связи между показателями экономического развития регионов (ВРП), объёмами жилого фонда и жилищного строительства в регионах страны мы применяем ситуационный подход, кластерный метод и корреляционно-регрессионный анализ. Причём для расчётов используются не только абсолютные величины показателей, но также их индексы за период 2000–2022 гг.

От добавления дополнительного индикатора – накопленного объёма ввода жилья – мы отказа-

лись, поскольку считаем, что он логичным образом практически повторяет показатель динамики жилищного фонда (за вычетом относительно небольшого ежегодного выбытия). Поэтому нет нужды в дублировании показателей.

В работе использовались статистические показатели как в абсолютных величинах, так и в расчёте на душу населения, что качественным образом отличает наше исследование от работ других авторов. Максимальное количество выбранных статистических индикаторов позволяет повысить качество расчёта и вероятность под-

бора наиболее корреляционно зависимых между собой показателей.

Также отметим, что расширение диапазона исследования до 2000–2022 гг. позволяет снизить вероятность случайной ошибки, вызванной слишком большими или слишком малыми числами в отдельные годы для отдельных регионов. Для строительной отрасли с периодом строительства объектов, зачастую исчисляемым годами, это особенно важное уточнение.

В целом массив используемых в работе показателей выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Используемые в работе статистические индикаторы, их сокращения
для кластерного и корреляционно-регрессионного анализа**
Statistical indicators used in the work, their abbreviations for cluster and correlation-regression analysis

№	Наименование	Ед. изм.
Y1	ВРП в 2022 г.	млн руб.
Y2	ВРП на душу населения в 2022 г.	руб.
Y3	Динамика ВРП в 2000–2022 гг. (в фактическом выражении)	%
Y4	Динамика ВРП на душу населения в 2000–2022 гг. (в фактическом выражении)	%
X1	Жилищный фонд в 2022 г.	млн м ²
X2	Жилищный фонд на душу населения в 2022 г.	м ²
X3	Ввод жилья в 2022 г.	тыс. м ²
X4	Ввод жилья на душу населения в 2022 г.	м ² *10 ⁻³
X5	Динамика жилищного фонда в 2000–2022 гг.	%
X6	Динамика жилищного фонда на душу населения в 2000–2022 гг.	%
X7	Динамика ввода жилья в 2000–2022 гг.	%
X8	Динамика ввода жилья на душу населения в 2000–2022 гг.	%

Сост. по: [10, 11] / Compiled according to: [10, 11].

Основные этапы исследования нашли отражение в картографическом материале в разрезе регионов России для более качественного и наглядного понимания региональной дифференциации жилищного строительства в стране.

Ключевым источником данных является раздел Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» [11]. Значение ВРП за 2022 г. уточнено по данным раздела «Национальные счета» [10].

Корреляционно-регрессионный анализ.

На первом этапе исследования мы попробуем установить корреляционную связь между абсолютными значениями и динамикой роста ВРП с соответствующими показателями наличия жилищного фонда и величины ввода жилья в регионах. Общий массив полученных регрессионных моделей представлен в табл. 2.

Сокращения, принятые в табл. 2:

- R – коэффициент корреляции;
- R^2 – коэффициент детерминации;

- F – статистика (проверяется условие превышения табличного значения F_m : если больше, то ставится знак «+», если меньше – знак «-»);

- F_{zn} – значимость F (в нашем случае должно быть значение менее 0,05);

- ДВ – тестовая статистика Дарбина – Ватсона (проверяется условие наличия расчётного результата проверки в пределах между критическими значениями: т.е. это проверка наличия автокорреляции в категориях «да»/«нет»);

- оценка – итоговая оценка достоверности модели (субъективная авторская оценка).

Отметим, что для более точного установления зависимости конкретного показателя от соответствующего значения ВРП мы воспользовались одиночной, а не множественной регрессией. Разумеется, мы не будем проверять корреляционную зависимость всех показателей друг от друга, а только тех, взаимосвязь которых предполагается логичным образом, т. е. абсолютные величины жилого фонда и ввода

жилья за год с аналогичными величинами ВРП за тот же год, параметры на душу населения с параметрами на душу населения и т.д.

К сожалению, в силу отсутствия данных для Севастополя, Крыма и Чечни за весь период

времени 2000–2022 гг. их пришлось исключить из обзора. Тюменская область по тем же причинам рассматривается только вместе с ХМАО и ЯНАО, Архангельская область – вместе с Ненецким АО.

Таблица 2 / Table 2

Результаты корреляционно-регрессионного анализа зависимости показателей жилого фонда и ввода жилья от экономического состояния в регионах (ВРП)
Results of correlation and regression analysis of the dependence of housing stock indicators and housing commissioning on the economic state in the regions (GRP)

Переменные	R	R ²	F	F _{зн}	ДВ	Оценка
Y1-X1	0,79	0,63	+	~0	нет	хорошая
Y1-X3	0,60	0,37	+	~0	нет	средняя
Y2-X2	0,06	0,00	–	0,62	нет	неудовл.
Y2-X4	0,01	0,00	–	0,92	нет	неудовл.
Y3-X5	0,45	0,20	+	~0	нет	удовл.
Y3-X7	0,30	0,09	+	0,008	нет	плохая
Y4-X6	0,20	0,04	–	0,08	нет	неудовл.
Y4-X8	0,24	0,06	+	0,03	нет	плохая

Сост. по: [10, 11] / Compiled according to: [10, 11].

Как мы видим из результатов корреляционно-регрессионного анализа, текущие значения ВРП, жилищного фонда и объёмов ввода жилья за 2022 г. демонстрируют высокий уровень взаимосвязи, что свидетельствует о значительном влиянии текущего экономического развития на сектор жилищного строительства. Однако эти же душевые показатели за 2022 г. уже не показывают сколь-нибудь значимой зависимости, что говорит об отсутствии влияния численности субъектов Федерации на расчётные показатели.

Удовлетворительной можно оценить связь динамики ВРП за 2000–2022 гг. с ростом величины жилого фонда в регионах за тот же период. Однако в остальном мы не видим заметной связи как в абсолютных, так и в относительных цифрах между показателями развития экономики субъектов Федерации и развитием жилищного сектора. Очевидно, здесь действуют иные влияющие на процессы в жилищном строительстве факторы, помимо экономических.

Кластерный анализ.

Группировку регионов с применением программы STATISTICA целесообразнее начать с построения дендрограммы, которая визуально позволит определить оптимальное количество кластеров, которое мы будем использовать на дальнейших этапах исследования. Визуализация же текущего шага обеспечивается построением дендрограммы на основе анализа независимых переменных (X1..X8) (рис. 1).

Дендрограмма построена с применением метода Уарда (Ward's method) и Евклидовой дистанции (Euclidean distances).

Как мы видим из данных рис. 1, оптимальным количеством кластеров по набору параметров X1..X8 (расшифровку см. в табл. 1) является 4. Хотя в последний из них входят лишь три региона: Москва, Московская область и Краснодарский край.

Кроме того, визуально мы можем предположить, что сверху на дендрограмме располагаются регионы с наименьшим уровнем развития жилищного строительства, а внизу – субъекты с самыми высокими темпами ввода жилья и наличного жилищного фонда. Однако для более точного результата обратимся к описательной статистике (descriptive statistics) в программе STATISTICA, результаты применения которой отражены в табл. 3.

Результаты

Как следует из данных, представленных в табл. 3, первый кластер – самый большой, в него входит почти 2/3 всех российских регионов (52 из 79, участвующих в расчётах). Эта группа субъектов Федерации характеризуется самыми низкими экономическими показателями, также здесь самый малый объём жилого фонда и крайне низкая величина жилищного строительства – всего 478 тыс. м² в среднем для каждого региона

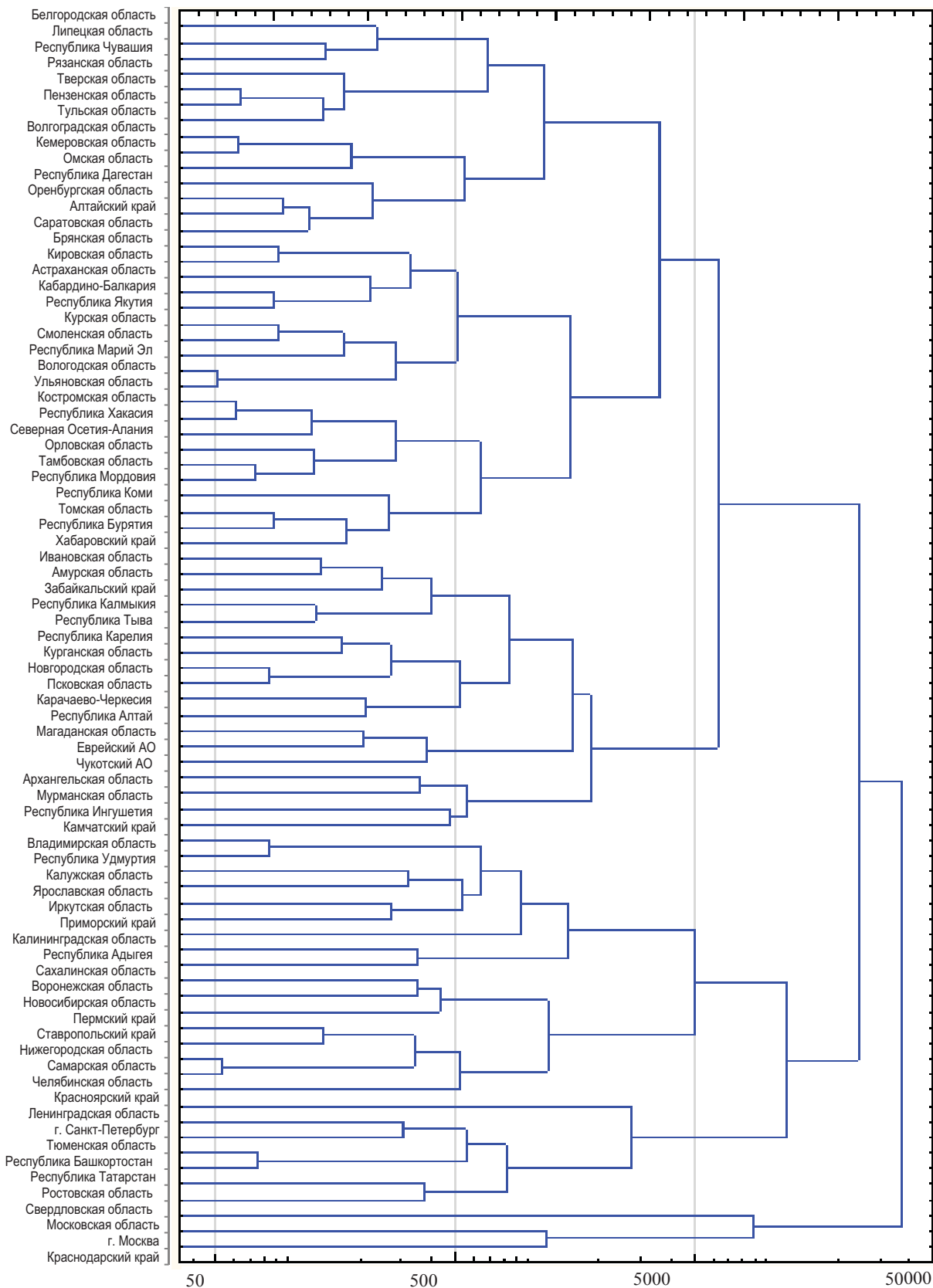

Рис. 1. Дендрограмма, характеризующая группировку субъектов Федерации по различным индикаторам динамики жилого фонда и жилищного строительства (сост. по: [10, 11])

Fig. 1. Dendrogram characterizing the Federation subjects grouping according to various indicators of the housing stock and housing construction dynamics (compiled according to: [10, 11])

Таблица 3 / Table 3

Результаты описательной (дескриптивной) статистики по расчёту средних значений величин для переменных Y1..Y3 и X1..X8 в зависимости от номера кластера
Results of descriptive statistics for calculating average values for variables Y1..Y3 and X1..X8 depending on the cluster number

Переменная	Ед. изм.	Номер кластера			
		1	2	3	4
Количество регионов кластера		52	17	7	3
Y1	млн руб.	645 703	1 550 301	5 572 305	13 510 767
Y2	руб.	713 083	859 750	1 345 552	1 274 298
Y3	%	2171	2437	2852	3323
Y4	%	2480	2601	2627	2677
X1	млн м ²	29,7	57,4	111,7	248,3
X2	м ²	29,1	28,9	28,1	28,4
X3	тыс. м ²	478	1370	3223	9495
X4	м ² *10 ⁻³	469	753	902	1156
X5	%	133	141	158	182
X6	%	151	149	148	148
X7	%	329	484	416	430
X8	%	381	520	383	351

Сост. по: [10, 11] / Compiled according to: [10, 11].

(0,469 м² на душу населения – также самый низкий показатель). Данная группа – аутсайдер по темпам прироста жилого фонда и общей динамике ввода жилья за 2000–2022 гг.

Любопытно, что жилищный фонд в подушевом исчислении и его динамика на душу населения (переменные X2 и X6 в табл. 3) практически идентичны для каждого кластера, поэтому на данных индикаторах нет более смысла заострять внимание.

Таким образом, первый, самый многочисленный кластер – это регионы с наименьшим уровнем и темпами развития жилищного строительства. Вместе с тем эта группа является и экономически наиболее отсталой в масштабах страны. Здесь налицо прямая связь экономических факторов с жилищным хозяйством и домостроением.

Второй кластер, в который входит 17 регионов, характеризуется несколько более лучшими характеристиками развития экономики, хотя на фоне третьего и четвертого кластеров также выглядит относительно малоразвитым. Жилищный фонд и ввод жилья на душу населения здесь чуть выше, чем в первом кластере, но по-прежнему далеки от показателей 3-й и 4-й групп. Зато динамика ввода жилья (в том числе на душу населения) в этой группе регионов самая высокая. Это группа «догоняющих» – наиболее развитые регионы в отношении жилищного строительства. И мы связываем высокие показатели динамики

жилищной строительной активности во второй группе с темпами экономического роста, схожими с группами регионов-лидеров (кластеры 3 и 4). Действительно, Y4 в кластерах 2, 3 и 4 имеет один и тот же порядок, тогда как в первом кластере он заметно ниже.

Третья группа – одни из наиболее развитых субъектов Федерации в экономическом отношении, что является причиной и высокого уровня жилищного строительства в этих регионах. Хотя двадцатилетняя динамика ввода жилья здесь не столь велика, как в кластере 2, но это обусловлено фактором низкой базы для данной группы регионов, тогда как в кластерах 3 и 4 на начало периода (2000 г.) уже наблюдались сравнительно большие объёмы ввода жилья (в том числе в расчёте на душу населения).

Безусловно, 4-я группа – регионы-лидеры жилищного строительства в стране. Москва, Московская область и Краснодарский край – это ключевые регионы по объёмам ввода жилья, вместе с тем имеющие самые высокие значения показателей экономического развития.

В целом можно отметить, что лишь 10 регионов страны характеризуются относительно высоким уровнем развития жилищного строительства, который коррелирует с экономическими показателями. Остальные субъекты Федерации находятся в значительно более худшем положении с точки зрения индикаторов строительства жилья. Распределение кластеров показано на рис. 2.

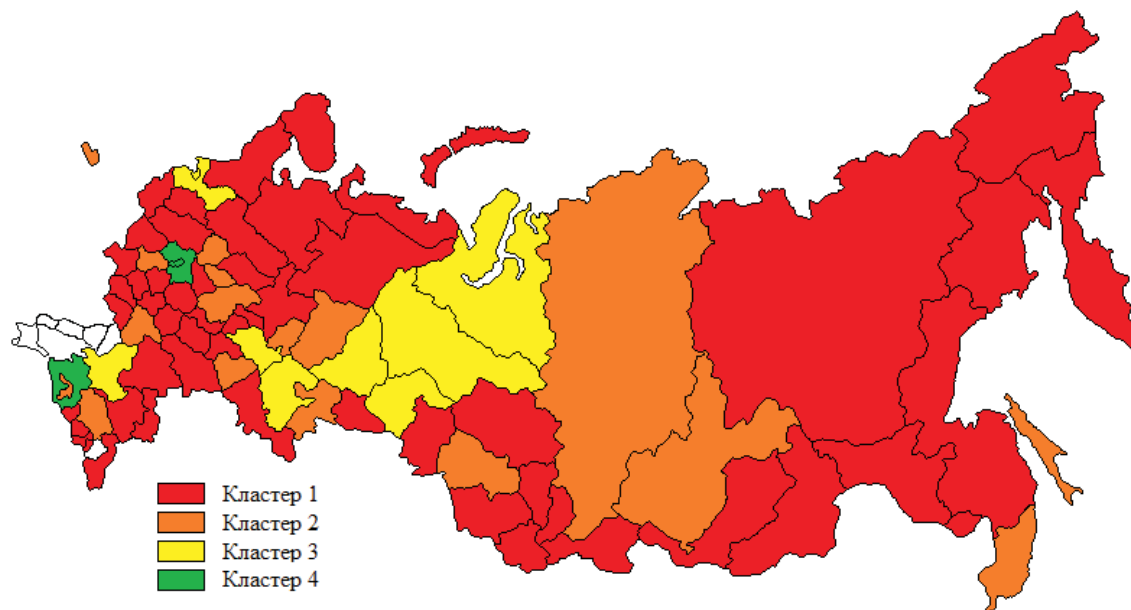

Рис. 2. Распределение регионов России по кластерам (от 1 до 4) (сост. по: [10, 11]) (цвет онлайн)
 Fig. 2. Distribution of Russian regions by clusters (from 1 to 4) (compiled according to: [10, 11]) (color online)

Карта на рис. 2 даёт чёткое визуальное определение регионов «благополучных» кластеров 3 и 4. Это либо субъекты с центрами-городами с населением свыше 1 млн чел., либо регионы с развитой нефтедобычей и нефтепереработкой (Тюменская область), либо то и другое (Татарстан, Башкирия). То есть можно отметить, что основные центры активности жилищного строительства в основном рас-

полагаются в регионах, имеющих столицами города-миллионники. Остальные же субъекты Федерации демонстрируют относительно невысокие экономические и инвестиционные показатели в плане ввода жилья. Причём это относится как к показателям в абсолютных величинах, так и к динамике за 2000–2022 гг.

Рассмотрим распределение регионов по величине ввода жилья за 2022 г. (рис. 3).

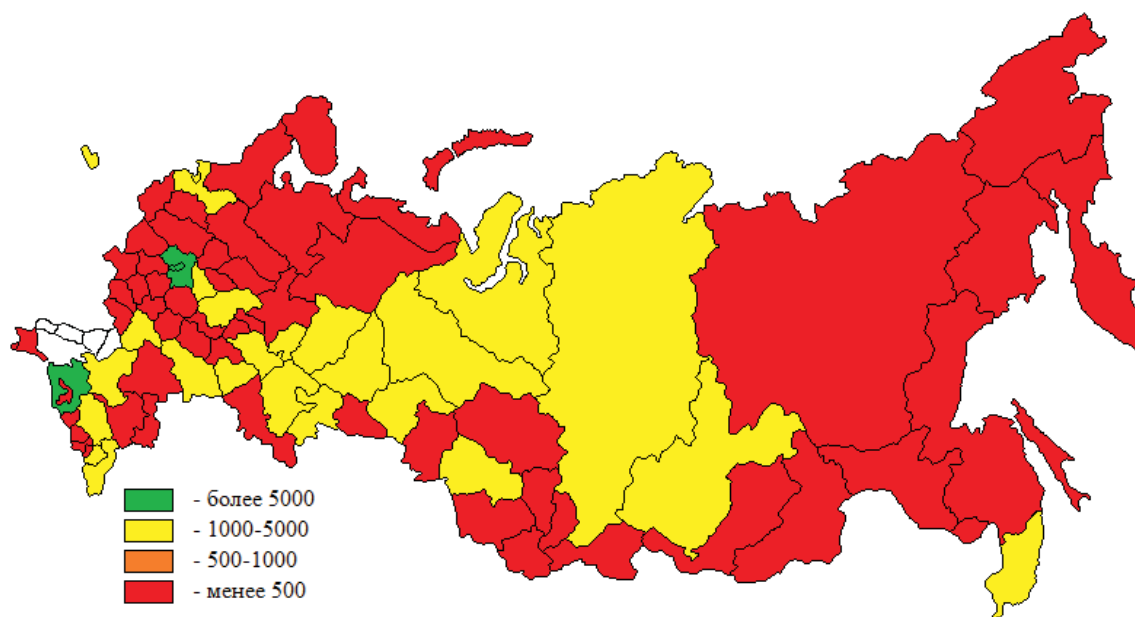

Рис. 3. Объём ввода жилья по регионам России в 2022 г., млн м² (сост. по: [10, 11]) (цвет онлайн)
 Fig. 3. Volume of housing commissioned by regions of Russia in 2022, million m² (compiled according to: [10, 11]) (color online)

Нетрудно заметить, что кластер 4 на рис. 2 повторяет группу регионов с объёмом ввода жилья свыше 5 млн м² на рис. 3. Кластеры 2 и 3 практически полностью попадают в группу регионов с объёмом ввода жилых помещений от 1 до 5 млн м². А регионы с законченным строительством за 2022 г. менее 1 млн м² – это преимущественно кластер 1. Также здесь мы уже отражаем данные по Чечне и регионам Крыма.

Снова отметим, что ключевые объёмы строительства, судя по данным рис. 3, вводятся в регионах, имеющих областным центром город с численностью населения порядка 1 млн чел. и более, регионах, связанные с нефтедобычей и нефтепереработкой (Тюменская область), а также в регионах с развитой портовой инфраструк-

турой (Приморье, Калининградская область). Также в последние годы увеличился ввод жилья в густонаселённых регионах Северного Кавказа с высокими показателями естественного прироста – Чеченской Республике и Республике Дагестан.

В заключение хотелось бы обратить внимание на такой расчётный показатель, как соотношение величины ВРП к объёму введённого жилья за тот же год для каждого региона (Y1/X3 в сокращениях табл. 1 – млн руб./м²). Этот показатель отлично демонстрирует «результативность» ВРП в отношении влияния на жилищное строительство в каждом отдельно взятом регионе. Результат данного расчёта отражен на рис. 4.

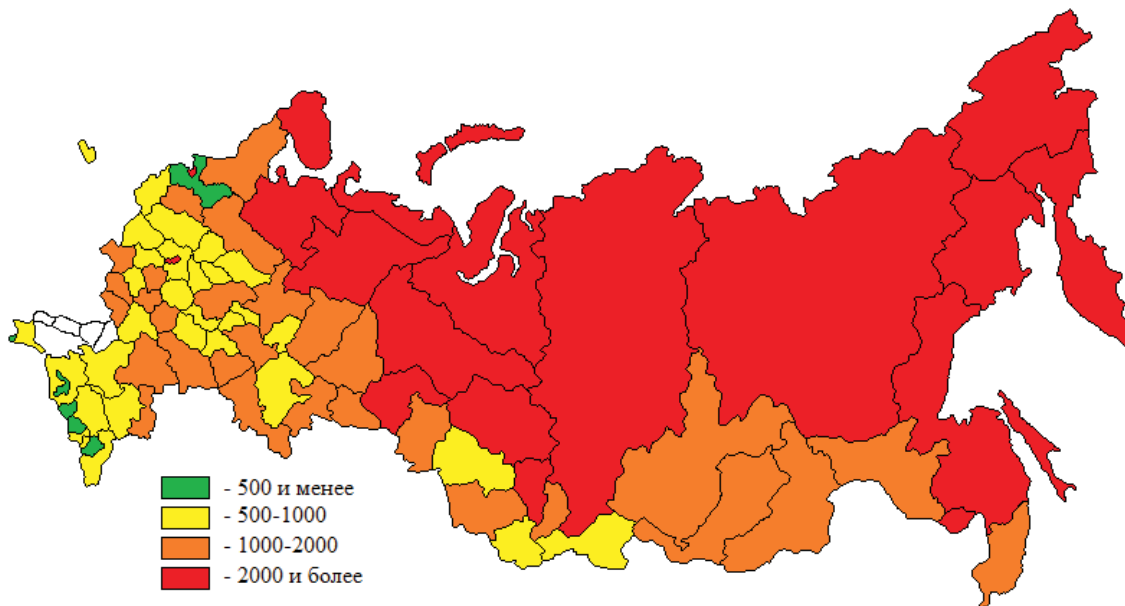

Рис. 4. Соотношение величины ВРП к объёму ввода жилья по регионам России за 2022 г., тыс. руб./м² (сост. по: [10, 11]) (цвет онлайн)

Fig. 4. Ratio of GRP to the volume of housing commissioned by regions of Russia for 2022, thousand rubles/m² (compiled according to: [10, 11]) (color online)

Авторский показатель соотношения ВРП региона к объёму введённого жилья отражает степень влияния изменения ВРП на сектор жилищного строительства. Наивысший показатель наблюдается в Чечне, где на ввод 1 м² жилья приходится 156 тыс. руб. ВРП. Также среди регионов с наибольшим показателем можно отметить Ленинградскую область (418 тыс./м²), северокавказские республики и Севастополь.

Напротив, самые высокие показатели соотношения ВРП/метраж сданного жилья отмечаются в Москве, Санкт-Петербурге, регионах

Крайнего Севера и Дальнего Востока. В Магаданской области на 1 м² сданного жилья приходится 26,3 млн руб. ВРП, на Чукотке – 35,3 млн руб., или в 226 раз больше, чем в Чечне. То есть объём жилищного строительства увеличивается по мере удаления от освоенных мест проживания, за исключением столичных регионов.

Заключение

Авторский подход к анализу дифференциации жилищного строительства в регионах страны отчасти подтвердил высказанное в

работах других авторов мнение о зависимости показателей ввода жилья от экономических показателей развития субъекта Федерации. Однако это оказалось справедливо только для текущих значений ВРП, жилищного фонда и ввода жилья – они действительно коррелируют друг с другом, тогда как остальные показатели (на душу населения или индексы) не демонстрируют значимой связи друг с другом. Другими словами, экономика влияет на жилищное строительство практически в текущем моменте, а отложенные экономические эффекты проявляются не столь заметно.

Кластерный метод показал, что в стране имеется около десятка регионов с достаточно высоко развитым сектором жилищного строительства. На большей же части территории страны жилищное строительство развито слабо, что связано в первую очередь со значительным расслоением регионов в экономическом плане.

Ключевыми регионами по развитию сектора жилищного строительства являются субъекты с центрами – городами-миллионниками, а также регионы, специализирующиеся на нефтедобыче и нефтепереработке.

Авторский показатель соотношения ВРП к величине ввода жилья показал, что расчётный индикатор увеличивается по мере движения с юга на север и с запада на восток, т.е. он наименьший в густонаселённых освоенных регионах и наибольший в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока. Также это соотношение достаточно высоко для столичных регионов страны.

Список литературы

1. Голодова Ж. Г., Смирнов П. А. Подходы к оценке и повышению уровня доступности жилья в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 812–824. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-812-824>, EDN: HZHDAV
2. Теплякова М. Ю., Сапрыкина М. И., Чиркина Д. С. Статистический анализ жилищных условий населения Российской Федерации // Финансово-экономический журнал. 2023. № 1. С. 5–9. EDN: CSIFSQ
3. Тихонова М. А., Мигунова Н. А. Анализ динамики строительства жилого фонда за последние годы // Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее : сб. науч. ст. 4-й Всерос. науч. конф., (г. Курск, 14–15 октября 2021 г.) : в 3 т. Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2021. Т. 3. С. 106–108. EDN: JLDGPZ
4. Басова Е. А. Региональное неравенство на рынке жилой недвижимости России: динамика ключевых индикаторов // BENEFICIUM. 2021. № 4 (41). С. 30–39. [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2021.4\(41\).30-39](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2021.4(41).30-39), EDN: VFGAUW
5. Скорик М. А., Лозовская А. Н. Особенности формирования жилищных условий населения в современной России // Экономика и предпринимательство. 2019. № 5 (106). С. 43–48. EDN: DZWENY
6. Фавстрицкая О. С. Жилищные рынки регионов Крайнего Северо-Востока России: почему нет инвестиций? // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19, № 4 (487). С. 665–692. <https://doi.org/10.24891/re.19.4.665>, EDN: KEJFKE
7. Петрова З. К., Долгова В. О. Жилищная проблема в России как отражение социальных и экономических условий // Градостроительство. 2019. № 6 (64). С. 68–75. EDN: PKSCGR
8. Червинская А. П., Гаджимирзоев Г. И. Социальная дифференциация населения регионов России // Человек. Общество. Инклюзия. 2023. Т. 14, № 3-2 (56). С. 9–19. EDN: DFENKS
9. Цыпин А. П., Кабанова Е. Е., Гаджимирзоев Г. И. Статистический анализ обеспеченности жильем населения регионов России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 27–34. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-27-34>, EDN: FTFMTV
10. Национальные счета // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 25.03.2024).
11. Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.03.2024).

References

1. Golodova Z. G., Smirnov P. A. Approaches to assessing and increasing housing affordability in Russia. *RUDN Journal of Sociology*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 812–824 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-812-824>, EDN: HZHDAV
2. Teplyakova M. Yu., Saprykina M. I., Chirkina D. S. Statistical analysis of housing conditions of the population of the Russian Federation. *Financial and Economic Journal*, 2023, no. 1, pp. 5–9 (in Russian). EDN: CSIFSQ
3. Tikhonova M. A., Migunova N. A. Analysis of the dynamics of housing construction in recent years. *Problemy i perspektivy razvitiya Rossii: molodezhnyy vzglyad v budushchee* [Problems and prospects for the development of Russia: A youth look into the future. Collection of articles of 4th All-Russian sci. conf. (Kursk, October 14–15, 2021). Kursk, Southwest State University Publ., 2021, vol. 3, pp. 106–108 (in Russian). EDN: JLDGPZ
4. Basova E. A. Regional inequality on the residential property market in Russia: Dynamics of key indicators. *BENEFICIUM*, 2021, vol. 4 (41), pp. 30–39 (in Russian). [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2021.4\(41\).30-39](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2021.4(41).30-39), EDN: VFGAUW

5. Skorik M. A., Lozovskaya A. N. Features of formation of housing conditions of the population in modern Russia. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2019, no. 5 (106), pp. 43–48 (in Russian). EDN: DZWEHY
6. Favstritskaya O.S. Housing markets of Russia's Far North East regions: There is still no investment. Why? *Regional Economics: Theory and Practice*, 2021, vol. 19, iss. 4, pp. 665–692 (in Russian). <https://doi.org/10.24891/re.19.4.665>, EDN: KEJFKE
7. Petrova Z. K., Dolgova V. O. Housing problem in Russia as a reflection of social and economic conditions. *Gradostroitel'stvo* [Urban Planning], 2019, no. 6 (64), pp. 68–75 (in Russian). EDN: PKSCGR
8. Chervinskaya A. P., Gadzhimirzoev G. I. Social differentiation of the population of Russian regions. *Human Society. Inclusion*, 2023, vol. 14, iss. 3–2, pp. 9–19 (in Russian). EDN: DFENKS
9. Tsylin A. P., Kabanova E. E., Gadzhimirzoev G. I. Statistical analysis of housing availability in Russian regions. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 27–34 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-27-34>, EDN: FTFMTV
10. National accounts. *Rosstat*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (accessed March 25, 2024) (in Russian).
11. Regions of Russia. Socio-economic indicators. *Rosstat*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed March 25, 2024) (in Russian).

Поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 20.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 20.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 285–293
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 285–293
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-285-293>, EDN: NZWMPS

Научная статья
УДК 330.322.212

Интеграция проектного подхода в систему государственного регионального управления развитием: технологический аспект

Л. В. Адамская, И. А. Квасов ✉

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49

Адамская Любовь Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, lvadamskaya@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0754-2489>

Квасов Иван Андреевич, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, IAKvasov@fa.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1386-3311>

Аннотация. Введение. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена, с одной стороны, внешними факторами, когда решения, строго политического характера, лидеров западного мира и последующие за ними экономические санкции «отрезали» Россию от ряда важнейших технологий. С другой стороны, отсутствие внятной внутренней экономической политики приводит к несовпадению целевых показателей национального и регионального уровня субъектов хозяйственной деятельности как на микро-, так и на макроуровне. В этой связи разработка методических основ, позволяющих осуществить интеграцию субъектов хозяйственной деятельности на макроуровне, при этом качественно повысить эффективность управления, исключительно важна. **Теоретический анализ.** Проведены анализ и оценка международного опыта управления технологическим развитием. Выявлены основные направления повышения эффективности управления. Проведен структурный анализ субъектов регионального управления, который позволил обозначить главные проблемы системного характера. **Результаты.** Обоснована необходимость использования проектного подхода на базе региональных технологических платформ. Представлена организационная модель управления регионом, позволяющая осуществлять динамичное технологическое развитие при строгом соблюдении всех принципов устойчивости. **Заключение.** Качественное повышение эффективности управления возможно только на основе интеграции как различных типов управления, так и целевых показателей субъектов управленческой деятельности. Такая интеграция должна базироваться на новой промышленной политике и представлять собой перманентный процесс.

Ключевые слова: интеграция, система управления отраслью, технологическое развитие, устойчивое развитие, проектный подход, стратегическое управление, региональная социально-экономическая система, идеология

Для цитирования: Адамская Л. В., Квасов И. А. Интеграция проектного подхода в систему государственного регионального управления развитием: технологический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 285–293. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-285-293>, EDN: NZWMPS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Integration of the project approach into the system of state regional management: Technological aspect

L. V. Adamskaya, I. A. Kvasov ✉

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russia

Lyubov V. Adamskaya, lvadamskaya@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0754-2489>

Ivan A. Kvasov, IAKvasov@fa.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1386-3311>

Abstract. Introduction. The relevance of the topic under consideration, on the one hand, is due to external factors, when decisions of a strictly political nature by the Western world leaders and subsequent economic sanctions “cut Russia off” from a number of important technologies. On the other hand, the lack of a coherent domestic economic policy leads to a mismatch of targets at the national and regional levels. subjects of economic activity, both at the micro and macro levels. In this regard, the development of methodological foundations that allow for the integration of economic entities at the macro level, while qualitatively improving the efficiency of management is extremely important. **Theoretical analysis.** The article analyzes and evaluates the international experience of technological development management. The main directions of improving management efficiency have been identified. A structural analysis of the subjects of regional management was carried out, which allowed us to identify the main problems. **Results.** The necessity of using a project approach based on regional technology platforms is substantiated. An

organizational model of regional management is presented, which allows for dynamic technological development in strict compliance with all principles of sustainability. **Conclusion.** Qualitative improvement of management efficiency is possible only on the basis of integration of both different types of management and target indicators of management entities. Such integration should be based on a new industrial policy and represent a permanent process.

Keywords: integration, industry management system, technological development, sustainable development, project approach, strategic management, regional socio-economic system, ideology

For citation: Adamskaya L. V., Kvasov I. A. Integration of the project approach into the system of state regional management: Technological aspect. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 285–293 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-285-293>, EDN: NZWMPS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Особенностью современного мира, возможно, даже главной с точки зрения влияния на поведение как отдельного индивида, так и социальной группы, и общества в целом, является неопределенность будущего, обуславливающая неуверенность в завтрашнем дне. Отсутствие четкого представления порождает многочисленные конфликты, в частности социального характера. Рассматривая данную проблему в аспекте научного государственного управления, можно уверенно заявить, что человечество имеет конкретное направление ее решения – стратегический подход. Именно ориентацией на глобальные, качественные изменения путем, прежде всего, формирования миссионерского образа мышления априори происходят трансформации окружающего мира. Таким образом создается и совершенствуется культурная составляющая, на основании которой принята парадигма построения конкурентных преимуществ на всех уровнях: национальном, региональном, корпоративном и местном.

Однако, кроме такого отчасти неформального представления о стратегическом управлении, имеется и другое – строго формализованное. В Российской Федерации на макроуровне стратегическая ориентация государственного управления регламентирована в виде национальных проектов (НП) и федеральных проектов (ФП).

В настоящее время реализуется 17 НП, а также «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры», имеющий тот же статус, и 72 ФП. Такое большое количество направлений развития, безусловно, нуждается в должном системно-организационном обеспечении управления, что, на наш взгляд, реализовано в полном соответствии с научными принципами [1]. Субъект управления имеет иерархическую структуру, верхний уровень которой – Совет при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам.

Этот консультативный орган разрабатывает предложения, связанные с определением и корректировкой целевых показателей национальных проектов, а также обеспечивающих их программ, осуществляет координационные работы органов государственной власти, контролирует, анализирует и оценивает процесс реализации.

Отметим, что выделение данного структурного блока в субъекте управления позволило упразднить ряд советов, существовавших при главе государства. В частности, были ликвидированы Совет по модернизации экономики и инновационному развитию России, по развитию финансового рынка РФ, Экономический совет, а также Комиссия по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития России. Это, на наш взгляд, должно устранить дублирование функций, повысить эффективность осуществления процессов управления. Решением оперативных вопросов деятельности Совета по стратегическому развитию и национальным проектам занимается его президиум – Федеральный проектный офис, который возглавляет премьер-министр РФ Михаил Мишустин.

Теоретический анализ

Повышение качества государственного управления на всех уровнях – перманентная задача, актуальность которой в последнее время значительно повысилась. Ковидная пандемия, санкционное давление объединенного Запада, ориентация на достижение целей специальной военной операции на Украине обусловили новые требования к субъектам власти, изменили традиционное представление о достижении устойчивого развития (УР) – главной цели государственного управления экономикой на макроуровне. Новые задачи повлекли за собой изменение роли регионов, рассмотрение которой в управленческом аспекте представляет собой иерархию, ориентированную на достижение целевых показателей (рис. 1).

Рис. 1. Уровни государственного регионального управления
Fig. 1. Levels of state regional administration

Системное взаимодействие уровней управления проявляется в соответствии с четкой увязкой целевых показателей, имеющих как качественную форму, так и количественную составляющую, а также путем организационно-ресурсного обеспечения. Обеспечение такой интеграции обуславливает функциональную централизацию планирования, мониторинга, контроля, координации, финансирования и соответствующее им правовое обеспечение. Здесь требуется консолидация усилий всех подсистем, начиная с региональных исполнительных властей и подконтрольных им ведомств, а далее – научных, кредитно-финансовых и промышленных организаций, в совокупности составляющих инфраструктуру. Инструментом в этом случае является программно-проектное и системное управление развитием регионов [2].

Отметим также и изменения в роли субъектов управления отраслями народно-хозяйственного комплекса России. Поставленные в НП и ФП на самом высшем уровне цели, безусловно, имеют взаимосвязь и тесную интеграцию с целями развития отраслей промышленности, которые регламентированы в соответствующих документах, например для энергетики – в «Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года», а также со специфическими задачами развития субъектов Федерации, оформленными в соответствующих программах.

Учитывая многообразие отраслей экономики РФ, территорий, регионов, различия в социально-экономическом положении, проблемы структуризации и взаимной увязки целей на различных макроуровнях решаются почти всегда в соответствии со сложившимся положением, ситуацией. Кроме того, на наш взгляд, для дости-

жения целей развития, которые должны обеспечить качественные изменения в направлениях, обозначенных в НП, необходима поддержка со стороны общества. По данным ВЦИОМ [3], за последние три года вырос средний уровень знания о данных начинаниях государства, также изменились представления россиян о вкладе государства в решение насущных проблем населения. Средняя информированность по отдельным мероприятиям нацпроектов выросла с 57 до 62%. Больше всего россияне знают о материнском капитале (98%, +5 п.п. с декабря 2020 г.), диспансеризации населения (92%, +6 п.п.), раздельном сборе и переработке мусора (90%, +1 п.п.), благоустройстве городской среды (89%, +8 п.п.) и расселении аварийного жилья (88%, +4 п.п.). Чаще всего россияне отмечают повышение внимания государства в сферах, обеспечивающих суверенитет России (в том числе технологический): развитие цифровой экономики (73%, +16 п.п.) и внутреннего туризма (66%), а также рост производства российской продукции (66%, +47 п.п.). Более половины опрошенных заметили рост государственного интереса к модернизации транспортной инфраструктуры (60%), качеству и безопасности дорог (59%, +11 п.п.), благоустройству населенных пунктов (55%, +8 п.п.) и состоянию науки (55%, +19 п.п.).

Традиционным подходом, используемым при решении сложных, слабоструктурированных задач, является предварительная договоренность о выборе системы координат, на основе которой определяются классификация и возможность дальнейшей детализации последовательности в достижении результата. Представим экономическое развитие регионов в системе координат, оси которой задают пространственно-временные показатели определенности (рис. 2).

Рис. 2. Государственное управление развитием макроэкономического объекта в пространственно-временном аспекте
Fig. 2. State management of a macroeconomic object development in the spatial-temporal aspect

Система управления, сформированная на базе платформенного подхода, на практике представляет собой форму интеграции иерархических систем управления разного уровня на основе общей технологической и ресурсно-экологической базы. В мировой практике имеются многочисленные примеры успешной апробации такого подхода [4, р. 34]. В нашей стране он эффективно реализован в виде сформированных платформ цифровых решений по разным предметным областям с определенными, подчас достаточно сложными задачами [5, с. 33].

В случае технологически инновационной направленности развития регионов ключевыми являются:

- объекты, представляющие собой реальный сектор экономики;
- проекты, которые следует рассматривать в контексте достижения конкретного результата;
- среда, в совокупности составляющая сферу ответственности органов власти;
- процессы, т.е. конкретные последовательности, четко определенные логикой.

В таком представлении блок, генерирующий идеи в тесной связи с поставленной конкретной целью и имеющий ресурсные ограничения, отражен в виде проекта, в котором выделены:

- мегапроекты, результатом реализации которых является соответствующая государственная программа развития региона;
- мультипроекты – объединенные монопроекты, направленные на решение или реализацию одной большой задачи развития;

– монопроекты, направленные на решение конкретной проблемы.

Под влиянием совокупностей проектов происходит изменение среды и, соответственно, состояние экономической системы – региона.

В Российской Федерации в настоящее время проектное управление регионом имеет достаточно хорошее нормативно-правовое обеспечение, однако есть ряд проблем в методическом сопровождении. Прежде всего, это касается отсутствия рационального, последовательного, общегосударственного подхода к технологически-инновационному развитию региона, который требует системности по всем направлениям, в частности, баланса в сочетании управленческих и производственных технологий. Кроме того, отметим недостаточную скоординированность государственных структур – субъектов управления национального и регионального уровней, а также форму взаимодействия их с бизнесом по вопросам развития, как вариант – инновационного. Используются разные подходы к разработке и реализации общегосударственных и отраслевых программных и проектных документов инновационного экономического развития¹, что также обуславливает формирование соответствующих методик.

¹О внесении изменений в Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»: федер. закон от 23.06.2016 № 210-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40910> (дата обращения: 26.04.2024); ГОСТ Р 54869-2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом. М.: Стандартинформ, 2011. 10 с.

Используя традиционную последовательность осуществления проектного управления, считаем, что необходимо дополнение в виде обеспечения четкой взаимосвязи каждого этапа с государственной системой управления регионом, направленной (имеющую цель) на устойчивое развитие (рис. 3).

В данном случае приоритет отдается стратегическим, комплексным целям, для контроля достижения которых разрабатывается система критериев. Представленное на рис. 3 авторское

видение связи устойчивого развития региона с проектной формой управления базируется на том, что проект – главный инструмент обеспечения устойчивости как на микро-, так и на макроуровнях. Именно с помощью такого типа управления ликвидируется разрыв между текущим и необходимым уровнем устойчивости. Набор проектов, формирующийся под целевой комплексный показатель, становится подсистемой региональной программы устойчивого развития.

Рис. 3. Связь проектного управления с государственным управлением обеспечением устойчивого развития (УР) региона
Fig. 3. The relationship between project management and public administration to ensure sustainable development of the region

Начавшаяся в 2022 г. в связи с проведением специальной военной операции (СВО) на Украине беспрецедентная истерия Запада, которая нашла практическую реализацию в не имеющих в современной истории аналогов санкциях против нашей страны, обнажила ряд серьезных внутренних проблем. Выяснилось, что наша страна имеет серьезную технологическую зависимость от других, прежде всего враждебных, стран. Это самая острая проблема, требующая безотлагательного решения. Отсталость Рос-

сийской Федерации в технологическом аспекте проявляется по-разному в зависимости от объекта рассмотрения: отрасль, регион, корпорация, предприятие, технологический процесс и т.д. Безусловно, поставленные на высшем уровне цели сугубо технологического характера и конкретизированные на всех иерархически структурированных объектах управления должны быть обеспечены соответствующими методическими и инструментальными средствами корректировки. Только таким образом возможно осуществ-

влять эффективное управление, не отклоняясь от стратегической направленности, от обеспечения устойчивого развития объекта макроуровня.

На наш взгляд, наиболее подходящим в этом случае является объектно-ориентированный подход, позволяющий формировать иерархические структуры целей и критериев их достижения, анализировать, а также оценивать каждый объект исследования путем попарного сравнения. Данный подход был практически реализован в российском электроэнергетическом комплексе [6], разработана программная поддержка принятия управленческих решений².

На основании данных анализа рынков высокотехнологической продукции [7] можно сделать вывод – успеха добиваются корпорации из тех стран, в которых макроэкономическая политика ориентирована на платформенный подход, что способствует созданию кластеров из предприятий (корпораций), обеспечивающих взаимную интеграцию, взаимопроникновение инновационных производственных технологий, а также управленческих, зачастую – прорывного характера, что позволяет сформировать синергетический эффект.

Несмотря на разрыв многих экономических связей с западным миром, нельзя отказываться от управленческого опыта этих стран, который свидетельствует о том, что качественное технологическое развитие обеспечивается достижениями науки и интеллектуальной деятельности через научные центры, НИИ, специально созданные лаборатории технологического развития. Организационные структуры, способные генерировать новые знания, должны иметь должное инфраструктурное обеспечение, элементами которого являются центры коллективного пользования научным оборудованием и уникальными научными установками. Только неразрывная связь «научно обоснованная идея – инфраструктурное обеспечение» дает возможность сформироваться новым, подчас прорывного характера, технологиям, уникальным образцам продукции, что привлекает бизнес-структуры, которые начинают инвестировать.

Наши исследования [8, с. 59–75] показали, что практически все индустриально развитые страны в последние 25 лет неуклонно наращивали инвестиции в научные исследования, рассматривая последние как источник «про-

²Многокритериальный выбор инвестиционных и управленческих решений. Свидетельство о гос. регистрации для программы ЭВМ № 2017619895. Правообладатель Квасов И. А. Автор Квасов И. А. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 08.09.2017.

рывных технологий». Данный бесспорный факт обусловлен особенностями современного этапа инвестиционного цикла, на котором ключевым фактором успешности является обеспечение доступа к технологическим решениям на ранней стадии жизненного цикла. Еще не создан прототип, а есть только технологическая идея, а иногда и вовсе научная гипотеза. Именно доступ к такой информации заложил фундамент формирования науки в корпоративном секторе, что проявилось в создании в компаниях, ориентированных на производство высокотехнологичной продукции, собственных исследовательских лабораторий, научных центров и т.п.

В то же время научная инфраструктура практически всегда создается за счет государства, хотя формы государственного управления и контроля разнообразны. Так, в США и Германии сеть национальных научных лабораторий (SNLs) обеспечивает капиталоемкие, долгосрочные междисциплинарные исследования. Обычно формирование структурной единицы SNL предшествует созданию крупной, зачастую имеющей длительный срок строения научно-исследовательской инфраструктуры, которая должна обеспечить реализацию крупномасштабных проектов, направленных на решение проблем «больших вызовов», возникающих перед государством.

Во Франции есть специальный комитет, который занимается управлением большими исследовательскими инфраструктурами, его первейшая задача состоит в разработке «дорожных карт», по которым будут реализованы проекты, имеющие государственное значение.

В нашей стране в рамках НП «Наука» реализуется проект «Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследования и разработок в Российской Федерации», задачей которого является формирование сети уникальных научных установок класса «мегасайнс», обновление 50% приборной базы и др. Это, безусловно, правильно, но явно недостаточно для решения амбициозных задач, поставленных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации³.

Результаты

Программа промышленной политики нашего государства должна обеспечивать достижение технологического превосходства в ряде принципиально важных отраслей. Только таким путем

³О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

возможна организация (создание и развитие) целостного промышленного комплекса, а также научно-производственных систем в регионах и отраслях народного хозяйства, обеспечивающих устойчивое развитие последних [9]. Такой подход, на наш взгляд, обеспечит взаимную интеграцию инновационных и традиционных производственных технологий, а также их «встроенность» в систему управления. Однако тут необходимо осуществить структурные организационные изменения [10, с. 35–66] путем выделения нового субъекта – центра управления. Данная организационная структурная единица будет выполнять новую функцию – интеграции производственных и управленческих технологий, а инструментом ее реализации станут информационные технологии. Это предложение было апробировано в системе управления устойчивым развитием региона [10, с. 79–146],

имеется программный комплекс⁴, позволяющий качественно повысить эффективность государственного управления.

Общая организационная модель, позволяющая интегрировать проектное управление в стратегию достижения устойчивого развития региона, представлена на рис. 4.

Особенностью предлагаемого подхода является использование экономико-математических объектно-ориентированных моделей, позволяющих проводить оценку реализации управленческих функций в текущем режиме, осуществляя корректирующее воздействие. Эконометрические модели, позволяющие оценивать степень

⁴ Устойчивое развитие региона: русская версия. Свидетельство о гос. регистрации для программы ЭВМ № 2013614797. Правообладатель Квасов И. А. Автор Квасов И. А. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 21.05.2013.

Рис. 4. Организационная модель интеграции проектного управления в стратегию устойчивого развития региона
 Fig. 4. Organizational model for integrating project management into the strategy for sustainable development of the region

устойчивости региональной социально-экономической системы при изменении ряда факторов, были апробированы в ходе реформирования электроэнергетики [11, с. 28–54]. Однако в случае масштабных технологических трансформаций они требуют уточнений. Важно понимание, что реформа регионального управления, осуществляемая с целью интеграции, является не результатом, а постоянным процессом, который сочетает эксперимент, оценку, выявление ошибок, регулирование, координацию и т.п. Только таким и должно быть системно организованное управление в современных условиях.

Заключение

Помимо внедрения организационной модели интеграции, считаем, что должно быть представлено новое видение технологического развития с масштабными целями. Постановка глобальных целей – это база, фундаментальная основа стратегического подхода, который является априори искусством и наукой управления XXI в. Именно наличие масштабных сверхцелей – важнейший элемент подсистемы неформального управления [12], которая формирует революционно-прорывные изменения. Целевая ориентация новой промышленной политики – это, прежде всего, постоянное индустриальное развитие Российской Федерации. Поставленные в настоящее время руководством государства цели – достижение технологического суверенитета, а в ряде отраслей технологического превосходства, – несмотря на значимость, на наш взгляд, должны рассматриваться как часть последовательного развития промышленного комплекса страны. Этот этап должен проходить параллельно с трансформацией фундаментальной и прикладной науки, результатом которых станет конкурентоспособный продукт, обуславливающий формирование новых рынков с другими параметрами, определяющими потребительскую ценность. Так, на наш взгляд, должен функционировать механизм управления устойчивым развитием, рассматриваемый в технологическом аспекте.

Список литературы

1. Квасов И. А. Взаимосвязь стратегического и операционного уровней управления // Экономика знаний и рынок: проблемы взаимодействия : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Курган, 8 апреля 2011 г.) : в 2 т. Курган : Курганский филиал ИЭ УрО РАН, 2011. Т. 2. С. 56–61.

2. Шеховцева Л. С. Концептуальные основы стратегического управления развитием региона // Вестник МГТУ. 2006. Т. 9, № 4. С. 690–693.
3. Национальные проекты – 2023: итоги и ожидания. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/nacionalnye-proekty-2023-itogi-i-ozhidaniya> (дата обращения: 26.04.2024).
4. Baiocco S., Fernandez-Macías E., Rani U., Pesole A. The Algorithmic Management of work and its implications in different contexts. Seville : European Commission, 2022. 40 p. JRC129749.
5. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / под ред. Л. М. Гохберга, Б. М. Глазкова, П. Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 72 с.
6. Квасов И. А., Бутурлакина Е. Г. Распределенная информационная система сбора и анализа данных для поддержки инвестиционных решений // Экономика и предпринимательство. 2017. № 7. С. 1147–1152.
7. Tyulin A. E., Chursin A. A., Ragulina J. V., Akberdina V. V., Yudin A. V. The development of Kondratieff's theory of long waves: The place of the AI economy humanization in the 'competencies-innovations-markets' model // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. Vol. 10. Art. 54. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01434-8>
8. Региональное управление и территориальное планирование : учебник и практикум для вузов / под ред. Ю. Н. Шедько. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 576 с.
9. Chupina Z., Chursin A, Kvasov I., Boginsky A. Sustainable economic development of enterprises: A methodology based on the toolkit // Sustainability. 2023. Vol 15, iss. 17. Art. 12682. <https://doi.org/10.3390/su151712682>
10. Квасов И. А. Цифровизация и интеграция технологий и управления – механизм повышения эффективности. М. : Научные технологии, 2017. 303 с.
11. Квасов И. А. Моделирование размещения объектов энергетики с учетом инвестиционной привлекательности регионов Казахстана и России. М. : Научные технологии, 2014. 234 с.
12. Квасов И. А. Какая цифровая экономика нам нужна // Вестник ИЭАУ. 2019. № 21. URL: <https://ieau.ru/wp-content/files/nd/vestnik/23/Kvasov.pdf> (дата обращения: 26.04.2024).

References

1. Kvasov I. A. Interrelation of strategic and operational levels of management. In: *Ekonomika znaniy i rynek: problemy vzaimodeystviya* [Economics of Knowledge and the Market: Problems of Interaction. Materials of All-Russian scientific-practical conference with international participation (Kurgan, April 8, 2011)]. Kurgan, Kurgan branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011, vol. 2, pp. 56–61 (in Russian).

2. Shekhovtseva L. S. Conceptual foundations of strategic management of regional development. *Proceedings of the MSTU*, 2006, vol. 9, no. 4, pp. 690–693 (in Russian).
3. *Natsional'nye proekty – 2023: itogi i ozhidaniya* (National projects – 2023: Results and expectations). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2023-itogi-i-ozhidaniya> (accessed April 26, 2024) (in Russian).
4. Baiocco S., Fernandez-Macías E., Rani U., Pesole A. *The Algorithmic Management of work and its implications in different contexts*. Seville, European Commission, 2022. 40 p. JRC129749.
5. *Platformennaya ekonomika v Rossii: potentsial razvitiya: analiticheskiy doklad* [L. M. Gokhberg, B. M. Glazkov, P. B. Rudnik, G. I. Abdrakhmanova (eds.) Platform economy in Russia: Development potential: Analytical report]. Moscow, ISSEK HSE, 2023. 72 p. (in Russian).
6. Kvasov I. A., Buturlakina E. G. Distributed information system for collecting and analyzing data to support investment decisions. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2017, no. 7, pp. 1147–1152 (in Russian).
7. Tyulin A. E., Chursin A. A., Ragulina J. V., Akberdina V. V., Yudin A. V. The development of Kondratieff's theory of long waves: The place of the AI economy humanization in the 'competencies-innovations-markets' mode. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2023, vol. 10, art. 54. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01434-8>
8. *Regional'noe upravlenie i territorial'noe planirovanie* [Shedko Yu. N. (ed.) Regional management and territorial planning: A textbook and practical training for universities. 3rd ed., rev. and enl.]. Moscow, Yurayt, 2023. 576 p. (in Russian).
9. Chupina Z., Chursin A., Kvasov I., Boginsky A. Sustainable economic development of enterprises: A methodology based on the toolkit. *Sustainability*, 2023, vol. 15, iss. 17, art. 12682. <https://doi.org/10.3390/su151712682>
10. Kvasov I. A. *Tsifrovizatsiya i integratsiya tekhnologiy i upravleniya – mekhanizm povysheniya effektivnosti* [Digitalization and integration of technologies and management – a mechanism for increasing efficiency]. Moscow, Nauchnye tekhnologii, 2017. 303 p. (in Russian).
11. Kvasov I. A. *Modelirovanie razmeshcheniya ob#yektov energetiki s uchetom investitsionnoy privlekatel'nosti regionov Kazakhstana i Rossii* [Modeling the placement of energy facilities taking into account the investment attractiveness of the regions of Kazakhstan and Russia]. Moscow, Nauchnye tekhnologii, 2014. 234 p. (in Russian).
12. Kvasov I. A. What kind of digital economy do we need. *IEAU Bulletin*, 2019, no. 21. Available at: <https://ieay.ru/wp-content/files/nd/vestnik/23/Kvasov.pdf> (accessed April 26, 2024) (in Russian).

Поступила в редакцию 10.05.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 15.06.2024; опубликована 30.08.2024

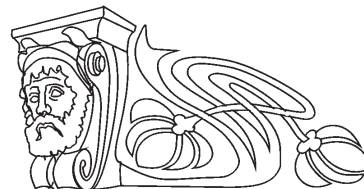
The article was submitted 10.05.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 15.06.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 294–311
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 294–311
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-294-311>, EDN: OWEQBG

Научная статья
УДК 336.77

Методы диагностики и прогнозирования кредитоспособности субъектов МСП с применением искусственного интеллекта

В. В. Заболоцкая

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
² Кубанский государственный университет, Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Заболоцкая Виктория Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, ¹научный сотрудник кафедры менеджмента; ²доцент кафедры мировой экономики и менеджмента, zvicky90@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9808-127X>

Аннотация. Введение. Воздействие макроэкономических и региональных факторов экономической бизнес-среды в условиях неопределенности и повышенных рисков обуславливает значительные сложности диагностики, оценки и прогнозирования кредитоспособности получателей финансово-кредитной поддержки и заемщиков – субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). **Теоретический анализ.** Осуществлена систематизация основных математических методов и моделей оценки и прогнозирования уровня кредитоспособности предприятий микро-, малого и среднего бизнеса в зарубежной и российской практике, применяющих современные системы и технологии искусственного интеллекта и методы машинного обучения. **Эмпирический анализ.** Предложены результаты апробации методологического подхода экспресс-диагностики финансово-экономического состояния и прогнозирования кредитоспособности субъектов МСП Краснодарского края за 2014–2017 гг., основанного на применении методов экспертной оценки, экономического анализа и нечетких продукционных систем и позволяющий производить расчет кредитного рейтинга субъектов МСП с учетом их отраслевой принадлежности. **Результаты.** Детерминированы преимущества и недостатки методов и моделей диагностики кредитоспособности и кредитного скоринга с позиции их применения для различных категорий субъектов МСП. Показано, что наиболее перспективными и математически достоверными моделями для осуществления кредитного скоринга и оценки риска финансовой поддержки и кредитования различных предприятий сектора МСП на различных стадиях их жизненного цикла как в России, так и за рубежом являются компьютеризированные модели и экспертные системы, применяющие такие методы и технологии искусственного интеллекта, как нечеткие множественные и нечеткие продукционные системы, искусственные нейронные сети, метод опорных векторов, ансамблевые методы (метод «случайного леса»), а также интеллектуальные информационные системы, гибридные модели и гибридные системы. В работе показано, что их комбинация друг с другом позволит достичь синергетического эффекта и эмерджентности при взаимодействии кредиторов с заемщиками – субъектами МСП и своевременно избежать их банкротства.

Ключевые слова: кредитоспособность, малое и среднее предпринимательство, методы и модели диагностики и прогнозирования, искусственный интеллект, машинное обучение, управленческие решения

Для цитирования: Заболоцкая В. В. Методы диагностики и прогнозирования кредитоспособности субъектов МСП с применением искусственного интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 294–311. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-294-311>, EDN: OWEQBG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Methods for diagnostics and forecasting SMEs creditworthiness using artificial intelligence

V. V. Zabolotskaya

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia
Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russia

Victoria V. Zabolotskaya, zvicky90@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9808-127X>

Abstract. Introduction. The impact of multidirectional external macroeconomic and regional factors of the economic environment in conditions of uncertainty and increased risks causes significant difficulties in diagnosing, assessing and forecasting the creditworthiness of financial and credit support recipients and borrowers (micro, small and medium-sized enterprises) in the Russian Federation. **Theoretical analysis.** The author systematized the basic mathematical methods and models for assessing and forecasting the level of creditworthiness of micro, small and medium-sized businesses in foreign and Russian practice, using modern systems and technologies of artificial intelligence and machine learning methods. **Empirical analysis.** The author proposed the results of approbation of methodological approach for express diagnostics of the financial

and economic condition and forecasting the creditworthiness of SMEs in the Krasnodar krai for the period of 2014–2017, based on expert assessment methods, economic analysis and fuzzy logic systems, which form the credit rating of SMEs considering their industry affiliation. **Results.** In this study, the author has determined the advantages and disadvantages of methods and models for diagnosing creditworthiness and credit scoring from the perspective of their application for various categories of SMEs. As it is shown that the most promising and mathematically reliable models for credit scoring and risk assessment of financial support and lending to various enterprises in the SME sector at different stages of their life cycle both in Russia and abroad are computerized models and expert systems, based on such methods and technologies of Artificial Intelligence, as fuzzy logic systems, artificial neural networks, support vector machines, ensemble methods (random forest method), as well as intelligent information systems, hybrid models and hybrid systems. The study reveals that their combination with each other will allow to achieve synergistic and system effects in the interaction between lenders and borrowers (SMEs) and timely avoid their bankruptcy.

Keywords: creditworthiness, SMEs, diagnostic and forecasting methods and models, artificial intelligence, machine learning, management decisions

For citation: Zabolotskaya V. V. Methods for diagnostics and forecasting SMEs creditworthiness using artificial intelligence. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 294–311 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-294-311>, EDN: OWEQBG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одними из ключевых проблем диагностики кредитоспособности заемщиков сектора малого и среднего предпринимательства (МСП) являются информационная непрозрачность их деятельности и низкая финансовая грамотность предпринимателей, что приводит к появлению множества ошибок в их финансовой и управленческой отчетности. Заемщики из сектора МСП до сих пор являются высокорисковым сегментом для потенциальных инвесторов и кредиторов.

Наиболее известный и простой способ информирования инвесторов и кредиторов – кредитные рейтинги оценки надежности заемщика. Однако рейтингов для МСП, присваиваемых международными агентствами, крайне мало, и зачастую они не только не совпадают, но и противоречат друг другу, к тому же эти рейтинги, как правило, не учитывают региональную специфику.

Применение методов и технологий искусственного интеллекта (ИИ) и инструментария машинного обучения для диагностики и прогнозирования кредитоспособности субъектов МСП в России в приоритетных и доминирующих отраслях с использованием не только количественных, финансовых, социально-экономических, но и качественных показателей функционирования предприятий, и макроэкономических показателей страны и регионов является актуальной задачей, резко возросшей в современных условиях повышенных рисков и неопределенности в бизнес-среде, возникших из-за ужесточения экономических санкций со стороны стран коллективного Запада и преодоления последствий пандемии COVID-19, а также разрыва деловых связей отечественных предприятий после начала специальной военной операции РФ на Украине.

Теоретический анализ

Математические методы и модели оценки социально-экономических процессов, в том числе для диагностики и прогнозирования кредитоспособности можно дифференцировать на параметрические и непараметрические.

Параметрические модели включают: линейную вероятностную модель, логит- или пробит-модели, модель на основе дискриминантного анализа [1] и нейронные сети. Непараметрические модели включают в себя математическое программирование, классификационные деревья, модель ближайшего соседа, процесс аналитической иерархии и экспертные системы [1].

Среди перечисленных моделей для оценки кредитоспособности МСП наиболее часто используются модели, основанные на классических методах статистического анализа (например, модель линейной вероятности, логит- и пробит-модели, дискриминантный анализ) и альтернативные методы – нейронные сети [2].

Разработке моделей и методов ИИ для решения узкоспециализированных задач в экономике были посвящены работы А. С. Арутюняна с соавт. [3], Дж. Бакли с соавт. [4], Т. П. Барановской с соавт. [5], Дж. и М. Бояджиевых [6], С. Зопундисиса и М. Доумпоса [7], М. В. Иванищева [8], Е. В. Луценко с соавт. [9] и А. О. Недосекина [10].

Для использования методов и технологий ИИ необходимо учитывать особенности функционирования субъектов МСП в экономической среде. Решение этой задачи требует существенной модификации данных методов и разработки нового инструментария, адаптированного к особенностям предприятий этого сектора экономики. Отсутствие полноценного и комплексного исследования проблем финансово-экономиче-

ского анализа, оценки кредитоспособности и банкротства МСП с учетом их отраслевой и региональной специфики на основе современного математического аппарата ИИ обосновывает имеющийся пробел в исследуемой области.

Проблема прогнозирования и анализа кредитоспособности предприятий сферы МСП относится к задаче моделирования сложных слабоструктурированных систем, которую невозможно решать без применения методов и технологий ИИ и машинного обучения.

Для оценки и прогнозирования кредитоспособности и рисков кредитования МСП используются различные математические методы: искусственные нейронные сети, генетические алгоритмы, метод опорных векторов, ансамблевые методы или «случайный лес», метод дерева решений (классификационных

деревьев) [11]. Эти методы позволяют получить достоверные прогнозные оценки кредитоспособности заемщиков (субъектов МСП).

Искусственные нейронные сети (Artificial Neural Networks, ANN) явились предметом фундаментальных исследований в 60–70-е гг. XX в. В тот период впервые были предприняты попытки воссоздать работу биологических нейронных сетей, моделирующих функционирование мозга. Нейрон биологического организма – это базовая (элементарная) структурно-функциональная единица мозга. Несмотря на обилие форм, все нейроны действуют по одному принципу: электрический сигнал, поступающий на дендриты, передается по нейрону до терминалей через аксон. Далее этот импульс переходит к другому нейрону, который соединяется с предыдущим, используя синаптические связи (рис. 1).

Рис. 1. Строение нейрона
Fig. 1. Structure of a neuron

Сегодня имеется уже достаточно знаний в этой области, чтобы предлагать различные способы решения задач в экономике при помощи математического моделирования нейронных сетей. Нейронная сеть представляет собой модель обработки информации, напоминающую структуру связей в синапсах, которая состоит из большого количества узлов, называемых нейронами, соединенными связями.

Впервые модель искусственного нейрона была представлена учеными У. Маккаллоком и У. Питтсом [12]. Основу каждой ANN составляют простые элементы, которые соединены между собой синаптическими связями и способны имитировать работу нейронов головного мозга. Строение модели искусственного нейрона показано на рис. 2.

Вход представляет собой вектор вещественных чисел $x = (x_1, \dots, x_n)$, а каждый синапс ха-

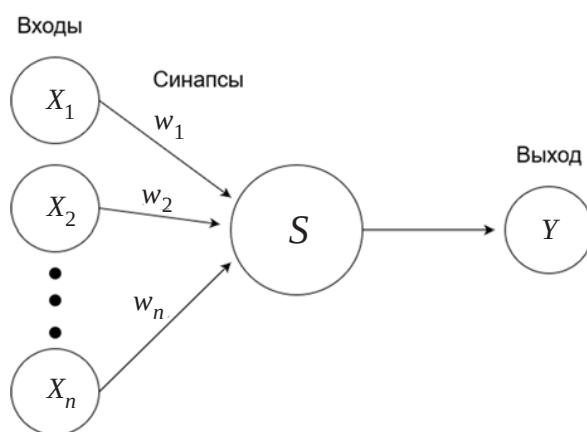

Рис. 2. Строение модели искусственного нейрона
Fig. 2. Structure of an Artificial Neuron Model

рактеризуется величиной w_i , называемой весом. Это действительный коэффициент, находящийся в промежутке от 0 до 1.

В качестве текущего состояния нейрона понимают взвешенную сумму его входов. Входными данными нейрона считается значение $Y = f(S)$:

$$S = \sum_{i=1}^n x_i w_i, \quad (1)$$

где S – сумма входов, которая вычисляется по формуле (1); f – функция активации, принимающая значения из интервала (0; 1).

Для активации нейронных сетей наиболее часто применяют следующие функции:

логистический сигмоид –

$$\sigma(x) = \frac{1}{1 + e^{-x}}; \quad (2)$$

гиперболический тангенс –

$$\tanh(x) = \frac{e^x - e^{-x}}{e^x + e^{-x}}; \quad (3)$$

ступенчатая функция Хевисайда –

$$\text{step}(x) = \begin{cases} 0, & x < 0 \\ 1, & x > 0 \end{cases}; \quad (4)$$

кусочно-линейная функция –

$$\text{ReLU}(x) = f(x) = \begin{cases} 0, & x < 0 \\ x, & x \geq 0 \end{cases}. \quad (5)$$

Единых правил выбора наиболее эффективной функции не существует. Для каждой задачи ее следует подбирать индивидуально, отталкиваясь от результатов процесса обучения. Однако среди перечисленных функций чаще всего применяют логистический сигмоид (см. (2)) и ступенчатую функцию Хевисайда (см. (4)).

ANN представляет собой направленный граф со связями между узлами, где каждый узел является искусственным нейроном.

Отличие ANN друг от друга состоит в характере соединения отдельных компонентов сети.

По архитектуре связей можно выделить три типа нейронных сетей [2] (рис. 3):

- однослойные сети прямого распространения (рис. 3, а);
- многослойные сети прямого распространения (рис. 3, б);
- рекуррентные сети (рис. 3, в, г).

Нейросеть организована слоями. Однослойные сети прямого распространения (рис. 3, а) – это простейшая форма такой сети, имеет один слой и строго прямой тип подачи входных данных. Входные данные проецируются в выходные зна-

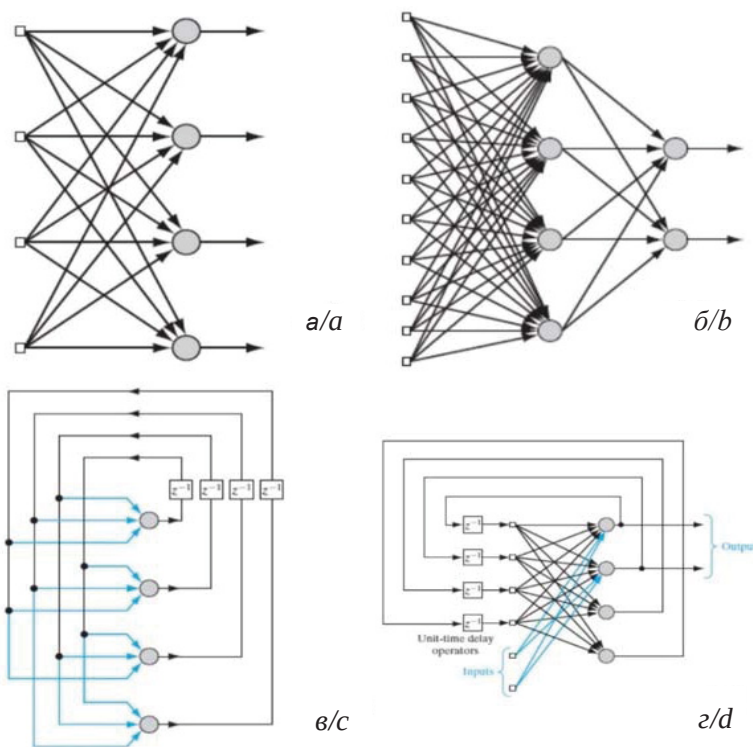

Рис. 3. Типы искусственных нейронных сетей: а – однослойные сети прямого распространения; б – многослойные сети прямого распространения; в, г – рекуррентные сети

Fig. 3. Types of Artificial Neural Networks: а – single-layer neural networks; б – multilayer neural networks; в, г – recurrent neural networks

чения и не считаются за слои, поскольку на этой стадии не выполняются вычисления. Второй класс прямой нейронной сети (З, б) отличается кроме входного и выходного нейронов наличием некоторого количества скрытых слоев. Такие сети обладают большими возможностями, чем предыдущие и в большей степени приближены к имитации работы человеческого головного мозга. В рекуррентных сетях (З, в, г) нейронные связи к верхнему слою могут идти не только от нижнего слоя, но и от предыдущих значений нейронов того же слоя. Рекуррентные сети продемонстрировали значительный успех при решении многих задач, связанных с генерацией текстов, машинным переводом, а также распознаванием речи и созданием описаний изображений:

Нейросети использовались для проведения кредитного скоринга [13]. В исследовании Ф. Чампи, Н. Гордини [14] отмечалось, что их использование способно повысить точность управленческого решения о кредитовании малого бизнеса по сравнению с традиционными методологиями. В работах В. Джаннопулоса, Е. Аггелопулоса [15], М. Оливейра с соавт. [16] показано, что нейросети эффективны для присвоения баллов в кредитном скоринге.

Метод опорных векторов (Support Vector Machines, SVM) – это относительно новый метод машинного обучения, основанный на использовании ИИ. В основе метода лежит построение гиперплоскости, разделяющей данные на классы по полученным на входе данным многомерного пространства. Этот метод основан на правилах минимизации структурного риска (structural risk minimization rule), которые теоретически обеспечивают хорошую устойчивость, и способен решать как линейные, так и нелинейные задачи, классификации и регрессии. Алгоритмы SVM функционируют по принципу «черного ящика», что значительно усложняет интерпретацию результатов.

Х. С. Ким и С. Й. Сон [17] предложили модель SVM для прогнозирования риска дефолта финансируемых МСП.

Генетические алгоритмы (Genetic Algorithm, GA) имитируют процесс естественного отбора теории эволюции Дарвина с целью поиска оптимального решения. GA – стохастические, эвристические оптимизационные методы, применяемые для подбора коэффициентов регрессионной зависимости с помощью процесса, подобного процессу естественного отбора. Этот метод является самоадаптирующимся, обладает высокой надежностью. GA способен обрабатывать любые

формы целевой функции, независимо от того, являются ли данные функции линейными или нелинейными, непрерывными или дискретными.

Х. А. Абду [18], К. С. Онг с соавт. [19] применили генетическое программирование для кредитной оценки заемщиков.

Ансамблевые методы (Ensemble Techniques, ET) (метод «случайного леса», Random Forests). Ансамблевое обучение – это новый метод машинного обучения, используемый для проведения кредитного скоринга заемщиков. Одной из наиболее важных его характеристик является возможность получения общего решения без индивидуального решения нескольких подзадач [13].

Классификационные и регрессионные деревья решений (Classification and Regression Trees, CART). Метод прогнозирования вероятности риска невыплаты по кредиту, широко используемый в статистике, интеллектуальном анализе данных и машинном обучении, использует дерево решений как прогностическую модель.

Метод CART, впервые предложенный Л. Брейманом с соавт. [20], является одним наиболее распространенных методов оценки кредитоспособности заемщиков. Он основан на рекурсивном процессе разделения данных при переходе с более высокого уровня дерева к более низкому.

Важными алгоритмами построения этого регрессионного дерева являются алгоритм рекурсивного разделения и энтропийный алгоритм [21].

Алгоритм CART можно определить с помощью индекса Джини (Gini):

$$\text{Gini } T = 1 - \sum_{i=1}^n p_i^2, \quad (6)$$

где Gini – индекс Джини; T – показатели оценки кредитоспособности субъекта МСП; p_i – вероятность (относительная частота) класса в T .

Для узла бинарного дерева (с двумя ветвями-потомками) показатель «успешности» разбиения множества рассчитывается как

$$G_{\text{split}} = \frac{1}{L} \sum_{i=1}^n l_i^2 + \frac{1}{R} \sum_{i=1}^n r_i^2, \quad (7)$$

где L , R – количество примеров соответственно в левом и правом потомке дерева решений; l , r – количество экземпляров i -го и j -го класса в левом и правом потомке дерева решений.

Оптимальным считается такое разбиение, для которого величина G_{split} имеет максимальное значение. Пример дерева решений для оценки кредитоспособности заемщика представлен на рис. 4.

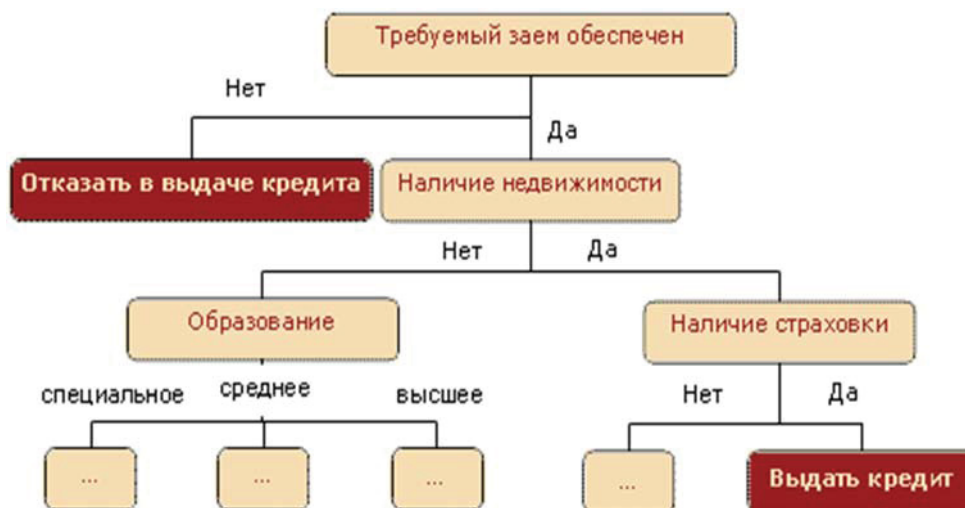

Рис. 4. Пример построения дерева решений для диагностики кредитоспособности заемщика
 Fig. 4. An example of constructing a decision tree for the diagnostics of the borrower's creditworthiness

Для субъектов МСП метод CART получил широкое применение, в том числе при комбинировании его с другими методами оценки кредитоспособности заемщика. В работе Е. А. Федоровой с соавт. [22] с помощью метода CART, а также его модификации (Bagging CRT, Boosting CRT) были уточнены нормативные значения для финансовых коэффициентов для предприятий МСП на этапе их банкротства.

В работе А. Брезигар-Мастена, И. Мастена [23] метод CART был скombинирован с логит-моделями для диагностики банкротства МСП. В исследовании З. Ли для построения моделей прогнозирования МСП в Южной Корее были использованы метод CART, его модификация (LightGBM) и логистическая регрессия. Построенная модель была основана на использовании только внешних кредитных данных, достигнутый уровень прогностической способности составил 87% [21].

К перспективным методам диагностики и прогнозирования уровня кредитоспособности субъектов МСП относят: нечеткие продукционные системы, интеллектуальные информационные системы, а также гибридные модели (системы).

Нечеткие продукционные системы (НПС) (Fuzzy logic systems, FLS) представляют собой современный компьютеризированный метод оценки и прогнозирования различных объектов и процессов, базирующийся на теории нечеткой логики (Fuzzy logic) и нечетких множеств (Fuzzy sets theory). Нечетко-множественные модели по-

зволяют выявить функциональные связи между нечеткими лингвистическими переменными и специальными функциями, характеризующими степень принадлежности значений уровня кредитоспособности МСП нечетким описаниям. FLS – это экспертные системы, ориентированные на построение адекватных и эффективных решений в условиях неполноты и неточности исходных данных при наличии неопределенности. Данные системы позволяют описывать естественным образом процесс мышления человека и ход его рассуждений, лингвистическую неопределенность, а также нечетко формализуемые экономические системы и процессы.

Впервые теория нечетких множеств была создана Л. Заде в 1965 г. [24]. Нечеткое множество – совокупность элементов, относительно которых нельзя однозначно идентифицировать степень принадлежности любого элемента, входящего в множество [2].

Нечеткая система (Fuzzy system) характеризуется неопределенностью границ системы, отдельных ее состояний, входных и выходных воздействий [2]. Структура модели FLS может быть изображена в виде фигуры с расплывчатыми границами (рис. 5).

Представление нечеткого множества имеет следующий вид [2]:

$$\mu A(x) : X \rightarrow [0, 1], \quad (8)$$

где A – нечеткое множество, включающее множество пар (кортежей) вида: $\langle x, \mu A(x) \rangle$; x – элемент, принадлежащий некоторому универсальному множеству (универсум (X));

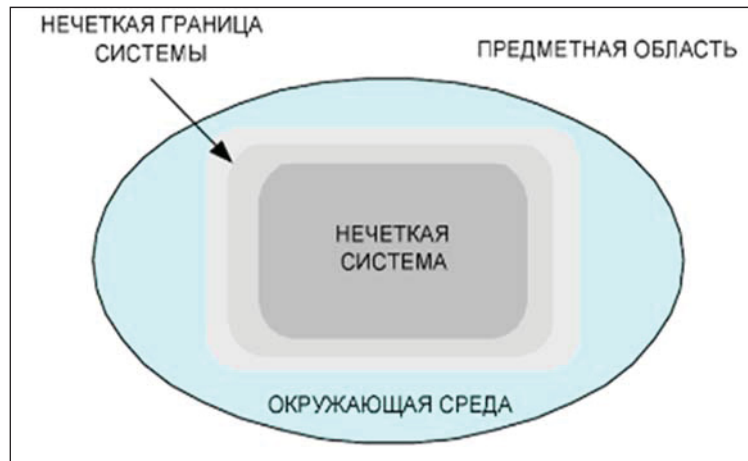

Рис. 5. Визуализация нечеткой системы [2]
Fig. 5. Visualization of a fuzzy logic system [2]

$\mu A(x)$ – функция, которая ставит в соответствие любому элементу x из множества X действительное число, лежащее в интервале $[0; 1]$.

Если для некоторого $x \in X$ значение $\mu A(x) = 1$, то в этом случае можно понимать, что $x \in A$. Аналогично, когда $\mu A(x) = 0$, соответственно $x \notin A$.

Любое конечное нечеткое множество имеет следующий вид:

$$A = \{ \langle x_1, \mu A(x_1) \rangle, \langle x_2, \mu A(x_2) \rangle, \dots, \langle x_n, \mu A(x_n) \rangle \}. \quad (9)$$

Множество A – такое множество A_s , которое включает в себя только элементы универсума (X) с отличными от нуля значениями функции принадлежности. Носитель нечеткого множества

$$A_s = \{ x \in X \mid \mu A(x) > 0 \} \quad \forall x \in X. \quad (10)$$

Ядро нечеткого множества включает в себя следующие элементы:

$$A_1 = \{ x \in X \mid \mu A(x) = 1 \}. \quad (11)$$

Элементы универсума (X) с отличными от 0 и 1 значениями функции принадлежности считаются границами нечеткого множества $A = \{ \langle x, \mu A(x) \rangle \}$ и включают только те элементы универсума $x \in X$, для которых будет выполняться условие: $0 < \mu A(x) < 1$. Элементы некоего нечеткого множества $u \in A$, удовлетворяющие условию $\mu A(u) = 0,5$, считаются точками перехода нечеткого множества A .

В практике моделирования FLS применяют следующие алгоритмы нечеткого вывода: алгоритмы Мамдани, Цукамото, Ларсена и Сугено. Среди перечисленных алгоритмов для решения экономических проблем наиболее популярным

является алгоритм Мамдани [2, 25]. Для построения моделей с использованием нечеткой логики используют специальный пакет программы MATLAB – Fuzzy Logic Toolbox.

В работе А. К. Язди с соавт. [25] был предложен метод оценки кредитоспособности заемщиков на основе нечетких множеств для Фонда гарантирования экспорта Ирана. В российской практике труды таких ученых, как В. В. Заболоцкая [26], И. В. Шевченко с соавт. [27], были посвящены исследованию возможностей нечетких множеств и нечетких продукционных систем для оценки кредитоспособности МСП.

В результате развития ИИ теория нечетких множеств Л. Заде получила вторую жизнь. Появилось новое направление моделирования, в том числе в сфере прогнозирования финансовых процессов, получившее название «мягкие вычисления» (soft computing). Теория нечетких множеств и ИИ дополняют друг друга и используются в различных комбинациях для создания гибридных интеллектуальных информационных систем.

Интеллектуальные информационные системы (Intellectual informational systems, IIS) – новейший оценочный метод, который может успешно применяться в области диагностики кредитоспособности заемщиков, в том числе из сферы МСП. IIS – это компьютеризированные информационно-аналитические системы со встроенными интеллектуальными компонентами, основанными на различных математических методах и применении ИИ.

Гибридные модели и гибридные системы (Hybrid models и Hybrid systems) представляют собой многослойную нейросеть специальной

структуры. При этом значения входов, выходов и весов гибридной нейросети представляют собой нечеткие лингвистические переменные [2]. Данные модели и системы объединяют в себе достоинства нейросетей и FIS.

Несмотря на то, что они синтезируют в себе преимущества различных математических методов, четкого решения о том, как классифицировать гибридные модели, до сих пор нет. Это позволяет применять различные комбинации существующих методов диагностики и прогнозирования кредитоспособности, а также

кредитного скоринга для достижения высокой точности результатов. Ключевое отличие гибридных методов от ансамблевых алгоритмов заключается в том, что первые используют только один классификатор для выборочного обучения и разные способы выбора признаков и этапов классификации [13].

Систематизация преимуществ и недостатков математических методов, применяемых к диагностике и прогнозированию кредитоспособности МСП с использованием ИИ, представлена в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Преимущества и недостатки основных математических методов диагностики и прогнозирования кредитоспособности с позиции субъектов МСП с применением ИИ
Advantages and Disadvantages of the Basic Mathematical Methods for Diagnosing and Forecasting Creditworthiness for SMEs Using AI

Метод	Преимущества	Недостатки
Нейронные сети	<ul style="list-style-type: none"> Высокие прогностические возможности; – возможность нелинейного моделирования и обучения на примерах; – возможность выстраивания четкого алгоритма работы, основанного на теоремах Колмагорова и Хехт – Нильсена, заключающихся в возможности разложения сложной функции в ряд линейных функций; – способность преобразования качественных (лингвистических) данных в номинальные, а затем обратно в числовую форму; – возможность решения трудно формализуемых и неформализуемых задач 	<ul style="list-style-type: none"> Интуитивный (экспертный) выбор входящих переменных; – закрытость (нейросети – это «черный ящик», имеющий вход и выход с неизвестным алгоритмом работы); – представление знаний об исследуемой области в специальном виде [2]; – необходимость наличия репрезентативной выборки для моделирования и прогнозирования
Метод опорных векторов	<ul style="list-style-type: none"> Способность анализа линейно и нелинейно разделяемых данных (ядерный метод); – высокая эффективность анализа многомерных и небольших наборов данных 	<ul style="list-style-type: none"> Снижение эффективности при анализе рядов с «белым шумом», которые имеют перекрывающиеся классы
Метод CART	<ul style="list-style-type: none"> Высокая скорость работы алгоритма и достоверность вычислений (около 90%) [28]; – отсутствие жестких требований к статистическим данным; – возможность использования качественных показателей; – способность обработки «шумных» и неполных данных [29] 	<ul style="list-style-type: none"> Отсутствие возможности определения наиболее весомых переменных [29]; – высокая трудоемкость построения регрессионных деревьев, что приводит к удорожанию операционных расходов банков при кредитовании субъектов МСП
Генетические и ансамблевые алгоритмы	<ul style="list-style-type: none"> Высокая эффективность при решении крупномасштабных проблем оптимизации; – возможности поиска решений для широкого класса задач; – простота, прозрачность в реализации; – возможность использования в задачах с изменяющейся средой 	<ul style="list-style-type: none"> Мало применимы в случае, когда необходимо найти локальный экстремум; – время исполнения оценки с помощью генетического алгоритма велико; – не применимы в случае, если необходимо найти все варианты решения задачи; – высокая сложность конфигурации алгоритма (осуществляется кодирование решения); – поиск оптимального решения для сложных задач является затратным; – низкая масштабируемость

Окончание табл. 1 / Continuation of the Table 1

Метод	Преимущества	Недостатки
Нечеткие множественные и нечеткие продукционные системы	Возможность использования количественно-качественных данных; – отсутствие ограничений числа исследуемых объектов (параметров); – высокая достоверность принимаемых управленческих решений	Недостаточность квалификации эксперта при формировании лингвистических функций и правил вывода; – экспертный подход при формировании правил нечеткого вывода часто не позволяет получить полную и непротиворечивую базу правил нечеткого вывода; – ориентированность на решение классификационных задач
Интеллектуальные информационные системы	Обеспечение высокой точности диагностики, анализа и прогнозирования кредитоспособности заемщика; – обеспечение высокого качества принимаемых управленческих решений при предоставлении кредитных ресурсов и формировании кредитной политики кредитора	Необходимость высокой квалификации специалистов, создающих ИИС
Гибридные системы и гибридные модели	Возможность использования обучающей выборки так же, как у нейросетей, и для определения параметров функций принадлежности, как у нечетких множественных или продукционных систем [2]	Нерациональность использования в случае недостаточной репрезентативной (обучающей) выборки; – ориентированность на решение прогнозных задач

Сост. по: [2, 26, 28, 29] / Compiled according to: [2, 26, 28, 29].

Эмпирический анализ

Исходя из проведенного теоретического исследования основных математических методов диагностики и прогнозирования кредитоспособности с позиции субъектов МСП с применением ИИ, автором *впервые* был разработан комплексный подход экспресс-диагностики финансово-экономического состояния (ФЭС) и прогнозирования кредитоспособности микро-, малых и средних предприятий, базирующийся на комбинировании искусственного интеллекта (нечетких множеств и нечетких продукционных систем) и классических методов экспертной оценки (балльно-рейтинговой и интегральной оценки) с учетом региональной специфики, включающий пять этапов.

1. Подготовка базы данных и обоснование выбора показателей для экспресс-диагностики ФЭС и уровня кредитоспособности субъектов МСП.

2. Формирование архитектуры и модульной структуры автоматизированной кредитной экспертизы экспресс-диагностики ФЭС и кредитоспособности заемщиков (предприятий сферы МСП).

3. Построение нечетких продукционных систем для расчета интегральных показателей

($y_1 - y_9$) и общего интегрального ФЭС и кредитоспособности заемщиков (хозяйствующих субъектов МСП).

4. Разработка интерфейса и краткое описание работы программного приложения.

5. Расчет рейтинга, отражающего уровень ФЭС и кредитоспособности МСП в программе ЭВМ, и вывод данных (при необходимости выгрузка в Excel).

На этапе 1 с использованием методов корреляционного анализа и главных компонент были отобраны 35 линейно-независимых показателей (рис. 6). Данные показатели были проранжированы с применением метода экспертных оценок и аппарата теории нечетких множеств в диапазоне от 0 до 1 по правилу пента-шкалы, им были присвоены баллы оценки ФЭС и уровня кредитоспособности (0 – *L* – очень низкий, 0,25 – *LM* – низкий, 0,5 – *M* – средний, 0,75 – *HM* – высокий, 1 – *H* – очень высокий). Интегральные рейтинги «очень низкий» и «низкий» свидетельствуют о том, что предприятие-заемщик некредитоспособно.

Сформирована репрезентативная выборка, содержащая 125 предприятий сферы МСП Краснодарского края и данных в Excel. С применением фильтров для распределения предприятий по отраслям и основному виду деятельности

Рис. 6. Показатели комплексной оценки ФЭС и кредитоспособности МСП

Fig. 6. Indicators for a comprehensive assessment of the financial and economic condition and creditworthiness of borrowers (SMEs)

(согласно классификации ОКВЭД) были учтены дополнительные данные об их деятельности (ИНН, размер предприятия и критерии отнесения к субъекту МСП, присутствие в Реестре МСП, дата регистрации и ликвидации).

С применением макросов Excel были созданы алгоритмы для расчетов финансовых показателей субъектов МСП и автоматического присвоения им баллов (рейтингов) от L до H . Конечная репрезентативная выборка содержала результаты 35 расчетных показателей ФЭС и кредитоспособности предприятий сферы МСП и присвоенные им рейтинги по пяти отраслям: обрабатывающее производство, сельское хозяйство, строительство, сфера торговли и сфера услуг.

Методом экспертных оценок показатели были дифференцированы на 9 групп (кластеров). Построены автоматизированные алгоритмы анализа количественных оценочных и интегральных показателей по выделенным группам (кластерам).

Кратко приведем методику применения главных компонент для экспресс-диагностики ФЭС и прогнозирования уровня кредитоспособности МСП.

Каждое из наблюдений группы показателей 1–9 заменено векторами $F_i = (f_i^{(1)}, f_i^{(2)}, \dots, f_i^{(p)})$ с существенно меньшим, чем p , числом компонент p' для того, чтобы система новых показателей сохранила в себе существенную часть информации, содержащейся в исходном массиве данных. Была найдена матрица собственных векторов корреляционной матрицы предикторов L , а также матрица собственных чисел λ .

С учетом свойств главных компонент был определен критерий информативности, послуживший базисом для принятия решения о снижении количества показателей в исследуемом пространстве:

$$J_F^{(p')} = \frac{\lambda_1 + \lambda_2 + \dots + \lambda_{p'}}{\lambda_1 + \lambda_2 + \dots + \lambda_p} > 50\%.$$

Матрица нагрузок главных компонент A определяется по формуле

$$A = L^T \lambda^{1/2}, \quad (12)$$

где L – матрица собственных векторов корреляционной матрицы предикторов; λ – матрица собственных чисел.

Коэффициенты матрицы нагрузок определяют степень тесноты парной линейной связи между главными компонентами и удельный вес

влияния главных компонент на исследуемый признак. Для определения меры связи главных компонент и исследуемого признака были выбраны элементы матрицы нагрузок $|a_{ij}| > 0,6$.

Результаты применения метода главных компонент для групп 1–9 показали, что полученная система 35 линейно-независимых показателей наиболее соответствует процессу дальнейшего моделирования.

На этапах 2–5 была сформирована архитектура программы искусственного интеллекта, включающая 10 нечетких продукционных систем (НПС) для проведения экспресс-диагностики ФЭС и прогнозирования кредитоспособности заемщиков (предприятий сферы МСП). НПС (1REG – 9FIN) представляют собой функциональные зависимости влияющих факторов от независимых переменных системы:

$$X = (x_1, x_2, \dots, x_{35}) \rightarrow (y_1, y_2, \dots, y_9) \rightarrow Y, \quad (13)$$

где x_1, \dots, x_{35} – входные переменные модели; y_1, \dots, y_9 – интегральные рейтинги по группам 1–9, рассчитываемые на основе созданных НПС 1REG – 9FIN; Y – итоговый интегральный рейтинг ФЭС и кредитоспособности МСП региона (НПС 10REZULT).

Результатом работы 9 НПС являются рейтинги и их лингвистические значения для 9 интегральных показателей.

На основе последних в НПС 10REZULT рассчитываются общая интегральная оценка ФЭС и уровень кредитоспособности заемщика из сферы МСП. Качественным и количественным значениям 35 показателей программа присваивает рейтинги от 0 до 1. Для расчета интегрального показателя действует следующий принцип: если значение интегрального показателя близко к 1, то ФЭС предприятия и уровень кредитоспособности МСП оценивается как отличные, с уменьшением общего интегрального рейтинга уровень ФЭС и кредитоспособности снижается. При получении рейтинга общего интегрального показателя, равного 0,06, предприятие-заемщик идентифицируется как с высоким риском банкротства.

С применением разработанных НПС была получена адекватная система интегральной оценки комплексных показателей ФЭС и уровня кредитоспособности и для производственных, строительных и сельскохозяйственных предприятий, а также предприятий сферы торговли и сферы услуг сектора МСП. Процесс нечеткого моделирования ФЭС и уровня кредитоспособности МСП был реализован в среде MATLAB

с помощью пакета Fuzzy Logic Toolbox. Для построения НПС в программе ЭВМ AIFin Expert применялся алгоритм Мамдани.

Для автоматизации расчетов была разработана программа ЭВМ «Система интеллек-

туального анализа финансово-экономического состояния МСП на основе искусственного интеллекта AIFin Expert» (свидетельство гос. регистрации для программы ЭВМ № 2020612570 от 26.02.2020) (рис. 7).

The screenshot shows the AIFin Expert software interface. At the top, the company name is set to 'ОАО «Георгиевское»'. The main area is divided into several sections for different indicators, each with input fields and a calculated result:

- Оценка отраслей и региональной специфики:** X1=24, X2=0, X3=1, X4=0, X5=0.5. Result: 1REG, 0.25, Низкая.
- Оценка кредитоспособности:** X6=0, X7=0, X8=0, X9=14. Result: 2KREDIT, 0.5, Средняя.
- Оценка технической оснащённости:** X10=0.895, X11=0.895, X12=0. Result: 3TEH, 0.75, Высокая.
- Оценка рыночного потенциала:** X13=1, X14=0.26, X15=0, X16=0.047, X17=0.115. Result: 4MARKET, 0.25, Низкая.
- Оценка качества кадрового обеспечения:** X18=0.555, X19=0, X20=0.444, X21=0.117, X22=0. Result: 5STAFF, 0.25, Низкая.
- Оценка морально психологического климата:** X23=0.444, X24=1.780. Result: 6PSICH, 0.0632692, Очень низкая.
- Оценка платежеспособности:** X25=0.375, X26=-1.66. Result: 7ABILITY, 0.0632692, Очень низкая.
- Оценка оборачиваемости:** X27=45.15, X28=20.61, X29=2.190, X30=0. Result: 8TURN, 0.936731, Очень высокая.
- Оценка финансовой устойчивости:** X31=0.174, X32=0.851, X33=0, X34=0.011, X35=0.010. Result: 9FIN, 0.25, Низкая.

On the right side, there are buttons for 'Загрузить', 'В Excel', and 'СПРАВКА'. Below that, there are radio buttons for 'Использовать данные' (Normированные, Реальные) and a checkbox for 'Только количественные'. An 'Информация' section provides context on regional risk concentration. The 'Результат исследования' section shows an overall score of 0.25, categorized as 'Низкая'.

Рис. 7. Интерфейс программы ЭВМ AIFin Expert
Fig. 7. Interface of the computer program AIFin Expert

На основе 35 показателей программа ЭВМ позволяет:

- осуществлять интеллектуальный анализ ФЭС субъектов МСП, учитывающий их отраслевую специфику;

- производить автоматизированный расчет интегральных показателей и проверку достоверности результатов и их экспертной (балльно-рейтинговой) оценки;

- автоматически рассчитывать общий интегральный результат ФЭС предприятия и определять класс его кредитоспособности («очень высокая», «высокая», «средняя», «низкая», «очень низкая»);

- отображать промежуточные и итоговые оценки и осуществлять экспорт результатов анализа данных в Excel-файл.

Программа ЭВМ ориентирована на микро-, малые и средние предприятия и финансовых посредников (коммерческие банки и микрофинансовые организации).

Предложенный методологический подход и программа ЭВМ были апробированы на предприятиях, входящих в созданную базу данных «Межотраслевая база данных малых и средних предприятий Краснодарского края» (среда разработки Microsoft Access 2019) (свидетельство гос. регистрации базы данных № 2021623214 от 27.12.2021.).

Практические результаты экспресс-диагностики ФЭС и прогнозирования уровня кредитоспособности 22 сельскохозяйственных микро-, малых и средних предприятий Краснодарского края представлены на рис. 8. Как видно из представленного ниже рис. 8, а, за период с 2014 по 2017 гг. из 22 проанализированных предприятий учет качественно-количественных показателей привел к росту доли сельскохозяйственных предприятий сферы МСП с высоким кредитным рейтингом ФЭС и кредитоспособности на 10,4%, к снижению со

средним рейтингом – на 10,9%. Доля некредитоспособных субъектов МСП с низким кредитным рейтингом практически не изменилась. Свыше 4% предприятий обанкротились. Доля кредитоспособных предприятий в сельском хозяйстве в 2014 г. – 45,5%, 2015 г. – 41,0%, 2016 г. – 42,9%, 2017 г. – 45,0%. Учет факторов региональной и отраслевой специфики (группа 1) и качества кредитной истории (группа 2) повлиял на снижение кредитного рейтинга в 2014 г. у 27,4% МСП, в 2015 г. – у 0,1%, в 2016 г. – у 4,2%, в 2017 г. – у 5,0%.

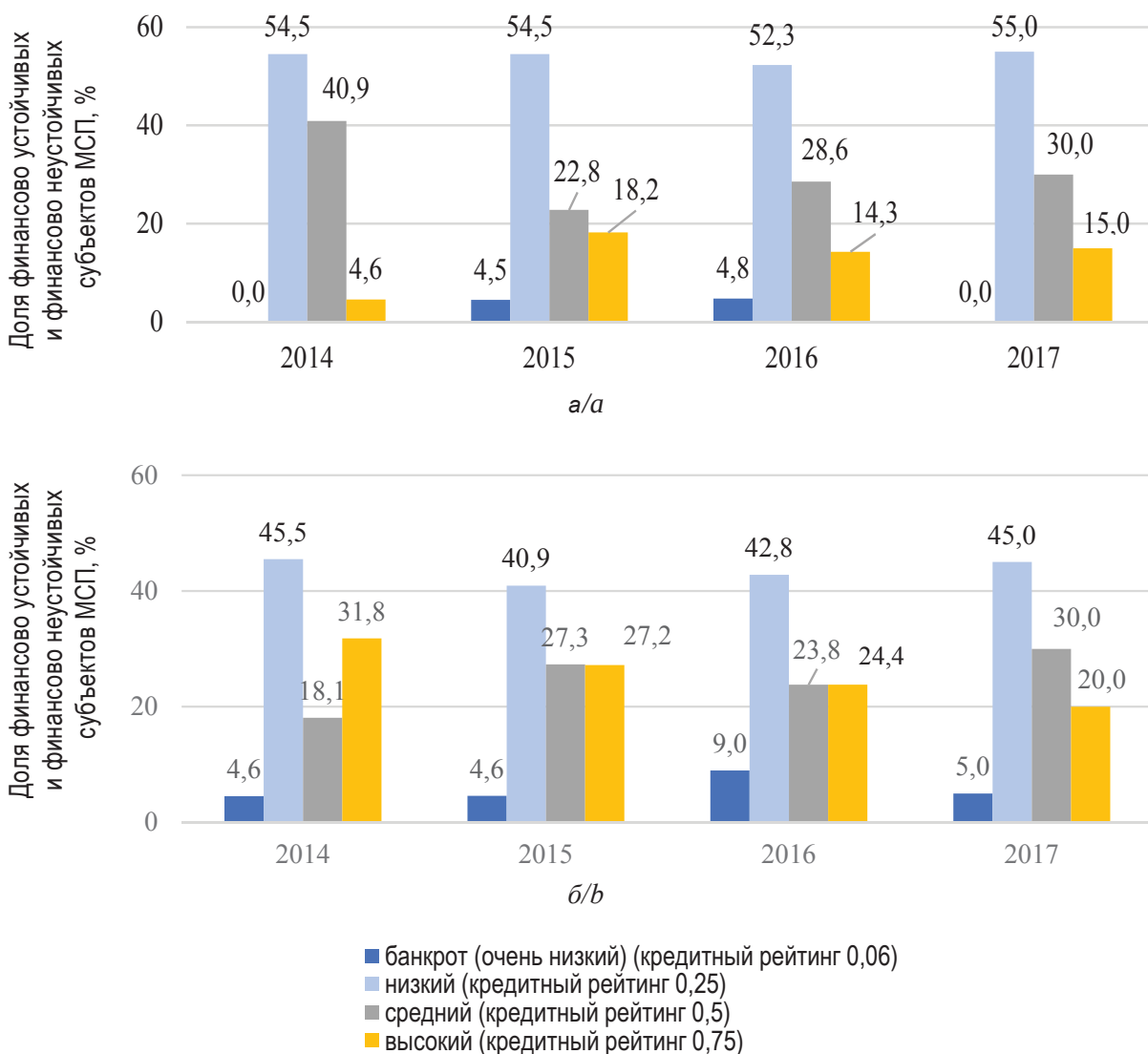

Рис. 8. Динамика изменения кредитного рейтинга сельскохозяйственных МСП (заемщиков или получателей государственной финансовой поддержки) за 2014–2017 гг.: а – с учетом качественных и количественных показателей; б – с учетом только количественных показателей, % (рассчитано в программе ЭВМ AIFin Expert) (цвет онлайн)
Fig. 8. Dynamics of changes in agricultural credit ratings SMEs (borrowers or recipients of state financial support) for 2014–2017: а – considering qualitative and quantitative indicators; б – considering only quantitative indicators, % (calculated in a computer program AIFin Expert) (color online)

Программа ЭВМ смогла корректно диагностировать уровень ФЭС для 21 сельскохозяйственного МСП (табл. 2). При этом программой ЭВМ было корректно определено банкротство ОАО «Агроинвестсоюз» и идентифицирован высокий риск банкротства для

ООО «Витязевская птицефабрика». В 2015 г. ошибочно было идентифицировано лишь предприятие – ООО «Альтернатива», программа ЭВМ не смогла выявить некредитоспособность предприятия и факт его фактического банкротства.

Таблица 2 / Table 2

Результаты диагностики кредитоспособности сельскохозяйственных МСП Краснодарского края с использованием AIFin Expert за период 2014–2017 гг. (с учетом качественно-количественных показателей (ККП) и без учета качественных показателей (КП))
Diagnostics results concerning the agricultural Krasnodar krai SMEs' creditworthiness using AIFin Expert for the period 2014–2017 (considering qualitative and quantitative indicators and without taking qualitative indicators into account)

Предприятие	2014		2015		2016		2017		Год наступления риска / Дата банкротства
	С учетом ККП	Без учета КП	С учетом ККП	Без учета КП	С учетом ККП	Без учета КП	С учетом ККП	Без учета КП	
АО АК «Михайловский перевал»	0,5	0,5	0,25	0,25	0,25	0,25	0,5	0,5	
ОАО «Георгиевское»	0,25	0,25	0,25*	0,5*	0,25	0,25	0,25	0,25	
ОАО Имени Карла Маркса	0,5*	0,75*	0,5	0,5	0,25	0,25	0,25	0,25	
ООО «Лотос»	0,5*	0,75*	0,5*	0,75*	0,5*	0,75*	0,75	0,75	
ООО «Кавказ»	0,5*	0,75*	0,5*	0,75*	0,5*	0,75*	0,5*	0,75*	
ООО «СП ИНДУСТРИАЛ-ФЕРМЕР»	0,5*	0,75*	0,75	0,75	0,75	0,75	0,75	0,75	
ООО «Выселковский рыбхоз»	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,25	0,25	
ОАО «Витязево»	0,25**	0,06**	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	Риск банкротства – 2014
ОАО «Агроинвестсоюз»	0,25*	0,5	0,25*	0,5*	0,06	0,06	–	–	21.11.2016
АО «Агро-ресурсы»	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	
АО «Россия»	0,25	0,25	0,25*	0,5*	0,25*	0,5*	0,25*	0,5*	
ООО «Родина»	0,5*	0,75*	0,75	0,75	0,5	0,5	0,75	0,75	
ООО «Золотая осень Кубани»	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	
ООО «Витязевская птицефабрика»	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25**	0,06**	0,25**	0,06**	Риск банкротства 2016–2017
АО «Агро-центр «Пшадра»»	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	
ОАО «Воронцовское»	0,5	0,5	0,5	0,5	0,75	0,75	0,5	0,5	
АО «Знамя Октября»	0,25	0,25	0,25	0,25	0,5	0,5	0,5	0,5	
АО «Колхоз «Прогресс»»	0,5*	0,75*	0,75	0,75	0,75	0,75	0,5	0,5	
АО «Нива»	0,75	0,75	0,75	0,75	0,5	0,5	0,5	0,5	
ООО «Альтернатива»	0,25	0,25	0,25***	0,25***	–	–	–	–	13.08.2015
ООО «Аргус»	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	
ООО «ДЦК»	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	

Примечание. * – выделены предприятия, на кредитный рейтинг которых оказали влияние качественные показатели; ** – предприятия, у которых корректно спрогнозирован риск банкротства; *** – выделено предприятие, для которого искусственный интеллект не смог корректно определить риск банкротства. Рассчитано в программе ЭВМ AIFin Expert.

Note. * – enterprises whose creditworthiness was influenced by qualitative indicators; ** – enterprises whose bankruptcy risk was correctly forecasted; *** – enterprise for which AI could not forecast bankruptcy risk correctly. Calculated in the computer program AIFin Expert.

Предложенный комплексный подход экспресс-диагностики ФЭС и прогнозирования уровня кредитоспособности был применен для субъектов МСП в сфере торговли, услуг, обрабатывающем производстве, сельском хозяйстве и строительстве Краснодарского края и может быть без изменений применен для МСП в других субъектах Российской Федерации. По результатам проведенного исследования для 125 МСП Краснодарского края за 2014–2017 гг. было определено, что наибольшее влияние качественных показателей на интегральный кредитный рейтинг заемщика (субъекта МСП) было свойственно предприятиям отрасли сельского хозяйства и сферы торговли Краснодарского края.

В целом результаты апробации показали, что предложенный методологический подход с достоверностью 96% позволил определить реальное финансово-экономическое состояние и построить интегральный рейтинг класса кредитоспособности субъектов МСП.

Результаты

По результатам проведения теоретического анализа и систематизации основных математических методов и моделей диагностики и прогнозирования кредитоспособности показано, что наиболее распространенными (классическими) методами, применяемыми к оценке кредитоспособности заемщиков из сферы МСП, являются модели, основанные на методах статистического анализа. Среди современных (альтернативных) методов машинного обучения широкое применение в этой области нашли искусственные нейронные сети. При этом, в отличие от классических подходов, нейросети показывают более высокую точность оценки и прогнозирования данных, что способствует повышению качества принятия управленческих решений при кредитовании МСП и кредитном скоринге заемщиков.

К новейшим методам, обладающим высокой прогностической способностью для диагностики и долгосрочного прогнозирования кредитоспособности субъектов МСП с учетом их отраслевой принадлежности и региональной специфики, можно смело отнести интеллектуальные и гибридные информационные системы, метод опорных векторов, нечеткие множественные и нечеткие продукционные системы, а также метод

«случайного леса». Их комбинация с другим позволит достичь синергетического эффекта при взаимодействии кредиторов с заемщиками из сферы МСП.

Заключение

В современных конкурентных условиях деятельность предприятий сектора МСП РФ связана с повышенными рисками, обусловленными усложнением геополитической обстановки и другими макроэкономическими факторами, что требует разработки новых системных и комплексных подходов к оценке, диагностике и прогнозированию кредитоспособности МСП, базирующихся на применении комбинирования экономического анализа и различных методов искусственного интеллекта. Проведение такой оценки невозможно без учета отраслевой и региональной специфики этих предприятий и их изменяющихся кредитных потребностей.

Список литературы

1. *Abdou H. A., Pointon J.* Credit scoring, statistical techniques, and evaluation criteria: A review of the literature // *Intelligent Systems in Accounting, Finance & Management*. 2011. № 18. P. 59–88. <https://doi.org/10.1002/isaf.325>
2. *Леоненков А. В.* Нечеткое моделирование в среде MATLAB и fuzzyTECH. СПб. : БХВ Петербург, 2005. 736 с.
3. *Арутюнян А. С., Коваленко А. В., Уртенев М. Х.* Нейросетевые технологии финансово-экономического анализа : учеб. пособие. Ч. 3. Нейросетевые технологии. Краснодар : КубГТУ, 2015. 156 с. EDN: TNMJDX
4. *Buckley J., Feuring T., Eslami E.* Fuzzy Mathematics in Economics and Engineering. Physica-Varlag. Heidelberg Physica, 2002. 272 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-7908-1795-9>
5. *Барановская Т. П., Кармазин В. Н., Уртенев М. Х., Коваленко А. В.* Современные математические методы анализа финансово-экономического состояния предприятия. Краснодар : КубГАУ, 2009. 235 с. EDN: TXJWKL
6. *Bojadziev G., Bojadziev M.* Fuzzy Logic for Business, Finance and Management. Singapore ; River Edge, NJ : World Scientific, 1997. 232 p. (Advances in Fuzzy Systems. Vol. 12). <https://doi.org/10.1142/3312>
7. *Zopoundisis C., Doumpou M.* Multi-group discrimination using multi-criteria analysis: Illustrations from the field of finance // *European Journal of Operational Research*. 2002. Vol. 139, iss. 2. P. 371–389. [https://doi.org/10.1016/s0377-2217\(01\)00360-5](https://doi.org/10.1016/s0377-2217(01)00360-5)

8. *Иванищев М. В.* Разработка нечетко-численного метода прогнозирования и обеспечения устойчивости предприятия в условиях неопределенности: дис. ... канд. экон. наук. М., 2002. 138 с.
9. *Луценко Е. В., Коваленко А. В., Печурина Е. К., Уртенев М. А. Х.* Открытая персональная интеллектуальная технология разработки и применения адаптивных методик оценки инвестиционной привлекательности и кредитоспособности предприятий // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2019. Т. 14, № 1. С. 20–50. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2019-1-20-50>, EDN: NUHJG
10. *Недосекин А. О.* Методологические основы моделирования финансовой деятельности с использованием нечетко-множественных описаний : дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2003. 302 с.
11. *Thomas L. C.* A survey of credit and behavioral scoring: Forecasting financial risk of lending to consumers // International Journal of Forecasting. 2000. Vol. 16, iss. 2. P. 149–172. [https://doi.org/10.1016/S0169-2070\(00\)00034-0](https://doi.org/10.1016/S0169-2070(00)00034-0)
12. *Маккаллоу У., Питтс В.* Логические исчисления идей, относящихся к нервной деятельности // Автоматы : сб. ст. / под ред. К. Э. Шеннона, Дж. Маккарти ; пер. с англ. под ред. А. А. Ляпунова М. : Иностранная литература, 1956. С. 363–384.
13. *Xiao-Lin L., Zhong Yu.* An Overview of Personal Credit Scoring: Techniques and Future Work // International Journal of Intelligence Science. 2012. Vol. 2. P. 181–189. <https://doi.org/10.4236/ijis.2012.224024>
14. *Ciampi F., Gordini N.* Small enterprise default prediction modeling through artificial neural networks: An empirical analysis of Italian small enterprises // Journal of Small Business Management. 2013. Vol. 51, iss. 1. P. 23–45. <https://doi.org/10.1111/j.1540-627X.2012.00376.x>
15. *Giannopoulos V., Aggelopoulos E.* Predicting SME loan delinquencies during recession using accounting data and SME characteristics: The case of Greece // Intelligent Systems in Accounting, Finance and Management. 2019. Vol. 26, iss. 2. P. 71–82. <https://doi.org/10.1002/isaf.1456>
16. *Oliveira M. D. N. T., Ferreira F. A. F., Pérez-Bustamante Ilander G. O., Jalali M. S.* Integrating cognitive mapping and MCDA for bankruptcy prediction in small-and medium-sized enterprises // Journal of the Operational Research Society. 2017. Vol. 68, iss. 9. P. 985–997. <https://doi.org/10.1057/s41274-016-0166-3>
17. *Kim H. S., Sohn S. Y.* Support vector machines for default prediction of SMEs based on technology credit // European Journal of Operational Research. 2010. Vol. 201, iss. 3. P. 838–846. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2009.03.036>
18. *Abdou H. A.* Genetic programming for credit scoring: The case of Egyptian public sector banks // Expert Systems with Applications. 2009. Vol. 36, iss. 9. P. 11402–11417. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2009.01.076>
19. *Ong C. S., Huang J. J., Tzengb G. H.* Building Credit Scoring Models Using Genetic Programming // Expert Systems with Applications. 2005. Vol. 29, no. 1, pp. 41–47. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2005.01.003>
20. *Breiman L., Friedman J., Olshen R. A., Stone C. J.* Classification and regression trees. Monterey, CA : Wadsworth & Brooks/Cole Advanced Books & Software, 1984. 358 p. <https://doi.org/10.1201/9781315139470>
21. *Lee S., Choi K., Yoo D.* Predicting the Insolvency of SMEs Using Technological Feasibility Assessment Information and Data Mining Techniques // Sustainability. 2020. Vol. 12, iss. 23. Art. 9790. <https://doi.org/10.3390/su12239790>
22. *Федорова Е. А., Мусиенко С. О., Федоров Ф. Ю.* Прогнозирование банкротства субъектов малого и среднего предпринимательства в России // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, вып. 11 (779). С. 2537–2552. <https://doi.org/10.24891/fc.24.11.2537>, EDN: YOVLZZ
23. *Brezigar-Masten A., Masten I.* CART-based selection of bankruptcy predictors for the logit model // Expert Systems with Applications. 2012. Vol. 39, iss. 11. P. 10153–10159. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2012.02.125>
24. *Zadeh L. A.* Fuzzy Sets // Information and Control. 1965. Vol. 8. P. 338–353. [https://doi.org/10.1016/S0019-9958\(65\)90241-X](https://doi.org/10.1016/S0019-9958(65)90241-X)
25. *Yazdi A. K., Hanne T., Wang Y. J., Wee H.* A Credit Rating Model in a Fuzzy Inference System Environment // Algorithms. 2019. Vol. 12, iss. 7. P. 1–15. <https://doi.org/10.3390/a12070139>
26. *Заболоцкая В. В.* Финансово-кредитное обеспечение деятельности субъектов малого предпринимательства в России и за рубежом. Краснодар : КубГУ, 2013. 207 с. EDN: UYUEZB
27. *Шевченко И. В., Кармазин А. В., Коваленко А. В.* Комплексная оценка кредитоспособности предприятия малого и среднего бизнеса с помощью нечеткой продукционной системы // Финансовая аналитика. Проблемы и решения. 2008. № 2 (2). С. 81–86. EDN: ICKFDB
28. *Ендророва В. Н., Хасянова С. Ю.* Модели анализа кредитоспособности заемщиков // Финансы и кредит. 2002. № 6 (96). С. 9–15.
29. *Balcaen S., Ooghe H.* Alternative methodologies in studies on business failure: Do they produce better results than the classical statistical methods? // Vlerick Leuven Gent Management School Working Paper Series (16). Vlerick Leuven Gent Management School, 2004, pp. 1–44.

References

1. *Abdou H. A., Pointon J.* Credit scoring, statistical techniques, and evaluation criteria: A review of the literature. *Intelligent Systems in Accounting, Finance & Management*, 2011, no. 18, pp. 59–88. <https://doi.org/10.1002/isaf.325>

2. Leonenkov A. V. *Nechetkoe modelirovanie v srede MATLAB i fuzzyTECH* [Fuzzy modeling in MATLAB and fuzzyTECH]. St. Petersburg, BHV Peterburg, 2005. 736 p. (in Russian).
3. Arutyunyan A. S., Kovalenko A. V., Urtenov M. Kh. *Neyrosetevye tekhnologii finansovo-ekonomicheskogo analiza. Ch. 3. Neyrosetevye tekhnologii* [Neural network technologies for financial and economic analysis. Part 3. Neural network technologies]. Krasnodar, Kuban State Technological University Publ., 2015. 156 p. (in Russian).
4. Buckley J., Feuring T., Eslami E. *Fuzzy Mathematics in Economics and Engineering*. Physica-Verlag, Heidelberg Physica, 2002. 272 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-7908-1795-9>
5. Baranovskaya T. P., Karmazin V. N., Utrenov M. Kh., Kovalenko A. V. *Sovremennye matematicheskie metody analiza finansovo-ekonomicheskogo sostoyaniya predpriyatiya* [Modern mathematical methods for analyzing the financial and economic state of an enterprise]. Krasnodar, KubSAU Publ., 2009. 235 p. (in Russian). EDN: TXJWKL
6. Bojadziev G., Bojadziev M. *Fuzzy Logic for Business, Finance and Management*. Advances in fuzzy systems. Vol. 12. Singapore, River Edge, NJ, World Scientific, 1997. 232 p. <https://doi.org/10.1142/3312>
7. Zopoundisis C., Doumpos M. Multi-group discrimination using multi-criteria analysis: Illustrations from the field of finance. *European Journal of Operational Research*, 2002, vol. 139, iss. 2, pp. 371–389. [https://doi.org/10.1016/S0377-2217\(01\)00360-5](https://doi.org/10.1016/S0377-2217(01)00360-5)
8. Ivanishchev M. V. *Development of a fuzzy-numerical method for forecasting and ensuring enterprise sustainability under conditions of uncertainty*. Diss. Cand. Sci. (Econ.). Moscow, 2002. 138 p. (in Russian).
9. Lutsenko E. V., Kovalenko A. V., Pechurina E. K., Urtenov M. A. H. Open personal intellectual technology for development and application of adaptive methods of assessment of investment attractiveness and creditworthiness of enterprises. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika* [Perm University Herald. Economy], 2019, vol. 14, no. 1, pp. 20–50 (in Russian). <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2019-1-20-50>, EDN: NUHIJG
10. Nedosekin A. O. *Methodological basis for modeling financial activities using fuzzy set descriptions*. Diss. Dr. Sci. (Econ.). St. Petersburg, 2003. 302 p. (in Russian).
11. Thomas L. C. A survey of credit and behavioral scoring: Forecasting Financial risk of lending to consumers. *International Journal of Forecasting*, 2000, vol. 16, iss. 2, pp. 149–172. [https://doi.org/10.1016/S0169-2070\(00\)00034-0](https://doi.org/10.1016/S0169-2070(00)00034-0)
12. McCulloch W. S., Pitts W. A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity. In: Shannon C. E., McCarthy J. (eds.) *Automata studies*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1956. (Russ. ed.: Moscow, Ill, 1956, pp. 363–384).
13. Xiao-Lin L., Zhong Yu. An overview of personal credit scoring: Techniques and future work. *International Journal of Intelligence Science*, 2012, vol. 2, pp. 181–189. <https://doi.org/10.4236/ijis.2012.224024>
14. Ciampi F., Gordini N. Small enterprise default prediction modeling through artificial neural networks: An empirical analysis of Italian small enterprises. *Journal of Small Business Management*, 2013, vol. 51, iss. 1, pp. 23–45. <https://doi.org/10.1111/j.1540-627X.2012.00376.x>
15. Giannopoulos V., Aggelopoulos E. Predicting SME loan delinquencies during recession using accounting data and SME characteristics: The case of Greece. *Intelligent Systems in Accounting, Finance and Management*, 2019, vol. 26, iss. 2, pp. 71–82. <https://doi.org/10.1002/isaf.1456>
16. Oliveira M. D. N. T., Ferreira F. A. F., Pérez-Bustamante Ilander G. O., Jalali M. S. Integrating cognitive mapping and MCDA for bankruptcy prediction in small-and medium-sized enterprises. *Journal of the Operational Research Society*, 2017, vol. 68, iss. 9, pp. 985–997. <https://doi.org/10.1057/s41274-016-0166-3>
17. Kim H. S., Sohn S. Y. Support vector machines for default prediction of SMEs based on technology credit. *European Journal of Operational Research*, 2010, vol. 201, iss. 3, pp. 838–846. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2009.03.036>
18. Abdou H. A. Genetic programming for credit scoring: The case of Egyptian public sector banks. *Expert Systems with Applications*, 2009, vol. 36, iss. 9, pp. 11402–11417. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2009.01.076>
19. Ong C. S. Huang J. J., Tzeng G. H. Building Credit Scoring Models Using Genetic Programming. *Expert Systems with Applications*, 2005, vol. 29, iss. 1, pp. 41–47. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2005.01.003>
20. Breiman L., Friedman J., Olshen R. A., Stone C. J. *Classification and regression trees*. Monterey, CA, Wadsworth & Brooks / Cole Advanced Books & Software, 1984. 358 p. <https://doi.org/10.1201/9781315139470>
21. Lee S., Choi K., Yoo D. Predicting the Insolvency of SMEs Using Technological Feasibility Assessment Information and Data Mining Techniques. *Sustainability*, 2020, vol. 12, iss. 23, art. 9790. <https://doi.org/10.3390/su12239790>
22. Fedorova E. A., Musienko S. O., Fedorov F. Yu. Prediction of bankruptcy of small and medium-sized business entities in Russia. *Finance & Credit*, 2018, vol. 24, iss. 11 (779), pp. 2537–2552 (in Russian). <https://doi.org/10.24891/fc.24.11.2537>, EDN: YOVLZZ
23. Brezigar-Masten A., Masten I. CART-based selection of bankruptcy predictors for the logit model. *Expert Systems with Applications*, 2012, vol. 39, iss. 11, pp. 10153–10159. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2012.02.125>
24. Zadeh L. A. Fuzzy Sets. *Information and Control*, 1965, vol. 8, pp. 338–353. [http://dx.doi.org/10.1016/S0019-9958\(65\)90241-X](http://dx.doi.org/10.1016/S0019-9958(65)90241-X)

25. Yazdi A. K., Hanne T., Wang Y. J., Wee H. A Credit Rating Model in a Fuzzy Inference System Environment. *Algorithms*, 2019, vol. 12, iss. 7, pp. 1–15. <https://doi.org/10.3390/a12070139>
26. Zabolotskaya V. V. *Finansovo-kreditnoe obespechenie deyatel'nosti sub'ektov malogo predprinimatel'stva v Rossii i za rubezhom* [Financial and credit support for the activities of small businesses in Russia and abroad]. Krasnodar, Kuban State Technological University Publ., 2013. 207 p. (in Russian). EDN: UYUEZB
27. Shevchenko I. V., Karmazin A. V., Kovalenko A. V. Assessing the creditworthiness of a small and medium-sized business using a fuzzy production system. *Financial Analytics. Problems and Solutions*, 2008, no. 2 (2), pp. 81–86. EDN: ICKFDB
28. Endronova V. N., Khasyanova. S. Yu. Models for analyzing the creditworthiness of borrowers. *Finance & Credit*, 2002, no. 6 (96), pp. 9–15 (in Russian).
29. Balcaen S., Ooghe H. Alternative methodologies in studies on business failure: Do they produce better results than the classic statistical methods? *Vlerick Leuven Gent Management School Working Paper Series* (16). Vlerick Leuven Gent Management School, 2004, pp. 1–44.

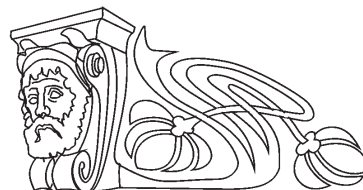
Поступила в редакцию 07.05.2024; одобрена после рецензирования 08.06.2024;
принята к публикации 10.06.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 07.05.2024; approved after reviewing 08.06.2024;
accepted for publication 10.06.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 312–321
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 312–321
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-312-321>, EDN: RTMVFХ

Научная статья
УДК 330.341:338.246.2:338.45.01

Институционально-технологические факторы в промышленном развитии России

И. Н. Ткаченко , В. Ж. Дубровский, Е. Н. Стариков

Уральский государственный экономический университет, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой корпоративной экономики и управления бизнесом, tkachenko@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0996-0684>

Дубровский Валерий Жоресович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятий, dubr@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1047-1952>

Стариков Евгений Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой шахматного искусства и компьютерной математики, starik1705@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3465-7233>

Аннотация. Введение. Статья посвящена рассмотрению методологических вопросов влияния технологий и институтов на процессы технологического развития и структурной модернизации промышленного комплекса, а также разработке управленческого инструментария поддержки технологического развития промышленности на основе концепции институционально-технологической матрицы промышленной политики. **Теоретический анализ.** В настоящее время общепризнанно, что структурные изменения промышленности являются одной из основных характеристик экономического роста страны. При этом основными источниками структурных преобразований промышленности являются институциональная среда и технологический прогресс. На современном этапе развития основным трендом технологического развития выступают технологии IV промышленной революции, среди которых большие данные, облачные вычисления, коммуникации и искусственный интеллект. Данные технологии определяют такой тренд современного промышленного развития, как переход с отраслевой иерархии промышленного комплекса в сторону технологической структуры. **Эмпирический анализ.** Учитывая значимую роль технологического фактора в модернизации промышленности, авторами предложена типологизация технологий в сложных промышленно-технологических системах, опирающаяся на подход коэволюции технологий или эволюцию взаимных адаптаций технологий в сложной технологической системе *S*. **Результаты.** Проведенный анализ и разработанная авторами типологизация современных технологий позволили сформировать концептуальное видение институционально-технологической матрицы промышленной политики, позволяющей управлять процессами технологического развития промышленности на основе учета особенностей институциональной среды, в которой функционирует конкретный производственный комплекс.

Ключевые слова: промышленность, институты, технологии, технологическое развитие, типологизация технологий, промышленно-технологические системы, промышленная политика, институционально-технологическая матрица

Для цитирования: Ткаченко И. Н., Дубровский В. Ж., Стариков Е. Н. Институционально-технологические факторы в промышленном развитии России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 312–321. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-312-321>, EDN: RTMVFХ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Institutional and technological factors in Russian industrial development

I. N. Tkachenko , V. Zh. Dubrovsky, Ye. N. Starikov

Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg 620144, Russia

Irina N. Tkachenko, tkachenko@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0996-0684>

Valery Zh. Dubrovsky, dubr@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1047-1952>

Yevgeniy N. Starikov, starik1705@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3465-7233>

Abstract. Introduction. This article is devoted to the consideration of methodological issues of the influence of technologies and institutions on the processes of technological development and structural modernization of the industrial complex, and also to the development of management tools aimed at supporting the technological development of industry based on the concept of the institutional-technological matrix of industrial policy. **Theoretical analysis.** It is now recognized that structural changes in industry are one of the main characteristics of a country's economic growth. At the same time, the main sources of structural transformations in industry are the institutional environment and technological progress. At the present stage of development, the main trend in technological development is the technologies of the IV industrial revolution, includ-

ing big data, cloud computing, communications and artificial intelligence. These technologies predetermine such a trend of modern industrial development as a transition from the sectoral hierarchy of the industrial complex towards the technological one. **Empirical analysis.** Taking into account the significant role of the technological factor in industrial modernization, the authors proposed a typology of technologies in complex industrial-technological systems, based on the approach of co-evolution of technologies or the evolution of mutual adaptation of technologies in a complex technological system S. **Results.** The analysis carried out and the typology of modern technologies developed by the authors made it possible to form a conceptual vision of the institutional-technological matrix of industrial policy, which makes it possible to manage the technological development processes of industry based on taking into account the characteristics of the institutional environment in which a specific production complex operates.

Keywords: industry, institutions, technology, technological development, typology of technologies, industrial-technological systems, industrial policy, institutional-technological matrix

For citation: Tkachenko I. N., Dubrovsky V. Zh., Starikov Ye. N. Institutional and technological factors in Russian industrial development. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 312–321 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-312-321>, EDN: RTMVFX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Рассматривая промышленный комплекс нашей страны на современном этапе развития, следует отметить его структурную сложность, низкую сбалансированность, динамическую неустойчивость и высокую чувствительность к факторам, негативно влияющим на экономическую безопасность государства. Помимо этого, необходимо отметить, что его структура является слабо восприимчивой к мировым экологическим и цифровым стандартам.

Развитие позитивных структурных преобразований в промышленном комплексе России тормозится ввиду отсутствия институционального обеспечения, надлежащим образом стимулирующего структурную и технологическую модернизацию промышленности. Наряду с этим в последние десятилетия сформировалась отчетливая тенденция преимущественного кредитования сферы потребления и сектора услуг в ущерб производственному сектору и диспропорции между развитием реального сектора экономики и финансово-кредитной сферой [1]. Вследствие этого был нарушен баланс между темпами роста финансовых и производственных активов и развитием реального сектора экономики, что негативно отражается на процессах стабилизации производства и структурно-технологической перестройки промышленного сектора [2].

В промышленности России сегодня сформировались определенные диспропорции, в частности, между:

- потребностью снижения избыточного налогообложения и необходимостью наполнения государственного бюджета;
- потребностью обновления основных фондов, проведением технологической модер-

низации производства и структурных преобразований и существующими финансовыми ограничениями;

- диспропорциями в товарной структуре выпуска продукции производственного назначения и конечного потребительского спроса;

- незначительным удельным весом наукоемких отраслей и машиностроительных производств на фоне высокой доли металлургии, химической индустрии и добывающего сектора;

- объективной необходимостью увеличения заработной платы и низкой рентабельностью производства наряду с низким уровнем производительности труда.

Обозначенные выше обстоятельства обуславливают необходимость осуществления технологических и структурных преобразований промышленности России. В этой связи, а также учитывая геополитическую неопределенность, ускорение технологических преобразований в мировой экономике в целом и масштабность антироссийских санкций, вопрос выработки новых подходов промышленного и технологического развития нашей страны встает сегодня очень остро [3].

Кроме того, актуальность формирования новой повестки технологического развития, опирающейся на принципиально иные подходы, сегодня существенно возрастает вследствие появления такой национальной цели развития Российской Федерации, как технологическое лидерство, достижение которой предполагает решение ряда амбициозных задач, в числе которых, в частности [4]:

- увеличение к 2030 г. доли отечественных высокотехнологичных товаров и услуг, созданных на основе собственных линий разработки, в 1,5 раза по сравнению с уровнем 2023 г.;

– обеспечение технологической независимости и формирование новых рынков по таким направлениям, как биоэкономика, сбережение здоровья граждан, продовольственная безопасность, беспилотные авиационные системы, средства производства и автоматизации, транспортная мобильность (включая автономные транспортные средства), экономика данных и цифровая трансформация, искусственный интеллект, новые материалы и химия, перспективные космические технологии и сервисы, новые энергетические технологии (в том числе атомные).

Таким образом, в долгосрочной перспективе наиболее важным проявлением такой многоаспектной повестки перспективного технологического развития нашей страны будет являться сдвиг с отраслевой иерархии промышленного комплекса в сторону технологической структуры. В связи с этим в настоящее время на первый план выходят вопросы поиска и научного обоснования источников технологического преобразования промышленного сектора [5] и выработки эффективных механизмов управления данными процессами. Определенный вклад в решение обозначенной проблематики предлагается авторами в данной статье.

Теоретический анализ

В настоящее время признано, что структурные преобразования промышленного сектора страны являются одной из ключевых характеристик экономического роста [6]. Традиционно, в долгосрочной перспективе, трансформации промышленного комплекса, происходящие под влиянием научно-технического прогресса, понимаются как длительный процесс перераспределения экономической деятельности между тремя основными секторами – сельским хозяйством, обрабатывающей промышленностью и сферой услуг [7]. В то же время современные исследования убедительно доказывают тот факт, что производственная неоднородность технологических возможностей обеспечивает фундаментальную связь между структурными изменениями, НТП и совокупным экономическим ростом, поскольку подразумевает, что общая архитектура последнего будет определяться в основном изменениями в отраслевой структуре выпуска [8]. При этом важным является учет особенностей и уровня развития институциональной среды, которая способствует повышению результативности промышленного развития и влияет на технологичность промышленного производства.

В истории развития общества уже неоднократно наблюдалось, что очередной виток НТР и трансформация промышленности представляют собой взаимосвязанные события, вследствие которых структура промышленного производства быстро эволюционирует и приобретает новые черты. На современном этапе наиболее заметной из таких новых черт, оказывающих значительное влияние на эволюцию промышленности, является активное развитие цифрового сектора. При этом необходимо принимать во внимание тот факт, что по самой своей природе технологические революции весьма разрушительны. И, соответственно, многие преимущества возникают не только как результат внедрения технологий, но и благодаря адаптации к ним.

Согласно теории промышленной структуры модернизация промышленного сектора представляет собой взаимосвязанный процесс, когда исходные элементы или ресурсы перемещаются из традиционных отраслей с более низкой эффективностью распределения в наукоемкие или высокотехнологичные отрасли с более высокой эффективностью распределения или же переходят из отраслей с низкой добавленной стоимостью в отрасли с высокой добавленной стоимостью [9]. При этом необходимо понимать, что реализация радикальных технологических прорывов и возникновение соответствующих им новых промышленных секторов происходит только при поддержке серьезных институциональных трансформаций. Передовые технологии обычно способствуют и требуют изменений в организации фирм, рыночном механизме, системе образования, политической структуре и т.д. Прямая взаимосвязь между уровнем технологического развития и качеством институциональной среды отмечается многими авторами [5, 10].

История развития мировой промышленности свидетельствует о том, что все множество институциональных источников модернизации промышленного сектора можно рассматривать в рамках двух широких категорий, а именно через государственное вмешательство и через воздействие внешних шоков. Среди внешних шоков можно выделить войны, экономические и финансовые кризисы, стихийные бедствия, промышленные революции, смену технологических укладов и т.п. Государственное вмешательство предполагает намеренное создание или, наоборот, разрушение отдельных сегментов, секторов или целых отраслей промышленности с использованием как рыночных, так и нерыночных методов и инструментов со стороны государства.

И здесь в качестве позитивного примера государственного вмешательства, обеспечившего прогрессивную модернизацию промышленности, можно привести опыт развития индустрии в Европе в XIX и XX вв. и в Восточной Азии во второй половине XX и начале XXI в.

При этом обратим внимание на тот факт, что структура институтов, их способ воздействия на развитие промышленного комплекса и ожидаемый результат являются одними из наиболее дискуссионных вопросов как в экономической теории, так и в хозяйственной практике.

Так, например, Wadid Lamine и Alistair Anderson считают, что государство – это «институт всех институтов», его роль является главной и определяющей в любых структурных изменениях и росте [11]. В целом данная точка зрения является достаточно распространенной. Однако такая позиция идет вразрез с распространенным нелиберальным подходом, который опирается на свободные рынки и отводит государству роль общего регулятора процессов. Критику государственных институтов обосновывают, например, Mario Kafourgos и Murod Aliyev, которые делают акцент на том, что такие институты, как права собственности и деньги, максимизируют обмен в конкретной экономической структуре. При этом, хотя права собственности оказывают нетривиальное влияние на производство, они используются в основном для облегчения извлечения прибыли, генерируемой предприятиями, а не для технологической модернизации и изменения структуры промышленного сектора [12].

Ряд отечественных исследователей [13–16] выделяют составляющие институциональной среды промышленной политики, объединяя при этом государственные и рыночные институты, такие как:

- уполномоченные государственные учреждения и организации;
- правовая система;
- финансовый рынок;
- условия и правила ведения международной торговли.

С другой стороны, стремительное появление новых технологий, таких как, например, большие данные, облачные вычисления, коммуникации и искусственный интеллект, не только стимулирует масштабные изменения в деятельности отдельных предприятий или секторов, но и оказывает влияние на структуру промышленного сектора в целом. Так, передовые промышленные компании, внедряющие новые технологии, выявляют потенциальные возможности для роста,

трансформируются и пытаются выйти на новые уровни своего развития. В свою очередь, в более инертных отраслях также начинают внедрять новые технологии для повышения эффективности и производительности различных хозяйственных процессов. Это подтверждает идею о том, что каждое предприятие в той или иной форме становится технологическим и его принадлежность к тому или иному сектору определяется уже не только характером выпускаемой продукции, но и особенностями, а также глубиной используемых технологий.

В настоящее время очевидным является тот факт, что по отдельности ни одно промышленное предприятие не может соперничать с программным обеспечением и ИТ-возможностями таких технологических гигантов, как Amazon или Alibaba. Однако интегрируясь в отрасль этих технологических компаний, включающей других игроков промышленного рынка, а именно тех, кто обслуживает аналогичную клиентскую базу и чьи предложения дополняют друг друга, любое промышленное предприятие может противостоять новой волне технологической конкуренции, развивая потенциал инновационных предложений по послепродажному обслуживанию и сервису. Такой альянс представителей традиционных индустриальных отраслей и технологических лидеров составляет основу новой структуры современного промышленного производства. Очевидно, что в данном контексте актуализируется вопрос четкой идентификации технологий, их системной группировки, качеств и возможностей конвергенции, что позволит сформировать более полное представление о перспективах развития промышленного сектора в условиях проходящего в настоящее время цифрового перехода.

Эмпирический анализ

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что в целом современные результаты НТП формируют сложные комплексы, состоящие из инклюзивных и взаимосвязанных систем и подсистем технологий. Иными словами, технологии могут функционировать в нишах других технологий на основе коэволюции технологических систем, поддерживая и развивая эволюцию взаимных адаптаций технологий в сложной системе S. При этом такое взаимодействие технологий является важным параметром для определения достижений технологического развития.

В качестве модели (в минимальном пределе) можно рассматривать только две взаимодействующие технологии (T_1 и T_2) в технологической системе $S(T_1, T_2)$. Но в принципе такой тривиальный подход может масштабироваться и на сложные многокомпонентные технологические системы S

($T_1, T_2, \dots, T_i, \dots, T_N$), состоящие из многих технологических подсистем и отдельных технологий.

В таблице представлена разработанная авторами типологизация взаимодействия современных технологий в сложных промышленно-технологических системах.

Типологизация взаимодействия современных технологий в сложных промышленно-технологических системах

Table. Modern technologies interaction typology in complex industrial and technological systems

Тип технологии / Тип взаимодействия	Пример
<p>Технологический индивидуализм предполагает такой характер взаимодействия между технологиями T_1 и T_2 в технологической системе $S(T_1, T_2)$, при которых одна из них получает стимулы для прогрессивного развития или получает выгоду от данного взаимодействия, в то время как другая таких стимулов не имеет или вообще деградирует в рамках взаимодействия. В такой системе взаимодействие между технологиями T_1 и T_2 в математических символах обозначается (+, -), что показывает выгоды или, наоборот, ущерб (положительное или отрицательное влияние) для развития технологий от сложившегося в системе взаимодействия</p>	<p>Взаимодействие наушников, колонок, программных приложений и т.д. с базовым электронным устройством, без которого данные технологии не востребованы и нефункциональны, в то время как в рамках технологического взаимодействия в системе с базовым устройством они получают стимулы для улучшения и прогрессивного развития. В рамках технологического индивидуализма одна из технологий (базовая, или «технология-хозяин») уменьшает свою энергию, например электрическую энергию батареи, от использования наушников</p>
<p>Технологический комменсализм отражает такой формат взаимодействия между технологиями, при которых одна из них получает выгоду для своего развития (+) без влияния на другую (0). При этом «0» означает отсутствие как выгод, так и ущерба для развития технологии от взаимодействия. Комменсальное взаимодействие часто возникает в технологических системах, включающих ведущую или основную технологию и ведомую, более мелкую, зависимую или комменсальную технологию. Ведущая или основная технология не изменяется от этого взаимодействия, в то время как комменсальные, как правило, демонстрируют хорошую структурную адаптацию к взаимодействию в рамках технологической системы $S(T_1, T_2)$</p>	<p>Примером в данном случае может служить подключение одного мобильного устройства к большой сети Wi-Fi, присоединение электроприбора к национальной электросети, использование отдельным пользователем общей облачной архитектуры</p>
<p>Технологический мутуализм (взаимность) – это такое взаимодействие технологий, когда каждая из них получает преимущества от функционирования другой. В этом случае взаимодействие между T_1 и T_2 в системе $S(T_1, T_2)$ обозначается символами (+, +)</p>	<p>В качестве примеров взаимности технологий можно рассматривать функционирование HD-дисплея и мобильного устройства, БПЛА и оператора, дистанционно управляющего его работой, и т.п.</p>
<p>Технологический симбиоз (дополняемость) подразумевает не просто взаимодействие технологий T_1 и T_2 в системе $S(T_1, T_2)$ и выполнение ими каких-то отдельных функций, а их долгосрочное, совместное, прогрессивное развитие вместе с технологической системой $S(T_1, T_2)$, которая в свою очередь тоже совершенствуется. В результате взаимодействия симбиотических технологий генерируются непрерывные и взаимные выгоды как для отдельных технологий, так и для всей технологической системы в целом. И как следствие, происходит коэволюция сложных технологических систем, в которых функционируют и адаптируются разные технологии. Взаимодействие между T_1 и T_2 в этом случае обозначается (++, ++)</p>	<p>Симбиотические технологии – это, например, взаимодействие между Bluetooth и мобильными устройствами, в результате которого совершенствуются обе технологии. При этом улучшаются технические характеристики и повышается эффективность функционирования технологической системы в целом, что выражается в повышении скорости передачи данных, снижении энергопотребления и оптимизации других параметров. Наблюдаемая сегодня эволюция технологии Bluetooth связана с разработкой новых поколений мобильных устройств, что повышает качество взаимодействия с другими технологиями и улучшает технические и потребительские характеристики сложных технологических систем</p>

Сост. по: [17–19] / Compiled according to [17–19].

Характеризуя представленную в таблице типологизацию современных технологий, необходимо акцентировать внимание на том, что в целом предложенные авторами понятия не устанавливают однозначных и четких границ между конкретными технологиями или их типами, а только отражают характер их взаимодействия. В то же время каждое выделенное соотношение представляет собой определенный этап эволюционного развития современных технологий в сложной промышленно-технологической системе и соответствующих данным технологиям трансформаций индустриального комплекса страны.

Как уже отмечалось, современные трансформации промышленности обусловлены процессами цифровой модернизации. Постоянно ускоряющийся научно-технический прогресс, цифровые технологические новации и регулярные научно-технологические вызовы ставят перед промышленным сектором принципиально новые задачи, связанные с качеством продукции, повышением операционной эффективности, ценообразованием, ускорением темпов роста, повышением адаптивности и пр. [20]. В технологическом аспекте ответом промышленности на эти вызовы стала разработка и внедрение передовых производственных технологий (ППТ), обеспечивающих «цифровой переход» (digital transfer). Такие технологии появляются в результате длительных и дорогостоящих научных исследований и трансфера инноваций как итог сложнейших научных разработок и инженерных решений, аккумулирующих интеллектуальный труд тысяч людей [21].

ППТ сегодня достаточно активно внедряются в российском машиностроении. В качестве примера можно привести технологию цифровых двойников или виртуальных копий физических процессов или продуктов, цифровые модели которых позволяют производителям моделировать, анализировать и контролировать производственные системы в режиме реального времени. При этом данная технология представляет собой технологический симбиоз.

Примером технологического мутуализма (технологической взаимности) в числе внедряемых ППТ может служить роботизация, когда в составе производственной линии функционируют роботы, управляемые через Wi-Fi или радиосвязь (посредством антенн). Важно отметить, что сегодня в качестве одной из новых национальных целей определено вхождение

нашей страны к 2030 г. в число 25 ведущих стран мира по показателю плотности роботизации [4].

Технологический комменсализм в промышленности связан с внедрением технологии облачных вычислений, когда к облачным хранилищам подключают базы производственных данных, промышленный интернет вещей, информационные складские системы, счетчики качества и маркировщики времени готовой продукции. При этом все технологические процессы повышают эффективность или получают пользу от агрегирования данных, требующих большого объема памяти и вычислительной мощности, а облачные вычисления не теряют своей ценности поскольку подключаемые к ним технологии не влияют на их технологический потенциал и значимость.

Технологический индивидуализм также достаточно широко представлен среди ППТ современной промышленности. Это, в частности, технологии числового программного управления (ЧПУ) производственным оборудованием. Так, станок, оснащенный ЧПУ, в обслуживании становится более дорогим, чем его традиционный аналог.

Результаты

Итак, резюмируя полученные результаты, необходимо отметить, что, по мнению авторов, институты играют ключевую роль в числе основных детерминант, предопределяющих смену приоритетов развития промышленного производства с отраслевой структуры на технологическую. Однако зачастую содержательная сущность институциональной концепции чрезмерно упрощается или в ее рамках игнорируются отдельные чувствительные аспекты, что в конечном итоге негативно влияет на жизнеспособность всей системы институтов и прогресс развития производства. Так, например, рассмотрение институционального влияния на процесс технологического развития часто ограничивается формальным сегментом, в то время как в большинстве случаев неблагоприятное воздействие неформальных институтов игнорируется. Следовательно, усилия по развитию институтов для обеспечения промышленного развития на современной технологической основе зачастую приводят к разработке и реализации мероприятий, которые не всегда могут адекватно реагировать на базовые факторы, определяющие соответствие производственного сектора достигнутому уровню научно-технического прогресса.

В качестве примера можно привести достаточно тривиальные меры институциональной поддержки технологического развития отечественной промышленности, предусмотренные Сводной стратегией развития обрабатывающей промышленности России, в числе которых [22]:

- механизм специального инвестиционного контракта (СПИК);
- стимулирование локализации обрабатывающих производств на территории страны;
- имиджевая поддержка высокотехнологичного экспорта обрабатывающей промышленности России за рубежом;
- совершенствование регуляторной политики в сфере технологий и технологической модернизации промышленного производства;
- совершенствование механизмов защиты прав собственности;
- разработка экспериментальных правовых режимов функционирования обрабатывающих высокотехнологичных производств;
- разработка регулятивной политики и нормативно-правовой базы в сфере промышленного использования цифровых технологий;
- трансформация делового климата;
- развитие нормативно-правовых механизмов стимулирования развития инжиниринга в качестве канала международного трансфера технологий.

Безусловно, реализация данных мер дает определенный положительный эффект в решении вопросов технологического развития

промышленности России. Однако в целом результаты их реализации неоднозначны, что подтверждается и рядом публикаций авторов [23, 24].

Для решения обозначенной проблемы эффективным инструментом, по мнению авторов, является концепция институциональной матрицы, разработанная С. Г. Кирдиной-Чэндлер и опирающаяся на понятие базового института [25]. Полагаем, что в терминах данной концепции возможно посредством сочетания доминирующих и дополняющих друг друга базовых институтов и выделенных авторами типов технологий (типов технологического взаимодействия) выделить перспективные направления поддержки технологического развития и модернизации промышленности, а также объяснить различия, наблюдаемые в значимости отдельных базовых институтов, способствующих технологическому прогрессу в развитии промышленности страны.

Принимая во внимание предложенные выше подходы к типологизации технологий и выделяя ключевые базовые институты, оказывающие влияние на параметры технологического развития и модернизации промышленности, представляем концептуальное видение структуры институционально-технологической матрицы промышленной политики, предназначенной для поддержки управления процессами технологического развития и модернизации промышленного комплекса (рисунок).

Институты	Технологии			
	индивидуальные	комменсальные	взаимные	симбиотические
Экономические	●	✓	✓	✓
Социальные	✓	✓	✓	●
Культура	✓	✓	● / ●	● / ●
Экологические	●	●	✓	✓
Коррупция	●	●	●	●
Бюрократические процедуры	●	●	✓ / ●	✓ / ●
Неформальные правила	✓	✓	✓ / ●	✓ / ●
Исторический опыт	✓	✓	✓ / ●	✓ / ●

✓	Положительное влияние
●	Не имеет значение
●	Отрицательное влияние

Концепция институционально-технологической матрицы промышленной политики (цвет онлайн)
Figure. The concept of the institutional-technological matrix of industrial policy (color online)

Наличие двух индикаторов в ячейке означает двойственное влияние, которое зависит от сложившейся ситуации, прогресса в экономике и общего вектора развития общества. Так, например, исторический опыт промышленно отсталых стран может препятствовать внедрению новых технологий по причине отсутствия культуры инноваций, в том случае если государственная политика нацелена на консервацию текущего технологического уклада. Либо же, наоборот, если общество стремится к развитию, то негативный исторический опыт будет стимулировать и поощрять широкое использование достижений научно-технического прогресса. Кроме того, двойственное влияние является индикатором тех проблемных зон и спектров взаимодействия, где могут возникать потенциальные синергетические эффекты и компромиссы между воздействием институтов и технологическими достижениями.

Очевидно, что предложенная авторами концептуализация институционально-технологической матрицы промышленной политики не является абсолютно статичным форматом. Она, безусловно, подлежит обсуждению и корректировкам в зависимости от особенностей конкретной производственной системы, институциональной среды, внешнего окружения и других значимых детерминант.

Однако, несмотря на дискуссионность выдвинутых положений, можно выделить ряд очевидных положительных аспектов использования данной матрицы в практике производственно-хозяйственной деятельности, среди которых следующие:

– данная матрица позволит участникам промышленной деятельности контекстуализировать технологические аспекты и совместно рассматривать институциональные и управленческие перспективы развития, что имеет решающее значение для разработки и практической реализации промышленной политики;

– в процессе составления и проработки конкретной матрицы благодаря использованию отраслевых экспертных знаний могут быть выявлены новые взаимосвязи и зависимости, не очевидные изначально;

– благодаря сопоставлению существующей институциональной структуры с практикой работы отдельных индустриальных комплексов конкретная матрица сможет способствовать углубленному пониманию межсекторальных проблем и перспектив развития промышленного сектора;

– при создании конкретной матрицы на основе предложенного подхода представляется возможным обеспечить составление коллективных планов действий в интересах всех стейкхолдеров технологического развития промышленности.

Список литературы

1. Боякова К. Н. Политика регулирования цифровой трансформации промышленности в России // Бизнес. Общество. Власть. 2022. № 44–45. С. 126–140. EDN: TJCJBV
2. Смирнов С. А. Современная промышленная политика в Российской Федерации и ключевые направления ее трансформации // Инновационная наука. 2022. № 12, ч. 1. С. 80–85. EDN: ASIDHR
3. Романова О. А., Сиротин Д. В., Пономарева А. О. От экономики сопротивления – к резильентной экономике (на примере промышленного региона) // AlterEconomics. 2022. Т. 19, № 4. С. 620–637. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.4>
4. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. Доступ из прав.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Сухарев О. С. Индустриализация 4.0 и модели технологического развития для преодоления эффекта «2Д» // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 4–23. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-1-4-23>
6. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М. : Дело АНХ, 2011. 232 с. (Современная институционально-эволюционная теория).
7. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М. : ВладДар, 1993. 310 с.
8. *Sehrish Atif*. Analysing the alignment between circular economy and industry 4.0 nexus with industry 5.0 era: An integrative systematic literature review // Sustainable Development. 2023. Vol. 31, iss. 4. P. 112–119. <https://doi.org/10.1002/sd.2542>
9. *Awan U., Sroufe R.* Industry 4.0 and the circular economy: A literature review and recommendations for future research // Business Strategy and the Environment. 2021. Vol. 30, iss. 4. P. 2028–2060. <https://doi.org/10.1002/bse.2731>
10. Донцова О. И., Абдикеев Н. М., Зотов В. М. Институциональная поддержка высокотехнологичных секторов обрабатывающей промышленности // Управленческие науки. 2021. Т. 11, № 4. С. 40–54. <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2021-11-4-40-54>
11. *Lamine W., Anderson A., Jack S. L., Fayolle A.* Entrepreneurial space and the freedom for entrepreneurship: Institutional settings, policy, and action in the space industry // Strategic Entrepreneurship Journal. 2021. Vol. 15, iss. 2. P. 309–340 <https://doi.org/10.1002/sej.1392>

12. Kafourous M., Aliyev M., Piperopoulos P., Au A. K. M., Ho J. W. Y., Wong S. Y. N. The role of institutional quality and industry dynamism in explaining firm performance in emerging economies // *Global Strategy Journal Early View*. 2023. Vol. 14, iss. 1. P. 56–83. <https://doi.org/10.1002/sej.1392>
13. Кошкин А. П., Нечаев Д. Н. Реиндустриализация и новая индустриализация: институт индустриальных парков в реализации государственной промышленной политики в российских регионах (на примере областей ЦФО) // *Плехановский научный бюллетень*. 2022. № 1 (21). С. 146–154. EDN: ELENPX
14. Путинцева Н. А., Ушакова Е. В. О деятельности основных групп кластеров в России как ключевого инструмента реализации политики импортозамещения и инновационной политики // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26, № 9 (179). С. 940–951. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-9-940-951>
15. Костырев А. П. Оценка результатов реализации промышленной политики на основе многоуровневого подхода // *Финансовая экономика*. 2020. № 8. С. 299–304. EDN: NQZQZBT
16. Богачев Ю. С., Трифионов П. В. Направления совершенствования деятельности институтов развития по поддержке промышленного роста экономики России // *Полет*. 2022. № 5. С. 40–44.
17. Coccia M. A New Classification of Technologies // Working Paper CocciaLab n. 26/2, Arizona State University (USA), 2017.
18. Coccia M. Classification of innovation considering technological interaction // *Journal of Economics Bibliography*. 2018. Vol. 5, iss. 2. P. 76–93.
19. Pistorius C. W. I., Utterback J. M. Multi-mode interaction among technologies // *Research Policy*. 1997. Vol. 26, iss. 1. P. 67–84. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(96\)00916-X](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(96)00916-X)
20. Акбердина В. В., Пьянкова С. Г. Методологические аспекты цифровой трансформации промышленности // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021. Т. 227, № 1. С. 292–313. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-292-313>
21. Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Костень Д. Г., Воробьев Ю. Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2017. Т. 10, № 3. С. 9–25. <https://doi.org/10.18721/JE.10301>
22. Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 г. и на период до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 06.06.2020 № 1512-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. Евсеева М. В., Стариков Е. Н., Воронов М. П. Уровень технологического развития индустриальных регионов: экосистемный подход // *Управленец*. 2021. Т. 12, №3. С. 13–30. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-3-2>
24. Ткаченко И. Н., Стариков Е. Н., Евсеева М. В. Оценка эффектов применения проектных инструментов промышленной политики в регионах // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 287–294. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-287-294>, EDN: XPFHEN
25. Курдина С. Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2001. Т. 4, № 1. С. 101–115. EDN: ОРАКGT

References

1. Boyakova K. N. Regulatory policy for digital transformation of industry in Russia. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'* [Business. Society. Power], 2022, no. 44–45, pp. 126–140 (in Russian). EDN: TJCJBJ
2. Smirnov S. A. Modern industrial policy in the Russian Federation and key directions of its transformation. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science], 2022, no. 12, pt. 1, pp. 80–85 (in Russian). EDN: ASIDHR
3. Romanova O. A., Sirotin D. V., Ponomareva A. O. From resistance economy to resilient economy (the case of an industrial region in Russia). *AlterEconomics*, 2022, vol. 19, no. 4, pp. 620–637 (in Russian). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.4>
4. On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030 and for the future until 2036. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 no. 309. *ATP "Consultant"* [electronic resource] (in Russian).
5. Sukharev O. S. Industrialization 4.0 and models of technological development to overcome the «2D» effect. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series Socio-Economic Sciences*, 2020, no. 1, pp. 4–23. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-1-4-23>
6. Perez C. *Technological revolutions and financial capital: The dynamics of bubbles and golden ages*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2002. 224 p. (Russ. ed.: Moscow, Delo ANKh, 2011. 232 p.).
7. Glazyev S. Yu. *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of long-term technical and economic development]. Moscow, VIdar, 1993. 310 p. (in Russian).
8. Sehrish Atif. Analysing the alignment between circular economy and industry 4.0 nexus with industry 5.0 era: An integrative systematic literature review. *Sustainable Development*, 2023, vol. 31, iss. 4, pp. 112–119. <https://doi.org/10.1002/sd.2542>
9. Awan U., R. Sroufe R. Industry 4.0 and the circular economy: A literature review and recommendations for future research. *Business Strategy and the Environment*, 2021, vol. 30, iss. 4, pp. 2038–2060. <https://doi.org/10.1002/bse.2731>
10. Dontsova O. I., Abdikeev N. M., Zotov V. M. Institutional support for high-tech sectors of the manufacturing industry. *Management Sciences*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 40–54 (in Russian). <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2021-11-4-40-54>

11. Lamine W., Anderson A., Jack S. L., Fayolle A. Entrepreneurial space and the freedom for entrepreneurship: Institutional settings, policy, and action in the space industry. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 2021, vol. 15, iss. 2, pp. 309–340. <https://doi.org/10.1002/sej.1392>
12. Kafouros M., Aliyev M., Piperopoulos P., Au A. K. M., Ho J. W. Y., Wong S. Y. N. The role of institutional quality and industry dynamism in explaining firm performance in emerging economies. *Global Strategy Journal Early View*, 2023, vol. 14, iss. 1, pp. 56–83. <https://doi.org/10.1002/sej.1392>
13. Koshkin A. P., Nechaev D. N. Reindustrialization and new industrialization: the institute of industrial parks in the implementation of state industrial policy in Russian regions (using the example of the Central Federal District regions). *Plekhanovskiy nauchnyy byulleten* [Plekhanov Scientific Bulletin], 2022, no. 1 (21), pp. 146–154 (in Russian). EDN: ELENPX
14. Putintseva N. A., Ushakova E. V. On the activity of major cluster groups in Russia as a key tool for implementing import substitution and innovation policies. *Ekonomika i upravleniie* [Economics and Management], 2020, vol. 26, no. 9, pp. 940–951 (in Russian). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-9-940-951>
15. Kostyrev A. P. The assessment of the results of industrial policy realization based on a multilevel approach. *Finansovaya ekonomika* [Financial Economics], 2020, no. 8, pp. 299–304 (in Russian). EDN: NQQZBT
16. Bogachev Yu. S., Trifonov P. V. Directions for improving the activities of development institutions to support the industrial growth of the Russian economy. *Polyot*, 2022, no. 5, pp. 40–44 (in Russian).
17. Coccia M. A New Classification of Technologies. *Working Paper CocciaLab* n. 26/2, Arizona State University (USA), 2017.
18. Coccia M. Classification of innovation considering technological interaction. *Journal of Economics Bibliography*, 2018, vol. 5, iss. 2, pp. 76–93.
19. Pistorius C. W. I., Utterback J. M. Multi-mode interaction among technologies. *Research Policy*, 1997, vol. 26, iss. 1, pp. 67–84. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(96\)00916-X](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(96)00916-X)
20. Akberdina V. V., Pyankova S. G. Methodological aspects of digital transformation of industry. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2021, vol. 227, no. 1, pp. 292–313 (in Russian). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-292-313>
21. Babkin A. V., Burkaltseva D. D., Kosten D. G., Vorobyov Yu. N. Formation of the digital economy in Russia: Essence, features, technical normalization, development problems. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 9–25 (in Russian). <https://doi.org/10.18721/JE.10301>
22. On approval of the Consolidated Strategy for the Development of the Manufacturing Industry of the Russian Federation until 2024 and for the period until 2035. Order of the Government of the Russian Federation of June 6, 2020, no. 1512-r. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
23. Evseeva M. V., Starikov Ye. N., Voronov M. P. Technological development of industrial regions: The ecosystem approach. *Upravlenets* [The Manager], 2021, vol. 12, no. 3, pp. 13–30 (in Russian). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-3-2>
24. Tkachenko I. N., Starikov Ye. N., Evseeva M. V. Effect evaluation of the industrial policy project instruments application in the regions. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 287–294 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-287-294>, EDN: XPFHEN
25. Kirdina S. G. The theory of institutional matrices: Toward the new paradigm. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2001, vol. 4, no. 1, pp. 101–115 (in Russian). EDN: OPAKGT

Поступила в редакцию 10.05.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 10.06.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 10.05.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 10.06.2024; published 30.08.2024

ПРАВО

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 322–329

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 322–329

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-322-329>

EDN: SOQTLX

Научная статья
УДК 342.31

Тенденции и перспективы развития правового регулирования организации и деятельности общественных советов как субъектов общественного контроля в Российской Федерации

Е. В. Бердникова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

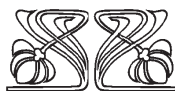
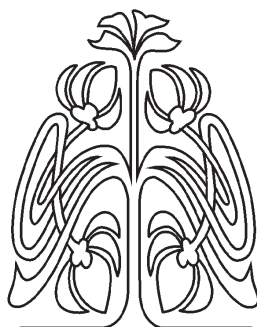
Бердникова Елена Валерьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Аннотация. Введение. Вопросы определения правового статуса и организационных аспектов деятельности общественных советов как субъектов общественного контроля представляют собой одно из наиболее актуальных направлений развития научных знаний в области функционирования институтов гражданского общества. **Теоретический анализ.** На основе существующих на сегодняшний день в науке конституционного права подходов к теоретическому определению правовой природы общественных советов можно заключить, что данные институты возможно рассматривать с точки зрения властеотношений, в частности, как органы общественной власти, органы народного представительства, органы публичного управления. **Эмпирический анализ.** Основной особенностью нормативного правового регулирования деятельности общественных советов выступает фрагментарный характер закрепления их правового статуса в различных юридических документах. При этом актуальной проблемой является отсутствие на федеральном уровне актов, в которых бы устанавливались юридический статус и правотворческая компетенция общественных советов при органах местного самоуправления. **Результаты.** Предлагается нормативно закрепить возможность граждан создавать территориальные общественные советы как автономные субъекты общественного контроля на муниципальном уровне, которые бы действовали вне институциональной привязки к органам местного самоуправления, но имели бы те же права, что и остальные субъекты общественной контрольной деятельности.

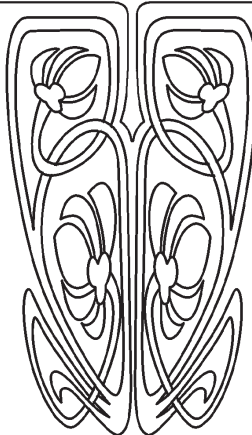
Ключевые слова: общественный контроль, общественные советы, публичная власть, гражданское общество, гражданские инициативы

Для цитирования: Бердникова Е. В. Тенденции и перспективы развития правового регулирования организации и деятельности общественных советов как субъектов общественного контроля в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 322–329. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-322-329>, EDN: SOQTLX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Trends and prospects for the development of legal regulation of organization and activities of public councils as the subjects of the public control in the Russian Federation

E. V. Berdnikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Berdnikova, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Abstract. Introduction. The issues of determining the legal status and organizational aspects of the activities of public councils as the subjects of public control represent one of the most pressing areas for the development of scientific knowledge in the field of functioning of civil society institutions. **Theoretical analysis.** Based on the approaches to the theoretical definition of the legal nature of public councils that exist in the science of constitutional law today, we can conclude that these institutions can be considered from the point of view of power relations, in particular, as public authorities, bodies of popular representation, public administration bodies. **Empirical analysis.** The main feature of the normative legal regulation of the activities of public councils is the fragmented nature of consolidating their legal status in various legal documents. At the same time, an urgent problem is the lack of acts at the federal level that would establish the legal status and law-making competence of public councils under local governments. **Results.** It is proposed to normatively consolidate the ability of citizens to create territorial public councils as autonomous subjects of public control at the municipal level, which would act outside the institutional link to local governments, but would have the same rights as other subjects of public control activities.

Keywords: public control, public councils, public authority, civil society, civil initiatives

For citation: Berdnikova E. V. Trends and prospects for the development of legal regulation of organization and activities of public councils as the subjects of the public control in the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 322–329 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-322-329>, EDN: SQTLX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Вопросы определения правового статуса и организационных аспектов деятельности субъектов общественного контроля представляют собой одно из наиболее актуальных направлений развития научных знаний в области функционирования институтов гражданского общества. Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Закон об основах общественного контроля) [1] закрепил достаточно четкий перечень участников общественной контрольной деятельности, среди которых наибольший интерес представляют общественные советы, являющиеся постоянным объектом критики со стороны как ученых, так и самой общественности. Формализация общественного контроля в нормах федерального законодательства, с одной стороны, позволила упорядочить отношения в сфере взаимодействия публичной власти и гражданского общества, а с другой, в определенном смысле ограничила их дальнейшее развитие.

Перечень субъектов общественного контроля в настоящее время является достаточно закрытым, так как иные организационные структуры общественного контроля, помимо тех, которые предусмотрены Законом об основах общественного контроля, могут создаваться только путем закрепления случаев и порядка

их создания законодательством Российской Федерации. Другими словами, возможность самоорганизации общества для осуществления контроля за деятельностью органов власти в тех формах и процедурах, которые оно само захочет использовать и применить в данном процессе, ограничена действующим правовым регулированием. Поэтому на сегодняшний день предусмотрен именно регламентарный механизм формирования и функционирования субъектов общественного контроля, которые создаются и существуют только в виде организационных структур, а учреждение некоторых из них, в частности общественных советов, непосредственным образом зависит от органов публичной власти.

Отмеченное выше и иные обстоятельства определяют высокий уровень рационального скептицизма в отношении деятельности данных институтов, обусловленный сомнениями в их реальной организационной независимости и результативности реализации целей и задач, которые они должны выполнять в соответствии с действующим законодательством. Все это в совокупности создает широкое пространство для осуществления научного анализа комплекса проблем, обусловленных особой природой общественных советов, их юридическим статусом, формами взаимодействия с органами власти и иными институтами гражданского общества.

Теоретический анализ

Общественные советы как субъекты общественного контроля не относятся ни к одной из существующих организационно-правовых форм объединений граждан, закрепленных в действующем законодательстве. Закон об основах общественного контроля при определении понятия «общественные советы» не констатирует их конкретного юридического статуса, т. е. не уточняет, что они являются органами, организациями, объединениями и т.д. Вместе с тем нужно учесть, что данный нормативный акт формализовал нового участника конституционных правоотношений, а именно юридизировал понятие «субъект общественного контроля» и одновременно закрепил его права и обязанности, которые получили дальнейшее свое развитие в иных правовых документах. Исходя из вышесказанного, с юридической точки зрения общественные советы являются субъектами общественного контроля, выполняющими консультативно-совещательные функции.

Если рассматривать правовую природу общественных советов с точки зрения теории публичного управления, которая делит коллективные субъекты управления на органы и организации, то общественные советы в большей степени представляют собой орган, нежели организацию. Однако и здесь есть свои особенности, поскольку общественные советы не обладают статусом юридического лица, что во многом ограничивает их правосубъектность, так как многие нормативные правовые акты оперируют именно данным термином.

На основе сложившихся на сегодняшний день в науке конституционного права подходов к теоретическому определению правовой природы общественных советов можно заключить, что данные институты целесообразно также рассматривать с точки зрения содержания и структуры властеотношений, в частности, как органы общественной власти [2], органы народного представительства [3], органы публичного управления [4] и т.д. Справедливо отмечает профессор Г. Н. Чеботарев: «Существование системы организационных форм гражданской активности, включающей в себя институт выборов общественных органов, делегирования представителей общественных объединений в общественные палаты, общественные советы при органах публичной власти, позволяет сделать вывод о формирующемся общественном представительстве как разновидности представительной демократии» [5, с. 71]. Таким образом, общественные

советы как субъекты общественного контроля являются консультативно-совещательными институтами гражданского общества, создаваемыми при органах публичной власти на основе общественного представительства для реализации целей и задач, связанных с осуществлением общественного контроля.

Если проанализировать место и роль общественных советов в системе субъектов общественного контроля, то можно как обнаружить сходство с иными общественными институтами, так и найти ярко выраженные специфические особенности. Например, основным родовым признаком общественных палат и общественных советов является законодательно закрепленная возможность их создания на всех трех уровнях публичной власти: федеральном, региональном, муниципальном. Данные органы формируются путем представительства общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, реализуют единые цели и задачи, результаты их деятельности носят для органов власти рекомендательный характер и т.д. Но, как было выше сказано, и отличительные признаки у этих институтов все же имеются. Во-первых, законодатель придает большее значение правовому регулированию именно общественных палат, поэтому их статус детализирован в специальных федеральных законах, за исключением общественных палат, создаваемых в муниципальных образованиях. А вот правовой статус общественных советов имеет подзаконный характер нормативного регулирования. Во-вторых, общественные палаты формируются и функционируют как самостоятельные субъекты публичных правоотношений, без институциональной привязки к конкретному органу публичной власти. Деятельность же общественных советов в подавляющем большинстве случаев предполагает их организацию при каком-либо органе власти. В-третьих, общественные советы имеют ярко выраженную консультативно-совещательную функциональность, а общественные палаты используют весь спектр форм и методов взаимодействия с органами публичной власти. В-четвертых, в отличие от общественных палат, которые могут принимать акты, регулирующие общественные отношения и обязательные для исполнения иными субъектами правоотношений (хотя напрямую это и не прописано в действующем законодательстве), общественные советы не обладают таким уровнем нормотворческой компетенции – максимум, что они могут сделать, так это утвердить кодекс этики членов совета.

Эмпирический анализ

Основной особенностью нормативного правового регулирования деятельности общественных советов выступает фрагментарный характер закрепления их правового статуса в различных юридических документах. В частности, Закон об основах общественного контроля урегулировал, хотя и в общем виде, требования к порядку формирования только общественных советов, создаваемых при федеральных органах исполнительной власти. Вопросы создания и функционирования общественных советов при законодательных (представительных) органах и исполнительных органах власти субъектов РФ отнесены данным актом к региональному уровню компетенции, а правотворческая компетенция в сфере деятельности общественных советов при органах местного самоуправления вообще никак не обозначена.

Детализация нормативного регулирования формирования и функционирования общественных советов при федеральных органах исполнительной власти осуществляется двумя основными правовыми актами: Постановлением Правительства РФ от 02.08.2005 № 481 [6] и Указом Президента РФ от 04.08.2006 № 842 [7]. При этом главным отличием в процедуре формирования общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (ФОИВ), руководство которыми осуществляет Правительство РФ, является конкурсная основа их создания.

В процессе утверждения состава общественных советов при ФОИВ важную координирующую роль играет Общественная палата РФ, и не только потому, что она выступает организатором конкурса, но и в связи с осуществлением нормотворческой функции по определению и регулированию формирования, компетенции и порядка деятельности общественного совета [8]. Помимо вышеперечисленных актов правовой статус общественного совета при федеральных органах исполнительной власти, а также его состав дополнительно детализируются соответствующим положением об общественном совете, которое утверждается федеральным органом исполнительной власти, при котором данный орган создается.

Особый интерес представляет правовое регулирование формирования и деятельности общественных советов при территориальных органах ФОИВ, которые Законом об основах общественного контроля не упоминаются и не выделяются как его самостоятельный субъект.

Это во многом обуславливает неопределенность и разнообразие подходов нормативного правового закрепления правового статуса общественных советов, создаваемых при данных органах. На практике представляется достаточно проблематичным реализовать действие норм Стандарта деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти по отношению к формированию и деятельности общественных советов при территориальных подразделениях федеральных органов власти в субъектах РФ, особенно в части проведения Общественной палатой РФ конкурса кандидатов в состав этих общественных органов. Поэтому в сфере регулирования данного вопроса федеральные органы исполнительной власти самостоятельно определяют порядок организации общественных советов при территориальных органах, который во многом отличается от формирования общественных советов при ФОИВ. Например, процедура создания общественных советов при территориальных управлениях МВД России определяется самим руководителем федерального министерства по согласованию с общественным советом, созданным при нем, и в настоящее время персональный состав территориальных общественных советов формируется непосредственно их руководителями на основе предложений граждан, общественных объединений, организаций [9].

На сегодняшний день ряд территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, управление которыми осуществляет Правительство РФ, предусматривают участие общественных палат субъектов РФ в процедуре формирования общественных советов, в частности, территориальные управления Федеральной антимонопольной службы используют такой порядок [10], но все же наиболее распространена практика утверждения состава общественного совета территориального органа ФОИВ его руководителем, а при некоторых территориальных органах общественные советы не созданы вовсе. Представляется очевидным, что участие общественных палат субъектов РФ в формировании общественных советов при территориальных подразделениях федеральных органов исполнительной власти является наиболее предпочтительной моделью создания указанных институтов, так как позволяет обеспечить открытый и независимый порядок их организации и результативность дальнейшей деятельности. При этом остается открытым вопрос, связанный с отнесением данных органов

к субъектам общественного контроля, что в настоящее время также весьма проблематично, так как в полной мере их нельзя отнести к общественным советам при ФОИВ, поскольку имеются различия в процедурах формирования и деятельности. Кроме того, их нормативная регламентация осуществляется подзаконными актами, что не соответствует требованиям Закона об основах общественного контроля об обязательном закреплении норм об иных субъектах общественного контроля в законодательстве РФ. Выходом из сложившейся неопределенности может служить внесение изменений в ст. 9 Закона об основах общественного контроля, которые констатируют статус общественных советов при территориальных органах ФОИВ как субъектов общественного контроля.

Следует отдельно отметить, что в Российской Федерации функционируют не только общественные советы, которые создаются в соответствии с Законом об основах общественного контроля. В число субъектов общественного контроля в соответствии с действующим законодательством входят также общественные советы по независимой оценке качества условий оказания услуг организациями социальной сферы, формируемые при органах власти, основной задачей которых выступают сбор, анализ и предоставление получателям услуг информации о качестве условий оказания услуг образовательными, медицинскими организациями, учреждениями культуры, спорта, социального обслуживания в целях повышения качества их деятельности [11]. Общественные советы также формируются при институте федерального и региональных уполномоченных по правам ребенка, при Службе финансового уполномоченного и т.д. Кроме того, большое количество консультативно-совещательных органов, создаваемых при органах публичной власти, не относится в соответствии с действующим законодательством к субъектам общественного контроля. Во многом это обусловлено тем, что в их состав, помимо экспертов и представителей общественности, включаются представители государственных и муниципальных органов. Вместе с тем данные институты выполняют практически те же функции и решают идентичные задачи, что в целом позволяет причислить их к особому типу общественных советов.

Общественные советы, как уже было сказано, создаются также на муниципальном уровне, однако и здесь существуют нюансы, связанные с определением и реализацией их правового

статуса. Как справедливо отмечает профессор В. В. Гриб, буквальное толкование наименования ст. 13 Закона об основах общественного контроля дает основания предполагать, что общественные советы могут создаваться только при федеральных и региональных органах власти. Вместе с тем автор подчеркивает, что в ч. 3 данной статьи законодатель прямо предусматривает возможность создания общественных советов при органах местного самоуправления, что однозначно усложняет толкование и применение соответствующих правовых норм [12, с. 2].

Общественные советы в муниципальных образованиях создаются как альтернатива местным общественным палатам. В федеральном законодательстве отсутствует четкая дифференциация случаев и условий формирования данных органов, поэтому выбор формы субъекта общественного контроля относится к компетенции либо органов местного самоуправления, либо органов государственной власти субъектов РФ, которые в своих региональных законах закрепляют их перечень на уровне субъекта.

Как правило, на практике правовой статус общественных советов определяется преимущественно в муниципальных правовых актах, поэтому можно наблюдать достаточно большое количество различий как в порядке формирования, так и в полномочиях общественных советов при органах местного самоуправления. Неоднозначность правового регулирования общественного контроля на местном уровне выражается не только в отсутствии в российском законодательстве обязательного условия создания общественных советов на муниципальном уровне, но и в неопределенности видов муниципальных образований, в которых могут формироваться общественные советы. Все это приводит к некоторым пробелам в правотворческой и правоприменительной практике. В частности, в отдельных субъектах Федерации в настоящее время на уровне микрорайонов активными гражданами, заинтересованными в решении местных проблем, создаются общественные советы. Однако правовой статус этих органов с точки зрения действующего законодательства однозначно определить представляется весьма затруднительным. Микрорайоны в юридическом отношении не являются муниципальными образованиями, это своего рода территории проживания граждан, которые не имеют официального статуса. В Градостроительном кодексе РФ микрорайоны наряду с кварталами, районами и т.д. отнесены к элементам планировочной структуры – части территории

поселения, муниципального округа, городского округа или межселенной территории муниципального района [13]. С этой точки зрения общественные советы микрорайонов нельзя в полном смысле отнести к субъектам общественного контроля. Во многом их деятельность подпадает под понятие территориального общественного самоуправления, которое в соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон о местном самоуправлении) как раз может осуществляться в том числе в пределах жилых микрорайонов [14].

Вместе с тем не все представители общественных советов микрорайонов хотят либо имеют юридическую возможность проходить сложные процедуры, связанные с регистрацией устава в органе местного самоуправления или приобретать статус юридического лица в связи с государственной регистрацией в качестве некоммерческой организации со всеми вытекающими последствиями в виде ежегодной отчетности. Они стремятся реализовать свое право на осуществление общественного контроля на территории проживания, но пока не будут внесены соответствующие поправки в федеральное законодательство, желаемой правосубъектности у них не будет.

Затрагиваемая выше проблематика неоднократно становилась предметом критического анализа ведущих ученых-конституционалистов. В частности, профессор Т. Н. Михеева справедливо отмечает тесное взаимодействие и взаимопроникновение общественного контроля и территориального общественного самоуправления. Автор акцентирует внимание на необходимости рассмотрения общественного контроля с позиций самостоятельной формы участия граждан в осуществлении местного самоуправления, равно как и пополнение субъектного состава общественного контроля за счет одной из форм муниципальной демократии – территориального общественного самоуправления [15, с. 63]. Однако существующая на сегодняшний день формально-юридическая ограниченность и одновременно несогласованность норм Закона об основах общественного контроля и Закона о местном самоуправлении не позволяет объединять родственные по природе институты.

Следует также согласиться с профессором Г. Н. Чеботаревым, который справедливо отмечает, что территориальное общественное самоуправление нуждается в детализации и развитии

законодательного регулирования, а именно в более подробном закреплении права граждан на участие в территориальном общественном самоуправлении, формах их участия, расширении перечня предметов ведения территориального общественного самоуправления, полномочий его органов и т.д. [16, с. 37].

Исходя из вышесказанного, общественный контроль на муниципальном уровне должен предполагать особую специфику для своего осуществления, учитывая характерную природу местного самоуправления, предполагающую, в первую очередь, широкую основу для самоорганизации и самостоятельности деятельности населения на территории проживания в целях решения вопросов муниципального управления и контроля за их реализацией. Выходом из сложившейся ситуации могла бы стать законодательно закреплённая возможность граждан создавать территориальные общественные советы как автономные субъекты общественного контроля на местном уровне, которые бы действовали вне институциональной привязки к органам местного самоуправления, но имели бы те же права, что и у остальных субъектов общественной контрольной деятельности.

Результаты

Анализ организации и деятельности общественных советов как субъектов общественного контроля позволил выявить ряд системных проблем, большинство из которых вызвано существующими пробелами правового регулирования их статуса. Представляется необходимым, в первую очередь, детализировать и одновременно унифицировать существующие нормотворческие подходы к определению их юридической природы, расширить сферы реализации их компетенции и т.д. Другими словами, общественные советы должны создаваться в тех случаях и действовать в тех условиях, когда они действительно необходимы, а результаты их работы будут соответствовать интересам и потребностям населения и содействовать достижению общественного консенсуса. При этом представляется целесообразным обеспечить развитие права граждан на участие в формировании данных институтов, что особенно актуально на муниципальном уровне, где самоуправление, самоорганизация и гражданская инициатива являются неотъемлемыми и конституирующими элементами решения вопросов местного значения.

Список литературы

1. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. I), ст. 4213.
2. Современные проблемы организации публичной власти / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Юстицинформ, 2014. 596 с.
3. Чеботарев Г. Н. Общественное представительство. М. : Юрист, 2017. 160 с.
4. Руденко В. Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4 (61). С. 116–124.
5. Чеботарев Г. Н. Общественное представительство как разновидность представительной демократии // Российский юридический журнал. 2017. № 6 (117). С. 70–80. EDN: YQDZFR
6. О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных службах и федеральных агентствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации : постановления Правительства РФ от 02.08.2005 № 481 (ред. от 25.06.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 32, ст. 3322.
7. О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам : указ Президента РФ от 04.08.2006 № 842 (ред. от 23.05.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 32, ст. 3539.
8. Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение) (утв. решением совета Общественной палаты РФ от 05.07.2018 № 55-С) (ред. от 16.06.2023). Опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах : указ Президента РФ от 23.05.2011 № 668 (ред. от 25.08.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 22, ст. 3154.
10. Об утверждении положения об Общественном совете при территориальном органе Федеральной антимонопольной службы : приказ ФАС России от 15.02.2021 № 109/21 (ред. от 23.08.2023). Опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки

качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы : федер. закон от 05.12.2017 № 392-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 50 (ч. III), ст. 7563.

12. Гриб В. В. Общественные советы как основные элементы системы общественного контроля за деятельностью органов государственной власти РФ // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 2–5.
13. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (ч. 1), ст. 16.
14. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.
15. Михеева Т. Н. Территориальное общественное самоуправление как субъект общественного контроля на муниципальном уровне // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 61–65. EDN: ZSZPVR
16. Чеботарев Г. Н. Особенности регулирования деятельности территориального общественного самоуправления как некоммерческой организации // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 7. С. 33–37. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2018-7-33-37>

References

1. On the fundamentals of public control in the Russian Federation. Federal Law 212-FZ of July 21, 2014 (an edition of December 25, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 30 (pt. I), art. 4213 (in Russian).
2. *Sovremennye problemy organizatsii publichnoy vlasti* [Avakyan S. A. (ed.) Modern problems of organizing public power]. Moscow, Justitsinform, 2014. 596 p. (in Russian).
3. Chebotarev G. N. *Obshchestvennoye predstavitel'stvo* [Public representation]. Moscow, Yurist, 2017. 160 p. (in Russian).
4. Rudenko V. Advisory public councils in the system of deliberative democracy. *Comparative Constitutional Review*, 2007, no. 4 (61), pp. 116–124 (in Russian).
5. Chebotarev G. N. Public representation as a type of representative democracy. *Russian Juridical Journal*, 2017, no. 6 (117), pp. 70–80 (in Russian). EDN: YQDZFR
6. On the procedure for the formation of public councils under federal ministries, which are managed by the Government of the Russian Federation, federal services and federal agencies subordinate to these federal ministries, as well as federal services and federal agencies, which are managed by the Government of the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation no. 481 of August 2, 2005 (an edition of June 25, 2019).

- Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2005, no. 32, art. 3322 (in Russian).
7. On the procedure for the formation of public councils under federal ministries, federal services and federal agencies, the activities of which are managed by the President of the Russian Federation, under federal services and federal agencies subordinate to these federal ministries. Decree of the President of the Russian Federation no. 842 of August 4, 2006 (an edition of May 23, 2013). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 32, art. 3539 (in Russian).
 8. Standard of activity of the public council under the federal executive body (Model regulation) (approved by decision of the council of the Public Chamber of the Russian Federation no. 55-C of July 5, 2018) (an edition of June 16, 2023). Not published. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 9. On public councils under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and its territorial bodies. Decree of the President of the Russian Federation no. 668 of May 23, 2011 (an edition of August 25, 2021). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2011, no. 22, art. 3154 (in Russian).
 10. On approval of the regulations on the Public Council under the territorial body of the Federal Antimonopoly Service. Order of the Federal Antimonopoly Service of Russia no. 109/21 dated February 15, 2021 (an edition of August 23, 2023). Not published. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 11. On introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the issues of improving the independent assessment of the quality of the conditions for the provision of services by organizations in the field of culture, health care, education, social services and federal institutions of medical and social expertise. Federal Law 392-FZ of December 5, 2017 (an edition of December 21, 2021). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 50 (pt. III), art. 7563 (in Russian).
 12. Grib V. V. Public councils as the main elements of the system of public control over the activities of government bodies of the Russian Federation. *Russian Justice*, 2015, no. 5, pp. 2–5 (in Russian).
 13. Town Planning Code of the Russian Federation 190-FZ of December 29, 2004 (an edition of December 25, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2005, no. 1 (pt. 1), art. 16 (in Russian).
 14. On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation. Federal Law 131-FZ of October 6, 2003 (an edition of March 23, 2024). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2003, no. 40, art. 3822 (in Russian).
 15. Mikheeva T. N. Territorial public self-government as a subject of public control at the municipal level. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2019, no. 6, pp. 61–65 (in Russian). EDN: ZSZPVR
 16. Chebotarev G. N. Peculiarities of the regulation of activities of territorial public self-government as a non-commercial organization. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Government], 2018, no. 7, pp. 33–37 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2018-7-33-37>

Поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 30.05.2024;
принята к публикации 01.06.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 30.05.2024;
accepted for publication 01.06.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 330–336
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 330–336
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-330-336>, EDN: TWRfZM

Научная статья
УДК 342

О мотивирующем и стимулирующем воздействии на организацию территориального общественного самоуправления

А. А. Нигметзянов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Нигметзянов Алмаз Альбертович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, diamondnig@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7222-1986>

Аннотация. *Введение.* Реформирование местного самоуправления является устоявшимся трендом в деятельности законодательного органа Российской Федерации. Идет поиск оптимальной модели организации системы органов публичной власти на поселенческом уровне. Вместе с тем законодательством о местном самоуправлении предусмотрены институты, которые могут взять на себя часть забот по решению вопросов местного значения. В статье рассмотрены вопросы правовой природы территориального общественного самоуправления. Акцентируется внимание на соотношении понятий «мотивирование» и «стимулирование». *Результаты.* В публично-правовой сфере государство использует различные способы воздействия на участников общественных отношений с целью побудить к принятию ими позитивных решений. В значительной степени эти средства носят императивный характер. Например, императивом является создание муниципальных образований на всей территории страны, императивна норма Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» относительно учреждения системы обязательных органов местного самоуправления. Но этот же Закон содержит и значительное число норм диспозитивного характера. Для них характерно отсутствие обязанности у субъектов права совершать определенные общественно значимые действия. Например, Закон предусматривает возможность учреждения территориального общественного самоуправления (ТОС). Но у жителей поселений нет обязанности их создавать, следовательно, данная норма Закона о возможности создания ТОС является диспозитивной, она ориентирует граждан на учреждение этих объединений, являясь, по сути, мотивационной. *Выводы.* Мотивационная и стимулирующая составляющие в системе методов государственного воздействия на публично-правовые отношения отчетливо проявляются при учреждении и деятельности территориального общественного самоуправления. Мотивационная составляющая в воздействии на публично-правовые отношения не является предметом пристального внимания ученых, хотя нормы-цели, нормы-принципы все активнее влияют на разработку приоритетов общественного развития, формулирование соответствующих норм права, имея в своем арсенале воздействия лишь мотивацию.

Ключевые слова: местное самоуправление, территориальное общественное самоуправление, мотивирование, стимулирование

Для цитирования: Нигметзянов А. А. О мотивирующем и стимулирующем воздействии на организацию территориального общественного самоуправления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 330–336. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-330-336>, EDN: TWRfZM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Motivating and stimulating effect on the organization of territorial public self-government

A. A. Nigmatzyanov

Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia

Almaz A. Nigmatzyanov, diamondnig@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7222-1986>

Abstract. Introduction. The reform of local self-government is an established trend in the activities of the legislative body of the Russian Federation. There is a search for an optimal model of the organization of the system of public authorities at the settlement level. At the same time, the legislation on local self-government provides for institutions that can take on some of the responsibilities for solving issues of local importance. The article deals with the issues of the legal nature of territorial public self-government. The author focuses on the correlation of the concepts of “motivation” and “stimulation”. **Results.** In the public legal sphere, the state uses various ways to influence participants in public relations in order to encourage them to make positive decisions. To a large extent, these tools are imperative. For example, creation of municipalities throughout the country is imperative; the norm of the Federal Law “On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” regarding the establishment of a system of mandatory local self-government bodies is imperative. However, the law also

contains a significant number of dispositive norms. They are characterized by the absence of the obligation of the subjects of the right to perform certain socially significant actions. For example, the law provides for the possibility of establishing a territorial public self-government (TPSG). But residents of settlements have no obligation to create them, therefore, this provision of the law on the possibility of creating TPSG is dispositive, it orients citizens to the establishment of these associations, being, in fact, motivational. **Conclusions.** Motivational and stimulating components in the system of methods of state influence on public relations are clearly manifested in the establishment and activity of territorial public self-government. The motivational component in influencing public law relations is not the subject of close attention of scientists, although norms-goals, norms-principles increasingly influence the development of priorities for social development, the formulation of relevant legal norms, having only motivation in their arsenal of influence.

Keywords: local self-government, territorial public self-government, motivation, stimulation

For citation: Nigmatzyanov A. A. Motivating and stimulating effect on the organization of territorial public self-government. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 330–336 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-330-336>, EDN: TWRFZM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Мотивирование как способ воздействия на публично-правовые отношения не является предметом внимания ученых-юристов. Традиционно он анализируется при оценке поведения личности. В то же время российское законодательство содержит нормы, которые напрямую не оказывают регулирующего воздействия на общественные отношения, но влияют на деятельность органов публичной власти, побуждая их принимать публично значимые решения. Особенно это касается тех сфер, где законодатель использует дискрецию в закреплении прав и обязанностей участников правоотношений, допуская инициативную активность субъектов [1]. К числу таких инициативных проектов следует отнести и организацию территориального общественного самоуправления (ТОС).

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон об общих принципах организации местного самоуправления) [2] определяет территориальное общественное самоуправление как самоорганизацию граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, муниципально-городского округа, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения (абз. 1 ч. 1 ст. 47). Закон рассматривает ТОС как одну из форм участия в осуществлении местного самоуправления, которое, в свою очередь, рассматривается как форма народовластия [3], реализуемая в пределах, установленных федеральным и региональным законодателем (ч. 2 ст. 1).

Поскольку жители поселений не обязаны учреждать ТОС, в литературе высказано мнение о том, что ТОС не служит непосредственной формой осуществления власти народа, поскольку его учреждение является добровольным; ТОС осуществляется через собрание, конференцию и иные органы, не являющиеся органами власти. Органы ТОС не обладают механизмом принуждения; не имеют собственной финансовой базы в виде обязательных налогов и сборов. Его организация направлена лишь на решение локальных проблем местного значения конкретной территории [4, с. 290].

Дискреция в закреплении правового статуса ТОС касается и возможности получения им прав юридического лица. Обладание таким правом открывает перед ТОС перспективы более тесного взаимодействия с органами государственной власти, позволяет активно участвовать в социально-экономических отношениях.

В условиях возрастания общего числа ТОС в России (по состоянию на 1 января 2022 г. – 35 461) [5] происходит уменьшение количества ТОС, зарегистрированных в качестве юридического лица. ТОС, зарегистрированные в качестве юридических лиц, составляют в целом по России не более 6,9% от их общего количества [6]. Вместе с тем государство заинтересовано в их создании и функционировании, поскольку они позволяют создавать организационные структуры в поселениях, утративших статус муниципальных образований в связи с укрупнением последних [7].

Результаты

Добровольность создания территориального общественного самоуправления не позволяет органам публичной власти использовать административные рычаги для их создания. Такой подход использовался в отдельных муниципальных образованиях, и формально созданных (но

не работающих реально) ТОС было достаточно. Однако без убедительной мотивации сделать ТОС работающими нереально.

Можно найти мотивационную составляющую в самой природе местного самоуправления, и в частности ТОС, поскольку оно выступает как форма самоорганизации граждан по месту их жительства для осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения [8, с. 42] и является местным самоуправлением «в миниатюре» [9, с. 116]. Участвуя в создании ТОС, жители реализуют свое право на местное самоуправление, свое право на реализацию гражданской инициативы [10]. Можно усмотреть в функционировании ТОС реализацию на части территории муниципального образования и консультативной демократии [11, с. 237], вовлечение граждан в общественную жизнь местного сообщества [12, с. 604].

Дискуссии по вопросу о природе местного самоуправления в целом и его отдельных составляющих (в том числе ТОС) будут продолжаться в силу многогранности феномена территориального самоуправления [7]. Успешно функционирующие органы территориального общественного самоуправления могут свидетельствовать о значительной просветительской работе, которая была проделана в том числе муниципальными служащими при организации ТОС. Используемые при этом аргументы проистекают из того потенциала, который содержится в природе ТОС.

В историческом смысле территориальное общественное образование – наследник крестьянской общины с ее стремлением к коллективизму, добрососедству и самостоятельности в организации хозяйственной деятельности [13, с. 5]. В основе организации и деятельности общины те же принципы, что и современного ТОС.

На заре своего существования, в начале 90-х гг. прошлого века, на территориальное общественное самоуправление возлагались большие надежды [14, с. 7–8]. Инициаторы учреждения этого института полагали, что посредством создания платформы для участия граждан в решении вопросов местного значения можно повысить активность жителей, приобщить их к решению многих проблем на местах. В тот период мотивация учреждения ТОС формировалась активными гражданами, искренне верящими в потенциал народного самоуправления. Законодатель того времени определял лишь общие черты формирования органов территориального общественного самоуправления, создавая

правовую базу для реализации инициативных проектов. Современное законодательство закрепляет порядок учреждения ТОС, определяет варианты его функционирования. Но эффективно работающих ТОС не так много, поэтому необходим поиск стимулирующих факторов развития института территориального общественного самоуправления.

Природа ТОС, раскрываемая в научных исследованиях, доказывает его значимость и предопределяет мотивационную составляющую в решениях по учреждению этой важной составной части самоуправления граждан на территории их проживания. Законодательная мотивация создания ТОС вряд ли может быть признана достаточной. В большей степени мотивирующим фактором является организационная деятельность органов местного самоуправления, подкрепляемая стимулирующими факторами. Финансовое стимулирование как часть общей мотивации способно оказать побуждающее воздействие на процесс учреждения и деятельности формирований, имеющих общественную природу.

Организация рассматриваемой формы самоуправления целиком и полностью зависит от инициативы граждан, которая может (и должна) подкрепляться финансовой поддержкой со стороны муниципального бюджета, бюджета субъекта РФ. Основной проблемой в функционировании ТОС выступает недостаточность средств, поэтому материальная поддержка со стороны муниципальных образований во многих случаях является его финансово-правовой основой.

Экономическая основа деятельности ТОС представлена имуществом, которое может быть передано в управление органам ТОС (ч. 2 ст. 51 Закона об общих принципах организации местного самоуправления), добровольными взносами и пожертвованиями, средствами местных бюджетов, а также региональными субсидиями, доходами от собственной хозяйственной деятельности [15, с. 99].

В основном же ТОС зависят от получения субсидий, грантов от муниципалитетов и субъектов РФ (средства иных трансфертов, предоставляемых на конкурсной основе [16]). Последние фиксируют расходы на поддержку ТОС в законах о бюджете, что, тем не менее, не является их обязанностью. В этой связи поддержка ТОС региональными органами власти будет зависеть от финансового благополучия конкретного региона и их политической воли.

Стимулирующим фактором выступают межбюджетные трансферты (п. 2 ст. 78.1, ст. 135 Бюджетного кодекса РФ) [17], направленные на реализацию муниципальных программ по развитию ТОС, а также финансовые вливания по результатам проводимых конкурсов.

Муниципальные образования самостоятельно разрабатывают муниципальные программы по развитию ТОС (например, такая программа принята в городе Пензе до 2026 г. [18]). На основе этой программы разрабатывается порядок предоставления грантов в виде субсидий на реализацию социально значимых проектов в целях поддержки ТОС и инициативы граждан.

Особенностью предоставления таких грантов является то, что они направлены на перспективное поощрение, т.е. у ТОС еще нет каких-либо поощряемых заслуг, но они появляются в связи с реализацией социально значимого проекта, направленного на благоустройство зон отдыха, придомовых территорий многоквартирных домов, ремонт сетей, обустройство наружного освещения, озеленения территорий и т.д.

Гранты предоставляются в форме субсидий, поскольку основаны на применении принципа софинансирования. Обязательно внесение собственных средств в реализацию проекта; например, в том же городе Пензе – не менее 20% от стоимости проекта, а сам грант составляет не более 750 000 руб. [19].

Процедура конкурса, его условия детально прописываются в нормативных правовых актах муниципального образования. Часто обязательным условием является отсутствие задолженностей по налогам и сборам, запрет на участие иностранных юридических лиц, отсутствие дисквалифицированных лиц, запрет на получение бюджетных средств на сходные цели [20].

Подготовленный проект должен быть актуальным, связным, соответствовать потребностям жителей ТОС. Как правило, комиссия, формируемая исполнительным органом, определяет победителей конкурса. Между победителем конкурса и муниципальным образованием заключается соглашение. Грант носит целевой характер и в случае нарушения его условий подлежит возврату в местный бюджет.

В целом, только достаточное финансово обеспеченные муниципальные образования могут позволить предоставление грантов территориальным общественным организациям ввиду малой обеспеченности муниципалитетов фи-

нансами. Например, жители ТОС «Гармония» завершили реализацию проекта «Установка памятника землякам-участникам ВОВ “Память поколений”» в сельском поселении «Поселок Сукпай» муниципального района имени Лазо Хабаровского края. Общая стоимость проекта составила 1 513 660 руб., из них 998 660 руб. – краевой грант, 490 000 руб. – внебюджетные источники, в том числе участие граждан, 25 000 руб. – средства муниципального бюджета [21]. Очевидно, что средства муниципального бюджета минимальны. Основная нагрузка возлагается на субъект РФ, который, в свою очередь, часто получает межбюджетные трансферты от федерального центра, что демонстрирует понимание необходимости поддержки ТОС со стороны органов государственной власти.

Следует отметить, что ТОС при реализации проектов часто сталкивается с проблемами их реализации: получением разрешительных документов на размещение объектов (предусмотренных проектом элементов благоустройства территории) на земельном участке; необходимостью устранения замечаний, сформулированных в заключениях различных профильных исполнительных органов власти; проблемами согласования в ходе изготовления проектно-сметной документации технических условий с ресурсоснабжающими организациями; длительностью сроков между выигрышем грантов, заключением соглашений и получением денежных средств, что приводит к удорожанию проектов и ограниченности сроков исполнения.

Иными словами, ТОС должны не только выиграть соответствующий грант для реализации проекта, но и реализовать его надлежащим образом и в установленные сроки. В условиях бюрократических проволочек нарушение установленных сроков представляет значительную проблему для ТОС, что порождает необходимость упрощения процедур получения необходимых согласований.

Предоставление грантов ТОС в форме субсидий ставит проблему поиска новых источников финансирования, среди которых называют инициативное (партисипаторное) бюджетирование, основанное на вложении в ТОС средств жителей, бизнеса, различных организаций в обмен на возможность контроля за реализацией проекта. Инициативное бюджетирование стимулирует ТОС к ответственному подходу к реализации проекта.

Выводы

На примере деятельности территориального общественного самоуправления отчетливо видно различие мотивационной и стимулирующей составляющей государственного воздействия на участников общественных отношений. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» создает правовую основу, нормы которой формируют мотивацию к учреждению гражданами объединения с публично значимой составляющей. Муниципальные образования формируют собственный стимулирующий механизм, побуждающий к созданию ТОС. Учреждение грантовой поддержки, проведение соответствующих конкурсов и выделение по их итогу финансовых средств для реализации общественно значимых проектов стимулируют жителей к созданию территориального общественного самоуправления.

Мотивационная составляющая в правовом регулировании публично-правовых отношений, к сожалению, не получила должного теоретического обоснования. Основное внимание в специальной литературе уделяется стимулирующим факторам. Вместе с тем нормы публичного права содержат положения, реализация которых осуществляется на добровольной основе (участие в выборах, учреждение институтов гражданского общества) и требует особого внимания со стороны государства.

Список литературы

1. Нигметзянов А. А. Правовое мотивирование как способ воздействия на участников избирательного процесса // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 4 (30). С. 57–65. EDN: VPUFVQ
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.
3. Мальный А. Ф., Нигметзянов А. А., Никитенко И. Г. Народовластие – фундамент демократического государства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 21–31. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.3.2>, EDN: QUFYKU
4. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / под ред. В. В. Бабичева, Е. С. Шугриной. М. : Норма, 2021. 752 с.
5. Что такое ТОС? // ОАТОС : [сайт]. URL: <https://www.oatos.ru/o-nas/chto-takoe-tos> (дата обращения: 22.08.2023).
6. Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 года : принята решением общего собрания ОАТОС от 13 мая 2021 года № 5. М., 2021 // ОАТОС : [сайт]. URL: <https://oatos.ru/tos-2030?ysclid=lxnhji0fj7595756023> (дата обращения: 27.08.2023).
7. Мальный А. Ф. Территориальное общественное самоуправление в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 66–70. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-6-66-70>, EDN: CMCDRO
8. Попова Н. Ф. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2023. 240 с.
9. Бойко Н. С. Муниципальное право. М. : Юрайт, 2023. 430 с.
10. Федеральные экспертные слушания на тему: «О развитии территориального общественного самоуправления, местных сообществ и форм участия граждан в осуществлении местного и общественного самоуправления» (дистанционное проведение, май–июнь 2020 г.): рекомендации : утв. 22.06.2020. URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/UTV_REKOMENDACII_ITOG_22_06_20.pdf (дата обращения: 23.08.2023).
11. Муниципальное право России / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Проспект, 2021. 656 с.
12. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М. : Юстицинформ, 2015. 640 с.
13. Братцева Е. А. Территориальное общественное самоуправление как элемент институционализации местных сообществ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 274 с.
14. Ларькина А. П., Мальный А. Ф. Органы территориального общественного самоуправления. Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 1993. 68 с. EDN: XPWDQL
15. Система местного самоуправления : учеб. пособие для вузов / под ред. С. Е. Прокофьева, О. В. Паниной, С. Г. Еремина, Н. Н. Мусиновой. М. : Юрайт, 2023. 118 с.
16. О республиканском конкурсе «Лучшее территориальное общественное самоуправление года Республики Татарстан» : постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 01.06.2015 № 391 // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 2015. № 53. Ст. 1807.
17. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823.
18. Об утверждении муниципальной программы «Развитие территориального общественного самоуправления в городе Пензе и поддержка местных инициатив на 2020–2026 годы» : постановление Администрации г. Пензы от 03.10.2019 № 1915 // Пенза. 2019. № 37. 11 окт.

19. Об утверждении Порядка предоставления грантов в виде субсидий на реализацию социально значимых проектов по вопросам местного значения в целях поддержки и развития территориального общественного самоуправления и инициатив жителей в городе Пензе : постановление Администрации г. Пензы от 29.04.2022 № 596 // Официальный вестник города Пензы. URL: <http://vestnik-penza.ru/upload/iblock/c78/596.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).
20. О предоставлении грантов из местного бюджета муниципального района «Ровенский район» на поддержку проектов, реализуемых территориальными общественными самоуправлениями на территории Ровенского района : постановление администрации муниципального района «Ровенский район» Белгородской обл. от 12.08.2019 № 391. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. ТОС «Гармония» – проект «Установка памятника землякам-участникам ВОВ «Память поколений». URL: <https://guvp.khabkrai.ru/Deyatelnost/TOS/Realizovannye-proekty-TOS/2022-god/4528> (дата обращения: 27.08.2023).
7. Malyi A. F. Territorial public self-government in the local self-government system. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2021, no. 6, pp. 66–70 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-6-66-70>, EDN: CMCDRO
8. Popova N. F. *Pravovoe obespechenie gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Legal support of state and municipal administration]. Moscow, Yurayt, 2023. 240 p. (in Russian).
9. Boiko N. S. *Munitsipal'noe pravo* [Municipal law]. Moscow, Yurayt, 2023. 430 p. (in Russian).
10. *Federal expert hearings on the topic: "On the development of territorial public self-government, local communities and forms of citizen participation in the implementation of local and public self-government" (remotely held, May–June 2020): recommendations: approved on June 22, 2020.* Available at: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/UTV._REKOMENDACII_ITOG_22_06_20.pdf (accessed August 23, 2023) (in Russian).
11. *Munitsipal'noe pravo Rossii* [Avak'ian S. A. (ed.) Municipal Law of Russia]. Moscow, Prospekt, 2021. 656 p. (in Russian).
12. Avak'ian S. A. *Konstitutsionnyi leksikon: Gosudarstvenno-pravovoi terminologicheskii slovar'* [Constitutional lexicon: State-legal terminological dictionary]. Moscow, Yustitsinform, 2015. 640 p. (in Russian).
13. Brattseva E. A. *Territorial public self-government as an element of institutionalization of local communities.* Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2021. 274 p. in Russian).
14. Lar'kina A. P., Malyi A. F. *Organy territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya* [Bodies of territorial public self-government]. Saransk, Mordovia State University Publ., 1993. 68 p. (in Russian). EDN: XPWDQL
15. *Sistema mestnogo samoupravleniya* [Prokof'ev S. E., Panina O. V., Eremin S. G., Musinov N. N. (eds.). Local government system]. Moscow, Yurayt, 2023. 118 p. (in Russian).
16. On the republican contest “The Best territorial public self-government of the Year of the Republic of Tatarstan”. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan no. 391 of June 1, 2015. *Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan i normativnykh aktov respublikanskikh organov ispolnitel'noy vlasti* [Collection of resolutions and orders of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan and normative acts of the republican executive bodies and authorities], 2015, no. 53, art. 1807 (in Russian).
17. Budget Code of the Russian Federation 145-FZ of July 31, 1998. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 31, art. 3823 (in Russian).
18. On approval of the municipal program “Development of territorial public self-government in the city of Penza and support of local initiatives for 2020–2026”. Resolution of the Penza City Administration no. 1915 of October 3, 2019. *Penza*, 2019, no. 37, October 11 (in Russian).

References

1. Nigmatzjanov A. A. Legal motivation as a way of influencing the participants of the electoral process. *Citizen Elections Authority*, 2023, no. 4 (30), pp. 57–65 (in Russian). EDN: VPUFVQ
2. On the General Principles of the Organization of Local Self-government in the Russian Federation. Federal Law 131-FZ of October 6, 2003 (an edition of August 4, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2003, no 40, art. 3822 (in Russian).
3. Malyi A. F., Nigmatzjanov A. A., Nikitenko I. G. The government by the people – the foundation of a democratic state. *The Rule of Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 3 (65), pp. 21–31 (in Russian). <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.3.2>, EDN: QUFYKU
4. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii»* [V. V. Babicheva, E. S. Shugrinov (eds.) Commentary on the Federal Law “On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”]. Moscow, Norma, 2021. 752 p. (in Russian).
5. What is TOS? *OATOS*. Site. Available at: <https://www.oatos.ru/o-nas/chto-takoe-tos> (accessed August 22, 2023) (in Russian).
6. Strategy for the development of territorial public self-government in the Russian Federation until 2030: adopted by decision no. 5 of the general meeting of OATOS of May 13, 2021. Moscow, 2021. *OATOS*. Site. Available at: <https://oatos.ru/tos-2030?ysclid=lxnhji0fj7595756023> (accessed August 27, 2023) (in Russian).

19. On approval of the Procedure for granting in the form of subsidies for the implementation of socially significant projects on local issues in order to support and develop territorial public self-government and initiatives of residents in the city of Penza. Resolution of the Penza City Administration no. 596 of April 29, 2022. *Ofitsial'nyy vestnik goroda Penzy* (Official bulletin of the city Penza). Available at: <http://vestnik-penza.ru/upload/iblock/c78/596.pdf> (accessed August 25, 2023) (in Russian).
20. On the provision of grants from the local budget of the municipal district "Rovensky district" to support projects implemented by territorial public self-governments in the territory of the Rovensky district: Resolution of the administration of the municipal district "Rovensky district" of the Belgorod region of August 12, 2019, no. 391. *ATP "Consultant"* [electronic resource] (in Russian).
21. *TOS "Garmoniya" – projekt "Ustanovka pamyatnika zemlyakam-uchastnikam VOV "Pamyat' pokoleniy"* (TOS "Harmony" – project "Installation of a monument to fellow countrymen who participated in the Second World War "Memory of Generations"). Available at: <https://guvp.khabkrai.ru/Deyatelnost/TOS/Realizovannye-proekty-TOS/2022-god/4528> (accessed August 27, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 15.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 15.05.2024; published 30.08.2024

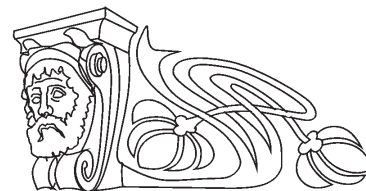

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 337–347
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 337–347
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-337-347>, EDN: UHSCYZ

Научная статья
УДК 342

Свобода творчества в системе конституционных прав и свобод (в свете конституционной реформы 2020 года)

Ю. А. Чулисова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чулисова Юлия Александровна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, ассистент кафедры теории государства и права, chulisowa.yuliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4069-5228>

Аннотация. Введение. Несмотря на статичность и неизменяемость норм главы 2 Конституции Российской Федерации, представляется возможным говорить об определенной динамике развития содержания прав и свобод человека и гражданина. Цель переосмысления норм Конституции РФ – совершенствование и актуализация законодательства, правоприменения и механизма защиты прав и свобод человека и гражданина. **Теоретический анализ.** Свободу творчества необходимо рассматривать как конституционно-правовой институт, включающий в себя нормативно-правовое регулирование отношений государства с гражданами, занимающимися творческой деятельностью, и их объединениями, установление принципов таких отношений, гарантий, ограничений и мер поддержки и развития творческих способностей личности, оценки результатов творческой деятельности как общественно значимого продукта, и как субъективную свободу, гарантиями которой являются невмешательство государства в самоопределение личности в вопросах творческой деятельности и защита ее прав на результаты интеллектуальной деятельности. **Эмпирический анализ.** Конституционализация духовно-нравственных ценностей нашла свое отражение в современной российской политике в сфере регулирования отношений, связанных со свободой творчества, поддержкой культуры, защитой национальной культурной идентичности. В результате конституционной реформы была закреплена система координат духовно-нравственного развития общества, что не может не повлиять на систему оценки результатов творческой деятельности, четко выражен общественный запрос на отражение в результатах творческой деятельности духовно-нравственных и социально ориентированных ценностей. **Результаты.** Свобода творчества выступает в качестве гарантии целого ряда конституционных прав и свобод человека, установленных Конституцией Российской Федерации. Ключевые принципы, цели и задачи сохранения и умножения культурного наследия и духовно-нравственного развития России, укрепление ее цивилизационной идентичности во взаимосвязи со свободой творчества красной нитью проходят сквозь все уровни законодательства, находя концептуальное развитие в федеральных законах и федеральных подзаконных нормативных правовых актах. В данных нормативных актах указываются ориентиры реализации свободы творчества и механизмы поддержки творческих проектов, направленных на развитие государственности, патриотизма и сохранение ценностей.

Ключевые слова: свобода творчества, конституционная реформа, культура, духовно-нравственные ценности, конституционные ценности, конституционализация

Для цитирования: Чулисова Ю. А. Свобода творчества в системе конституционных прав и свобод (в свете конституционной реформы 2020 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 337–347. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-337-347>, EDN: UHSCYZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Freedom of creativity in the system of constitutional rights and freedoms (in the light of the 2020 constitutional reform)

Yu. A. Chulisova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yulia A. Chulisova, chulisowa.yuliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4069-5228>

Abstract. Introduction. Despite the static nature and immutability of the norms of Chapter 2 of the Constitution of the Russian Federation, it seems possible to talk about a certain dynamics in the development of the content of human and civil rights and freedoms. The rethinking of the norms of the Constitution of the Russian Federation is aimed at improving and updating legislation, law enforcement and the mechanism for protecting human and civil rights and freedoms. **Theoretical analysis.** Freedom of creativity should be considered as a constitutional and legal institution, including the normative and legal regulation of relations between the state and citizens engaged in creative activities and

their associations, establishment of principles of such relations, guarantees, restrictions and measures to support and develop creative abilities of the individual, evaluation of the results of creative activity as a socially significant product, and as subjective freedom, with non-interference of the state in self-determination of the individual in matters of creative activity and protection of his / her rights to the results of intellectual activity being its guarantees. **Empirical analysis.** The constitutionalization of spiritual and moral values has been reflected in modern Russian policy of regulating relations related to freedom of creativity, support for culture, and protection of national cultural identity. As a result of the constitutional reform, the coordinate system of the spiritual and moral development of society was fixed, which cannot but affect the system of evaluating the results of creative activity, and the public demand for the reflection of spiritual, moral and socially oriented values in the results of creative activity was clearly expressed. **Results.** Freedom of creativity acts as a guarantee of a number of constitutional human rights and freedoms established by the Constitution of the Russian Federation. The key principles, goals and objectives of preserving and multiplying the cultural heritage and spiritual and moral development of Russia, strengthening its civilizational identity in conjunction with freedom of creativity run like a red thread through all levels of legislation, finding conceptual development in federal laws and federal subordinate regulatory legal acts. These normative acts specify guidelines for the implementation of creative freedom and mechanisms for supporting creative projects aimed at the development of statehood, patriotism and preservation of values.

Keywords: freedom of creativity, constitutional reform, culture, spiritual and moral values, constitutional values, constitutionalization

For citation: Chulisova Yu. A. Freedom of creativity in the system of constitutional rights and freedoms (in the light of the 2020 constitutional reform). *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 337–347 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-337-347>, EDN: UHSCYZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Права и свободы в современном понимании представляют собой неотъемлемые условия развития личности и определяют меру возможного поведения человека. Субъективная свобода личности, как и субъективное право, определяется через философско-правовую категорию «возможность» избрать ту или иную модель поведения, не противоречащую законодательству. Состояние обеспеченности прав и свобод свидетельствует о стабильности правовой системы и балансе отношений человека, общества и государства.

Несмотря на статичность и неизменяемость норм гл. 2 Конституции Российской Федерации, представляется возможным говорить об определенной динамике развития содержания прав и свобод человека и гражданина.

Целесообразно рассматривать содержание прав и свобод, их динамику с учетом ценностно-нормативной специфики, которая исторически заложена в основу российской государственности, сформированной под влиянием культурно-исторического и этноконфессионального аспекта. Генезис содержания прав и свобод с учетом социально-культурного аспекта поддерживает Е. А. Лукашева: «...цивилизационный подход открывает новые возможности в исследовании проблемы прав человека, вопроса об их универсальности на современном этапе развития человечества» [1, с. 116].

Переосмысление норм Конституции Российской Федерации продиктовано целью непрерывного совершенствования и актуальной конкретизации законодательства, правоприменения и механизма защиты прав и свобод человека и гражданина.

Рассмотрим способы развития субъективных конституционных прав и свобод на примере свободы творчества.

Для этого представляется необходимым сначала изучить сложившиеся в научно-правовой литературе теоретико-методологические подходы к пониманию свободы творчества, ее месту в системе конституционных прав и свобод, а затем рассмотреть эволюцию конституционно-правового содержания свободы творчества в свете конституционной реформы 2020 г.

Теоретический анализ

В Конституции Российской Федерации понятие «творчество» упоминается трижды: провозглашается свобода выбора языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26); гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания (ч. 1 ст. 44); указывается, что депутаты Государственной Думы не могут заниматься оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной или иной творческой деятельности (ч. 3 ст. 97) [2].

В научной литературе в целом сложилась концепция конституционной свободы творчества как невмешательства в осуществляемый личностью процесс создания литературных, художественных, научных и иных оригинальных произведений, за исключением случаев злоупотребления данной свободой, создающих угрозу причинения вреда личности и обществу.

Например, М. В. Баглай следующим образом объясняет конституционное содержание свободы творчества: «...закрепление этой свободы

означает, что органы государственной власти и местного самоуправления не имеют права вмешиваться в творческую деятельность граждан, диктовать им, что и как надо писать или публиковать. Этого не могут делать и творческие объединения (союзы писателей, художников и др.), которые в прошлом выступали как проводники жесткого партийного контроля над творческой мыслью». Далее ученый отмечает, что «всемерно поддерживая свободу творчества и создавая условия для ее реализации, закон в то же время напоминает о недопустимости использования этой свободы во вред обществу, другим людям. Государство обязано противостоять “творчеству”, направленному на пропаганду насилия, жестокости, порнографии, разжигание расовой и национальной вражды, религиозной и классовой нетерпимости» [3, с. 291].

Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин, рассуждая о значении конституционной нормы, закрепляющей свободу творчества, делают выводы, что «важным условием обеспечения свободы научного, технического и художественного творчества является снятие существовавших прежде идеологических ограничений, затрагивающих не только науку, прежде всего общественную, но и искусство, художественные направления. Однако положительное значение этого фактора снижается слабой поддержкой науки и искусства государством, по-прежнему остаточным принципом финансирования учреждений данного рода, переводом многих из них на самоокупаемость, на коммерческие основы деятельности» [4, с. 249].

Б. С. Эбзеев нормативный смысл провозглашения свободы творчества видит в «запрете для государства, его органов и должностных лиц вмешиваться в творческую деятельность граждан и иных лиц, пребывающих на территории России» [5, с. 403].

В значительной степени отличается методологический подход Д. С. Шапоровой, разделяющей понятия «свобода творчества» и «право на свободу творчества». Свобода творчества в ее исследовании представлена как принцип демократического общества, в соответствии с которым духовная жизнь не должна находиться под жестким контролем государства, а право на свободу творчества – как «комплексное субъективное право, состоящее из таких правомочий как: возможность совершения определенных действий; возможность требования соответствующего поведения от обязанного лица; право притязания; возможность возникновения отношений по пользованию определенным благом» [6, с. 45].

Концепция «права на свободу творчества», как позитивного права, представляется уязвимой, поскольку она исходит из уравнивания конституционных прав и свобод и не учитывает особенностей правовой природы субъективных свобод.

Важно отметить, что субъективные свободы носят естественно-правовой характер, не производны от государства и могут быть реализованы без его позитивного и непосредственного участия. В этой связи провозглашение той или иной субъективной свободы означает «запрещение эту свободу отрицать или ограничивать, обращенное к неопределенному кругу субъектов, обязанных уважать эту свободу, т.е. к любому возможному нарушителю свободы» [7, с. 120–121].

По мнению А. В. Малько и В. А. Терехина, использование понятия «свобода личности» «делает акцент именно на свободном, максимально самостоятельном самоопределении человека. Государство должно стремиться к минимальной регламентации поведения людей, обеспечивая их свободы своим собственным невмешательством и охраной от неправомерного воздействия иных субъектов социальных связей. Только сам гражданин, будучи лично самостоятельным и независимым, решает, как, когда и в каких формах реализовать принадлежащие ему свободы» [8, с. 14].

Отличие субъективных свобод от субъективных прав, по мнению Б. С. Эбзеева, состоит в том, что закрепление свобод личности «призвано обеспечить индивидуальную автономию личности в некоторых жизненно важных ее проявлениях. Одновременно Конституция устанавливает пределы этой свободы, в которых граждане и их ассоциации действуют по своему усмотрению и самостоятельны в выборе способов реализации соответствующих свобод... Основные права отличаются возможностью требовать от государства положительной деятельности по их обеспечению» [9, с. 207–208].

В целом, представляется неверным отождествлять субъективную свободу творчества с субъективным правом, включающим определенный перечень правомочий.

Однако можно согласиться с Д. С. Шапоровой, что конституционное положение о свободе творчества не сводимо только к гарантиям субъективной свободы.

На этот аспект свободы творчества обращает внимание и Е. В. Сазонникова, указывающая, что, с одной стороны, «свобода творчества индивида не поддается правовому регулированию

в том смысле, что она раскрывается только в его (индивида) внутреннем опыте, творческий процесс неалгоритмичен (он регулирует сам себя); через творчество человек реализует себя как субъект культуры», с другой – «свобода творчества – неотъемлемая составляющая духовной жизни общества, демократической традиции, правового государства; она заключает в себе сложный комплекс прав, интересов, общественных потребностей, обязанностей и неизбежных ограничений» [10, с. 53–54].

Скорее, следует говорить о возможности рассматривать свободу творчества как конституционно-правовой институт (свобода творчества в объективном смысле) и как индивидуальную свободу (свобода творчества в субъективном смысле). Конституционно-правовой институт свободы творчества включает в себя: нормативно-правовое регулирование отношений государства с гражданами, занимающимися творческой деятельностью, и их объединениями; установление принципов таких отношений, гарантий, ограничений и мер поддержки и развития творческих способностей личности, оценки результатов творческой деятельности как общественно значимого продукта.

Свобода творчества в субъективном смысле является неотъемлемым элементом свободы личности в целом.

Это можно проследить, обратившись к анализу того, какое место в системе конституционных прав и свобод занимает свобода творчества.

Глава 2 Конституции РФ закрепляет широкий круг личных, политических, социальных и экономических свобод, из которых можно выделить «мировоззренческие» [11, с. 13] свободы, неразрывно связанные со свободой творчества.

Среди личных и политических прав и свобод к таким можно отнести:

- свободу выбора языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26);
- свободу совести и вероисповедания (ст. 28);
- свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29);
- свободу искать, получать, передавать, производить и распространять информацию (ч. 4 ст. 29);
- свободу массовой информации и запрет цензуры (ч. 5 ст. 29).

Свобода личности в конституционном праве понимается как статусное, неотчуждаемое, гарантированное и охраняемое государством состояние независимости индивида, познающего

правовую действительность и действующего в соответствии с познанным, разумно сочетающего свои интересы с интересами иных субъектов права и общества [12, с. 8].

С категорией свободы творчества тесно связана свобода совести и вероисповедания, провозглашенная в ст. 28 Конституции РФ. «Гарантирование конфессиональной и нравственно-этической свободы создает предпосылки для духовного самоопределения личности, формирования в человеке целостной системы мировоззренческих взглядов» [13, с. 43]. Свободу совести С. А. Авакьян подразделяет на два проявления – «свободу морально-этических воззрений человека и внутреннюю (духовную) возможность личности выбрать себе подобный идеал и поклоняться ему» (цит. по: [14, с. 105]). Религиозные переживания представляют собой сильнейшие чувства, которые испытывает человек, поскольку вера может сопровождать его всю жизнь или отдельные наиболее значимые периоды жизни. Религиозной мыслью и символикой проникнуто много произведений, составляющих золотой фонд российской культуры.

Свобода мысли неотделима от свободы творчества. Как отмечает Е. В. Дарморгай, «свобода творчества – это процесс неосознанного (интуитивного) или осознанного (на основе рефлексивного анализа) выбора субъектом своих общих жизненных мировоззренческих сфер деятельности и конкретных способов их реализации. Подобный выбор должен соответствовать природной предрасположенности к этой деятельности и закрепленной (посредством рефлексивной культуры) сложившейся системе ценностных ориентиров личности» [15, с. 7].

Свобода мысли предполагает право на инакомыслие, подразумевающее свойство личности по-своему воспринимать действительность, не поддаваясь влиянию коллективных настроений или же критически их осмысливая.

Следует учитывать, что сама мысль, как и творческая идея, не может нанести вреда обществу независимо от того, какое содержание она имеет, но до того момента, пока не воплотилась в конкретное действие. В этом смысле свобода мысли и свобода творчества обладают схожими механизмами реализации.

Свобода слова является логическим продолжением свободы мысли, одним из способов ее выражения. Именно через свободу слова возможно раскрытие творческого потенциала и замыслов автора.

Эффективная реализация права на свободу творчества возможна при условии создания благоприятной правовой среды для ее развития, т. е. установления верховенства демократического права во взаимоотношениях авторов и редакций средств массовой информации с органами государственной власти, со структурами гражданского общества и отдельными гражданами.

Одной из гарантий свободы творчества и творческого развития является провозглашенный в ч. 5 ст. 29 Конституции РФ запрет цензуры. Как отмечает С. А. Куликова, «чиновники царской цензуры активно вмешивались в творческий процесс, изымая фрагменты текстов, которые казались им предосудительными. В советский период партийная цензура определяла направления и принципы литературной критики, запрещая целые направления (например, формализм, абстракционизм и др.)» [16, с. 136]. Таким образом, цензура препятствовала реализации свободы творчества.

В категории социально-экономических свобод, наиболее тесно связанных со свободой творчества, можно выделить:

– свободу деятельности общественных объединений (ч. 1 ст. 30);

– свободу распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37).

Важным аспектом развития творческой личности является создание и функционирование творческих объединений в контексте провозглашенной Конституцией Российской Федерации свободы деятельности общественных объединений. Право на объединение позволяет реализовать объединяющие участников цели и интересы на основе принципов добровольности, равноправия, самоуправления и законности.

Творческие объединения способствуют общению художников, скульпторов, композиторов, театральных деятелей. Творческий диалог способствует свободному самовыражению и креативности личности, именно поэтому главное назначение творческих объединений заключается в создании, сохранении и передаче культурного наследия, а также в формировании условий реализации и развития творческого начала единомышленников [17, с. 382].

Часть 1 ст. 37 Конституции РФ провозглашает свободу распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. По мнению А. Б. Кушнира, творческий труд – это «сложная интеллектуальная деятельность, насыщенная или содержащая в себе творческие

элементы, несущая характер полезности. Оценка творчества, как правило, производится с позиции сложности и меры социальности результата или его общественной значимости» [18, с. 12].

Творческий труд во многом обусловлен особенностями личности. Он может быть реализован как индивидуальное право, поскольку в своей деятельности личность стремится в первую очередь к реализации своего собственного потенциала, раскрытию имеющихся личностных ресурсов с целью достижения результата в форме качественно нового продукта. Однако творческий труд в некоторых случаях может иметь и коллективный характер, создание творческой продукции предполагает обязательное сотрудничество творческого коллектива. Неотъемлемым компонентом труда является предвидение, позволяющее строить прогнозы относительно конечного результата деятельности. Применительно к творческому труду полученный результат не всегда полностью соответствует первоначальному замыслу, а иногда носит и прямо противоположный характер, поэтому в творческой деятельности присутствует элемент рискованности, что переводит проекты в сфере творческого труда в категорию менее прогнозируемых.

Традиционно свобода творчества является ключевым компонентом культурных прав человека, поскольку объекты культуры и науки – результат литературного, художественного, научного, технического и других видов творческой деятельности отдельной личности или творческих коллективов, и их значимость напрямую зависит от творческого потенциала личности. В свою очередь, назначение культурных прав во взаимодействии со свободой творчества состоит:

– в развитии творческих сил и способностей личности в результате познания закономерностей физического, социального и духовного мира;

– в создании новых результатов литературного, художественного, научного, технического и других видов творческой деятельности;

– в выработке морально-нравственных и эстетических критериев оценивания материальных и нематериальных культурных ценностей;

– в получении возможности участия в культурной жизни и пользования учреждениями культуры, доступа к культурным ценностям с целью удовлетворения духовных потребностей.

Таким образом, провозглашение свободы творчества способствует конкретизации правового статуса личности, а также реализации личных, политических, социально-экономических и культурных прав и свобод.

В целом, в гл. 2 Конституции Российской Федерации подход к свободе творчества можно охарактеризовать как персонцентрический и негативный. Персонцентризм проявляется в том, что свобода творчества гарантирует максимально самостоятельное определение поведения личности в вопросах творческой деятельности и защиту ее прав на результаты интеллектуальной деятельности. Негитивизм представленного конституционного подхода проявляется в гарантиях невмешательства государства и общества в творческую деятельность личности и отсутствии каких-либо требований и условий к результату творческой деятельности как общественно значимому продукту духовной культуры.

Эмпирический анализ

Описанное выше содержание свободы творчества и ее соотношение с другими правами и свободами не могло подвергнуться изменению в силу неизменяемости гл. 2 Конституции РФ, устанавливающей правовой статус личности.

Тем не менее, в результате конституционной реформы 2020 г. произошло развитие конституционных норм, в том числе в отношении государственной политики правового регулирования в сфере культуры.

Например, в продолжение положения ч. 2 ст. 26 Конституции РФ о свободе выбора языка общения, воспитания, обучения и творчества Конституции РФ после поправок 2020 г. в ч. 4 ст. 68 появилась норма, провозглашающая культуру уникальным наследием многонационального народа Российской Федерации и устанавливающая, что культура поддерживается и охраняется государством. Часть 2 ст. 69 Конституции РФ гарантирует защиту культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации и сохранение этнокультурного и языкового многообразия. Пункт «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ предусматривает обязанность Правительства РФ обеспечивать проведение единой социально ориентированной государственной политики в области культуры. Из этих конституционных норм логически следует задача по созданию эффективных механизмов поддержки и охраны государством многонациональной культуры, что создает дополнительные гарантии для реализации свободы творчества на родном языке.

Кроме того, в результате конституционной реформы 2020 г. в Конституцию РФ были внесены нормы, имеющие духовно-нравственное

ценностное начало, такие как преемственность в развитии Российского государства, многонациональный союз равноправных народов, вера в Бога, культурное наследие многонационального народа, культурная идентичность, ценность семьи, защита исторической правды, патриотизм, гражданственность, уважение к старшим, уважение к человеку труда, экономическая, политическая и социальная солидарность и др.

Применительно к свободе творчества можно выделить различные аспекты конституционно-правового влияния на реализацию указанной свободы.

Например, положение о том, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» (ч. 3 ст. 67.1) призвано в том числе препятствовать созданию произведений, дискредитирующих память защитников Отечества, искажающих историческую правду, принижающих или отрицающих подвиг защитников Отечества.

В более широком плане можно сказать, что в результате принятия конституционных поправок 2020 г. была закреплена система координат духовно-нравственного развития общества, которая в значительной степени отличается от существовавшей прежде. Этот фактор не может не повлиять на систему оценки результатов творческой деятельности.

Значение конституционных ценностей неоднократно подчеркивалось в научной литературе. Например, В. В. Невинский указывал, что поскольку Конституция выступает в качестве «ядра» правовой системы, то «провозглашаемые ею ценности подчинены общему процессу развития правовой системы и одновременно служат ориентиром для развития этой системы» [19, с. 107].

В этой связи закрепление новых аксиологических основ в тексте Конституции РФ существенно повлияло на правовое регулирование отношений между личностью, обществом и государством, в том числе на систему гарантий и ограничений реализации прав и свобод личности. В результате конституционной реформы, как отмечает Г. Н. Комкова, «регулятивная функция Конституции получила значительное расширение, поскольку в орбиту правового регулирования на конституционном уровне попали категории и явления, ранее находившиеся за рамками конституционно-правового воздействия» [20, с. 108].

Конституционализация духовно-нравственных ценностей нашла свое отражение в современной российской политике в сфере регулирования отношений, связанных со свободой творчества, поддержкой культуры, защитой национальной культурной идентичности. В этой сфере в настоящее время приняты четыре основополагающих акта: Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808 [21], Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р [22], Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [23], и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [24]. Принципы, установленные данными нормативными актами, формируют тесно связанную систему представлений о месте, роли и перспективах развития России как современного, целостного и независимого государства, со своей самобытной культурой, вековым наследием и традициями.

Применительно к свободе творчества можно отметить, что Основы государственной культурной политики наряду с конституционным принципом свободы творчества и невмешательства государства в творческую деятельность вводят и другие принципы культурной политики, такие как делегирование государством части полномочий по управлению сферой культуры институтам гражданского общества; создание условий для воспитания и развития детей на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей; защита традиционных семейных ценностей и института брака как союза мужчины и женщины; приоритетная государственная поддержка культурной деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторической памяти и защиту исторической правды и т.п.

Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [24] определяет традиционные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе

общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

Недавно принятый Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [25] к основным задачам государственной политики в области исторического просвещения относит следующие:

– совершенствование системы контроля качества содержания историко-просветительских и образовательных программ в области истории и культуры, разрабатываемых в том числе для подготовки научно-педагогических кадров;

– совершенствование системы научной экспертизы содержания издаваемой исторической литературы, а также содержания экскурсионных программ в музеях и организациях культуры.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации большое внимание уделяет защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуре и исторической памяти, указывая, что все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы; насаждение чуждых идеалов и ценностей разрушает фундамент культурного суверенитета, подрывает основы политической стабильности и государственности, и ставит ряд задач для защиты.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей ориентируют на сохранение и укрепление традиционных ценностей путем пресечения распространения деструктивной идеологии в области образования и воспитания, культуры, науки, средств массовой информации и массовых коммуникаций.

Еще один аспект, связанный с реализацией свободы творчества и защитой информационного и культурного суверенитета России, отражается в ограничении иностранного влияния на субъекты творческой деятельности.

Как указывалось выше, ч. 3 ст. 97 Конституции предусмотрено, что депутат Государственной Думы не может заниматься предпринимательской и другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельностью. Тем самым

Конституция, видимо с учетом естественного характера свободы творчества, не ограничивает возможность депутатов заниматься творческой деятельностью.

Однако п. «в» ч. 2 ст. 6 Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 08.05.1994 № 3-ФЗ, повторяя конституционную формулировку, предусматривает, что «при этом преподавательская, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, если иное не предусмотрено международным договором или законодательством РФ» [26].

Подобная норма содержится в ч. 6 ст. 19 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ, регулирующего правовой статус депутатов законодательных собраний субъектов Российской Федерации [27].

Итак, можно сделать вывод, что в конституционных поправках 2020 г., законодательстве, документах стратегического развития Российской Федерации четко выражен общественный запрос на отражение в результатах творческой деятельности духовно-нравственных и социально ориентированных ценностей, а также на защиту культурной идентичности России. Это свидетельствует о том, что происходит формирование нового подхода к творческой деятельности, результаты которой влияют на духовное и культурное развитие общества.

Результаты

Таким образом, свободу творчества следует рассматривать в качестве гарантии целого ряда конституционных прав и свобод человека, установленных Конституцией Российской Федерации. Следует констатировать усиление значимости свободы творчества в контексте конституционных поправок, касающихся духовной сферы жизни общества и формирования национальной культурной идентичности и преемственности поколений.

Провозглашение свободы творчества способствует конкретизации правового статуса личности и реализации следующих прав и свобод.

Личные и политические права и свободы, к которым можно отнести: свободу выбора языка общения, воспитания, обучения и творчества и свободу совести и вероисповедания; свободу мысли и слова; свободу искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, позволяя полноценно исследовать необходимые источники информации и объективировать результаты творческой деятельности, популяризировать их, свободу массовой информации.

В категории экономических свобод можно выделить связь свободы творчества со свободой деятельности общественных объединений и свободой распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, отмечая специфику творческой деятельности.

Ключевые принципы, цели и задачи сохранения и умножения культурного наследия и духовно-нравственного развития России, укрепление ее цивилизационной идентичности во взаимосвязи со свободой творчества красной нитью проходят сквозь все уровни законодательства, находя концептуальное развитие в федеральных законах и федеральных подзаконных нормативных правовых актах. В указанных нормативных актах указываются ориентиры реализации свободы творчества и механизмы поддержки творческих проектов, направленных на развитие государственности, патриотизма и сохранения ценностей.

Необходимость указанного процесса продиктована генезисом сущности прав человека, расширением количества этих прав, поиском новых эффективных механизмов их защиты, а также происходящими в Российском государстве и на международном уровне историческими событиями.

Трансформация содержания конституционных норм, закрепляющих права и свободы человека и гражданина, рассмотренная нами на примере свободы творчества, может осуществляться путем:

- 1) внесения изменений в гл. 3–8 Конституции Российской Федерации с целью уточнения и расширения обязанностей органов публичной власти по признанию, соблюдению и защите прав и свобод личности, в результате чего происходит закрепление дополнительных гарантий и ограничений субъективных прав и свобод, а также новых возможностей их реализации;

2) закрепление новых положений в действующем законодательстве, значительно увеличивающем или ограничивающем объем того или иного субъективного конституционного права или свободы;

3) установления системы ценностных приоритетов и основанных на них мерах государственной поддержки, а также механизмов государственного и общественного контроля в документах стратегического планирования.

Список литературы

1. Лукашева Е. А. Права человека в контексте конфликта культур // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77, № 2. С. 115–120.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2024).
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2007. 784 с.
4. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби ; Проспект, 2008. 608 с.
5. Эбзеев Б. С. Конституционное право России: учебник. М. : Проспект, 2019. 768 с.
6. Шапорева Д. С. Конституционное право человека и гражданина на свободу творчества в современной России. Саратов : Изд-во СГЮА, 2010. 180 с.
7. Комкова Г. Н., Колесников Е. В., Липчанская М. А. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. 6-е изд., изм. доп. М. : Юрайт, 2021. 449 с.
8. Малько А. В., Терехин В. А. Субъективные права, свободы и законные интересы личности как самостоятельные объекты правовой защиты // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4 (22). С. 7–18.
9. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М. : Юридическая литература, 2005. 574 с.
10. Сазонникова Е. В. Содержание свободы творчества в конституционном праве России // Журнал российского права. 2009. № 5 (149). С. 52–59. EDN: LDLSOR
11. Тагиева Т. Ю. Конституционно-правовое регулирование свободы совести в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 27 с.
12. Вершинина Ю. В. Свобода личности в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 26 с.
13. Саудаханов М. В. Система культурных прав и свобод человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2 (32). С. 40–43. EDN: MNIKKQ
14. Булавина М. А. Свобода совести и свобода вероисповедания: конституционно-правовой аспект // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10, № 3 (24). С. 104–108.
15. Дарморгай Е. В. Свобода и научное творчество : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2010. 15 с.
16. Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в России. М. : Проспект, 2017. 256 с.
17. Ерасов Б. С. Социальная культурология. М. : Аспект Пресс, 2000. 591 с.
18. Кушнир А. Б. Оценка и оплата творческого труда : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2017. 23 с.
19. Невинский В. В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex Russica. 2018. № 11 (144). С. 106–121. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.144.11.106-121>, EDN: YPCIWT
20. Комкова Г. Н. Модернизация функций Конституции России в период конституционной реформы 2020 года // Правовая культура. 2022. № 1 (48). С. 108–109. EDN: GNIGVL
21. Об утверждении Основ государственной культурной политики : указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 (ред. от 25.01.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 52 (ч. 1), ст. 7753.
22. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 11, ст. 1552.
23. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.
24. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46, ст. 797.
25. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20, ст. 2587.
26. О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994, № 2, ст. 74 ; 2024. № 23 (ч. 1), ст. 3046.

27. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 15.05.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52 (ч. 1), ст. 8973 ; 2024. № 23 (ч. 1), ст. 3046.

References

1. Lukasheva E. A. Human rights in the context of cultural conflict. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2007, vol. 77, no. 2, pp. 115–120 (in Russian). EDN: HZUNOZ
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020, Federal Constitutional Law 5-FKZ of October 4, 2022, Federal Constitutional Law 6-FKZ of October 4, 2022, Federal Constitutional Law 7-FKZ of October 4, 2022, Federal Constitutional Law 8-FKZ of October 4, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416; *Official Internet portal of legal information*. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed May 5, 2024) (in Russian).
3. Baglay M. V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation]. 6th ed., rev. and add. Moscow, Norma, 2007. 784 p. (in Russian).
4. Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. 4th ed., rev. and add. Moscow, TK Velby, Prospekt, 2008. 608 p. (in Russian).
5. Ebzeev B. S. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Moscow, Prospekt, 2019. 768 p. (in Russian).
6. Shaporeva D. S. *Konstitutsionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na svobodu tvorchestva v sovremennoy Rossii* [The constitutional right of man and citizen to freedom of creativity in modern Russia]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2010. 180 p. (in Russian).
7. Komkova G. N., Kolesnikov E. V., Lipchanskaya M. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation]. 6th ed., rev. and add. Moscow, Yurayt, 2021. 449 p. (in Russian).
8. Mal'ko A. V., Terekhin V. A. Subjective rights, freedoms and legitimate interests of the individual as independent objects of legal protection. *Leningrad Legal Journal*, 2010, no. 4 (22), pp. 7–18 (in Russian).
9. Ebzeev B. S. *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii* [Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 2005. 574 p. (in Russian).
10. Sazonnikova E. V. Content of freedom of creativity in Russian legislation. *Journal of Russian Law*, 2009, no. 5 (149), pp. 52–59 (in Russian). EDN: LDLSOR
11. Tagieva T. Yu. *Constitutional and legal regulation of freedom of conscience in the Russian Federation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Ekaterinburg, 2003. 27 p. (in Russian).
12. Vershinina Yu. V. *Personal freedom in the constitutional law of the Russian Federation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Tyumen, 2006. 26 p. (in Russian).
13. Saudahanov M. V. The system of cultural rights and freedoms of man and citizen in the Constitution of the Russian Federation. *Investigation of Crimes: Problems and Solution*, 2021, no. 2 (32), pp. 40–43 (in Russian). EDN: MNIKKQ
14. Bulavina M. A. Freedom of conscience and freedom of religion: Constitutional and legal aspects. *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsiy*, 2019, vol. 10, no. 3 (24), pp. 104–108 (in Russian).
15. Darmogaj E. V. *Freedom and scientific creativity*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.). Saratov, 2010. 15 p. (in Russian).
16. Kulikova S. A. *Konstitutsionnyy zapret tsenzury v Rossii* [Constitutional ban on censorship in Russia]. Moscow, Prospekt, 2017. 256 p. (in Russian).
17. Erasov B. S. *Sotsial'naya kul'turologiya* [Social cultural studies]. Moscow, Aspekt Press, 2000. 591 p. (in Russian).
18. Kushnir A. B. *Evaluation and payment of creative work*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Econ.). Moscow, 2017. 23 p. (in Russian).
19. Nevinsky V. V. Essence of the universalization of constitutional values in modern society. *Lex Russica*, 2018, no. 11 (144), pp. 106–121 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.144.11.106-121>, EDN: YPCIWT
20. Komkova G. N. Modernization of functions of the Russian Constitution in the period of constitutional reform in 2020. *The Legal Culture*, 2022, no. 1 (48), pp. 108–109 (in Russian).
21. On approval of the Fundamentals of State Cultural Policy. Decree of the President of the Russian Federation no. 808 of December 24, 2014 (an edition of January 25, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 52 (pt. I), art. 7753 (in Russian).
22. On approval of the Strategy of State Cultural Policy for the period until 2030. Decree of the Government of the Russian Federation no. 326-r of February 29, 2016 (an edition of March 30, 2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2016, no. 11, art. 1552 (in Russian).
23. On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2021, no. 27 (pt. II), art. 5351 (in Russian).

24. On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values. Decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2022, no. 46, art. 797 (in Russian).
25. On approval of the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the field of historical education. Decree of the President of the Russian Federation no. 314 of May 8, 2024. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2024, no. 20, art. 2587 (in Russian).
26. On the status of a senator of the Russian Federation and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Federal Law 3-FZ of May 8, 1994 (an edition of May 29, 2024). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 2, art. 74; 2024, no. 23 (pt. 1), art. 3046 (in Russian).
27. On the general principles of the organization of public power in the constituent entities of the Russian Federation. Federal Law 414-FZ of December 21, 2021 (an edition of May 15, 2024). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2021, no. 52 (pt. 1), art. 8973; 2024, no. 23 (pt. 1), art. 3046 (in Russian).

Поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024;
принята к публикации 01.06.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 27.05.2024;
accepted for publication 01.06.2024; published 30.08.2024

Научная статья

УДК 342(470)(072.8)

Конституционно-правовой статус военнослужащего в Российской Федерации: понятие и элементы

К. А. Головко

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Головко Кирилл Александрович, аспирант кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева, golovkotrud@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8627-2660>

Аннотация. *Введение.* На протяжении всей истории России укрепление и защита государственного суверенитета были приоритетными направлениями развития страны. Формой защиты государственного суверенитета в том числе является военная защита. Соответственно, появляется необходимость изучения конституционно-правового статуса военнослужащего в России, включающего в себя как общие права и обязанности, так и специальные правомочия, обязанности, запреты, ограничения, а также гарантии, льготы и компенсации, обусловленные особым режимом выполнения поставленных профессиональных задач, функций и их последствий. Современный конституционно-правовой статус военнослужащего и его содержание трансформируются в соответствии с концепцией национальной безопасности Российской Федерации и политикой укрепления государственного суверенитета. Цель исследования – на основе совокупности теоретических взглядов и практики применения сформулировать классификацию элементов конституционно-правового статуса военнослужащего в Российской Федерации. *Теоретический анализ.* В России статус военнослужащих и членов их семей относится к категории специальных. Соответственно, данный статус включает в себя совокупность общих прав, свобод и обязанностей, вытекающих из универсального правового статуса личности и закрепленных в Конституции Российской Федерации, а также перечень специальных правомочий, обязанностей, запретов и ограничений, в совокупности с дополнительными гарантиями, льготами и компенсациями являющихся следствием выполнения профессиональных функций и их последствий, рода войск, занимаемой должности, условиями несения службы и других обстоятельств. Анализ теоретических исследований позволяет сделать вывод, что перечень элементов правового статуса личности в целом является открытым. Элементы правового статуса военнослужащего в России, как специального субъекта права, не определены, следовательно, есть необходимость не только их установления, но и выделения критериев разграничения статуса военнослужащего в зависимости от режима несения службы и других обстоятельств. *Эмпирический анализ.* Нормативно-правовое регулирование статуса военнослужащих в России связано с расширением элементов гарантирования их основных прав и свобод и предоставления дополнительных льгот и компенсаций как непосредственно военнослужащим, так и членам их семей. Конституционно-правовая основа рассматриваемого статуса заключается в сочетании федерального и регионального регулирования и создания дополнительных социальных гарантий, в том числе на уровне местного самоуправления. *Результаты.* Элементами рассматриваемого статуса являются права, свободы, обязанности, ответственность, ограничения, запреты, гарантии и компенсации. Вместе с тем объем реализации элементов специального правового статуса военнослужащего в России не может быть универсальным. Целесообразно выделение категорий военнослужащих и установление объема их правомочий. Элементы специального правового статуса военнослужащего можно подразделить на общие, распространяющиеся на всех военнослужащих в РФ в целом; элементы статуса военнослужащего в Российской Федерации, вытекающие из особых условий несения службы (в зависимости от рода войск, занимаемой должности, территориальных особенностей несения службы); элементы статуса военнослужащего, связанные с выполнением функций в условиях специальных военных операций, военного времени. Отдельные элементы правового статуса военнослужащих в России при определенных условиях распространяются и на членов их семей и требуют особых режимов применения.

Ключевые слова: правовой статус военнослужащего, специальный правовой статус военнослужащего, элементы правового статуса военнослужащего, права и обязанности военнослужащего, гарантии военнослужащего, запреты и ограничения военнослужащего, льготы и компенсации военнослужащего, члены семьи военнослужащего

Для цитирования: Головко К. А. Конституционно-правовой статус военнослужащего в Российской Федерации: понятие и элементы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 348–353. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-348-353>, EDN: ZAYRDR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Constitutional and legal status of a serviceman in the Russian Federation: The concept and elements

K. A. Golovko

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Kirill A. Golovko, golovkotrud@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8627-2660>

© Головко К. А., 2024

Abstract. Introduction. Throughout the history of Russia, strengthening and protection of state sovereignty has been a priority for the country. One form of this protection is military defence. In order to understand the full extent of this responsibility, it is necessary to examine the constitutional and legal status of servicemen in Russia. This includes general rights, duties, and special powers and restrictions. Additionally, there are benefits and compensation for the unique challenges and responsibilities associated with military service. The current status of servicemen is being reformed in line with the national security strategy and policy to strengthen state sovereignty. The aim of the research is to develop a classification of components of the constitutional and legal position of a serviceman in the Russian Federation based on a range of theoretical perspectives and practical applications. **Theoretical analysis.** The position of military personnel and their family members in the Russian Federation falls within a special category. Consequently, this position encompasses a set of universal rights, freedoms, and obligations arising from the general legal status of individuals and enshrined in the Constitution of the Russian Federation. In addition, it includes a list of specific powers, obligations, prohibitions, and restrictions, along with additional safeguards, benefits, and compensations arising from the performance of professional duties and their associated consequences, such as rank, position, service conditions, and other factors. Through the review of theoretical literature, it can be concluded that the list of components of an individual's legal position is open-ended. The elements of the legal status of servicemen in Russia, as a specific category of individuals, have not been clearly defined. Therefore, there is a need to not only establish these elements, but also to identify criteria for differentiating the status of servicemen based on their mode of service and other relevant factors. **Empirical analysis.** The author suggests that the legal regulation of servicemen's status in Russia is linked to the expansion of measures to ensure their fundamental rights and liberties and provide additional benefits and compensation, both for servicemen themselves and their families. This is supported by the constitutional and legal framework, which includes the combination of federal, regional, and local regulations, as well as creation of social guarantees at various levels of government. The main elements of this status include rights, freedoms, obligations, responsibilities, limitations, prohibitions, guarantees, and compensations for servicemen. At the same time, it is not possible to universally implement the elements of the special legal status for servicemen in Russia. It would be advisable to identify certain categories of military personnel and determine the scope of their powers. **Results.** The elements of the special legal status for servicemen can be broadly categorized into general elements that apply to all servicemen in the Russian Federation; elements related to specific conditions of service, which may vary depending on the type of a military unit, position held, or territorial characteristics of the service; and elements related to performance of duties in conditions of military operations or wartime. Certain elements of the legal status for military personnel in Russia may also apply to their families under certain circumstances, and such elements require special application rules.

Keywords: legal status of servicemen, special legal status of servicemen, elements of the legal status of servicemen, rights and responsibilities of servicemen, guarantees for servicemen, prohibitions and limitations for servicemen, benefits and compensation for servicemen, family members of servicemen

For citation: Golovko K. A. Constitutional and legal status of a serviceman in the Russian Federation: The concept and elements. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 348–353 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-348-353>, EDN: ZAYRDR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На фоне международной нестабильности применения двойных стандартов, а порой и прямого нарушения основополагающих принципов международного права необходимо активизировать процесс укрепления элементов национального суверенитета и государственной целостности России и неприкосновенности ее границ, а также повышения уровня социальной защищенности граждан, включая специальных субъектов конституционно-правовых отношений. Б. С. Эбзеев утверждает: «Конституционализм является не застывшим, а развивающимся под влиянием исторической практики знанием; в идеале это такая концептуальная система, которая открыта социальному опыту соответствующего народа и отражает базовые смыслы цивилизации, в лоне которой развивался этот народ» [1, с. 22]. Анализ результатов исторического развития показал, что эффективная реализация стратегических целей и задач, обеспечение независимости России зависят от выполнения ряда условий, одним из которых является дальнейшее

совершенствование статуса военнослужащих в Российской Федерации и членов их семей, создание эффективной системы гарантий реализации их прав. В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации подчеркнул: «Сердце наполняется гордостью за бойцов специальной военной операции, такие не отступят, не предадут, им можно доверить Россию» [2]. Соответственно, необходимо изучение конституционно-правовой основы статуса военнослужащих в России и членов их семей, а также основных его элементов их содержания, особенностей гарантирования, применения, а также разграничения в зависимости от режима несения службы.

Теоретический анализ

Правовой статус личности рассматривается как центральное звено теоретических воззрений и правоприменительной практики. Существуют разные точки зрения по вопросу содержания правового статуса личности. В частности, Н. И. Матузов к элементам правового статуса личности относит: «...правовые нормы, право-

субъектность, субъективные права, свободы и обязанности, законные интересы, гражданство, юридическая ответственность, правовые принципы, правоотношения» [3, с. 59]. Военнослужащий относится к категории специального субъекта права. И. В. Кудрявцев, рассматривая содержание статуса военнослужащего, подчеркивает, что он «включает в себя совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности» [4, с. 2]. Вместе с тем данный подход можно признать ограниченным. Конституционно-правовой статус военнослужащего в Российской Федерации включает в себя совокупность прав, свобод, обязанностей, ответственности, а также ограничений, запретов, гарантий компенсаций, связанных с его реализацией в особом порядке. По утверждению Р. П. Мананковой, «это особое правовое состояние личности, обусловленное в самом общем плане выполняемой социальной ролью» [5, с. 18].

Специальный субъект права характеризуется категориями «специальная правосубъектность» и «специальный правовой статус». А. А. Стремоухов отмечает: специальный субъект права – это лицо, которое способно обладать и пользоваться правами, а также иметь обязанности в рамках отдельных институтов отраслей права (межотраслевых институтов) и участвовать в конкретных отношениях [6, с. 14]. «Специальный субъект права – это индивидуальное или коллективное лицо, которое установлено нормами института отрасли права с целью конкретизации и детализации объема его способности обладать правами и обязанностями и своими действиями приобретать их в правоотношениях специального вида» [6, с. 23]. Отличительными чертами специального субъекта права является наличие особых субъективных прав и обязанностей, установленных специальными нормативными актами различного уровня.

Элементы правового статуса военнослужащего отражают задачи, стоящие в сфере обеспечения национальной безопасности России и реализации стратегических целей и задач. Содержание конституционно-правового статуса военнослужащего в Российской Федерации включает в себя совокупность общих прав, свобод и обязанностей, вытекающих из универсального правового статуса личности и закрепленных в Конституции Российской Федерации, а также перечень специальных правомочий, обязанностей, запретов и ограничений, в совокупности с дополнительными гарантиями, льготами и

компенсациями являющимися следствием выполнения профессиональных функций и их последствий. Особенностью правового статуса военнослужащего является распространение его элементов на членов семьи военнослужащего. Соответственно, встает необходимость определить круг членов семьи военнослужащего в Российской Федерации и элементы его правового статуса, распространяющиеся на них.

Эмпирический анализ

Теоретическая концепция статуса военнослужащего как специального субъекта права отражает специфику его нормативного регулирования, которое осуществляется Основным законом России, федеральными законами, а также подзаконными актами, актами субъектов Российской Федерации и местного самоуправления. В данном случае можно говорить о закреплении элементов правового статуса военнослужащего, в том числе специальными нормами. И. Н. Сенякин отмечает: «Специальная норма – это общеобязательное государственное предписание... устанавливаемое с целью конкретизации и детализации, учета своеобразия и особенностей какого-либо вида (подвида) общественных отношений, род которых регулируется общей правовой нормой» [7, с. 54].

Детализация элементов правового статуса военнослужащего позволяет выделить в его содержании как непосредственно элементы специального правового статуса, так и исключения, которые не являются однородными по своему содержанию. «Специальные и исключительные нормы находятся в органичном единстве, не означая тем не менее их полной идентичности» [8, с. 336]. Специальная и исключительная нормы соотносятся следующим образом: каждую исключительную норму целесообразно относить к специальной, но не всякая специальная норма является исключительной.

Конституция Российской Федерации закрепляет общие основы правового статуса военнослужащего в России. Статья 59 закрепляет: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом» [9]. Соответственно, рамочным законом является Федеральный закон «О статусе военнослужащих» [10]. Конституционные поправки 2020 г. усилили значение Российского государства в поддержании международного мира и безопасности.

В частности, новая редакция ст. 79 Конституции России, не умаляя значения международного регулирования важнейших общественных отношений, подчеркнула значение национального законодательства: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». В 1990-х гг. отношение к международным источникам характеризовалось элементами «международного романтизма», порой в ущерб национальным интересам. То, что хорошо для одного государства, может быть губительно для другого. Внутригосударственное право должно защищать национальные и культурные традиции страны и способствовать развитию уникальной системы гарантирования государственной самобытности.

Россия традиционно играла большую роль в укреплении международного мира и безопасности, поэтому появление новой ст. 79.1 Конституции России свидетельствует о конституционном закреплении значения Российского государства в реализации международных принципов: «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства».

Помимо федерального законодательства, регулирующего статус военнослужащего в Российской Федерации, являющегося «основополагающим в сфере правового обеспечения военно-социальной политики Российского государства» [11, с. 129], интересен опыт регионального правового регулирования и местного самоуправления, направленный на дополнительную социальную поддержку военнослужащих и членов их семей на территории конкретного субъекта Российской Федерации. В частности, в Саратовской области действуют: Постановление Правительства Саратовской области от 24 октября 2022 г. № 1033-П «О предоставлении меры социальной поддержки в форме единовременной денежной выплаты лицам, призванным на военную службу по мобилизации либо заключившим контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации», Постановление Правительства Саратовской области от 15 апреля 2022 г. № 282-П «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты единовременного пособия

членам семей военнослужащих, лиц, заключивших контракт о пребывании в добровольческом формировании (о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации), лиц, проходивших службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имевших специальное звание полиции, погибших (умерших) при участии в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей и Украины», Постановление администрации МО «Город Саратов» № 4268 от 19 октября 2022 г. «О внесении изменений в постановление администрации муниципального образования “Город Саратов” от 11 января 2021 года № 21 “Об утверждении Положения о порядке оказания материальной поддержки, организации оздоровительного отдыха, реализации мероприятий социального характера”». В дополнение к вышеперечисленному списку нормативно-правовых актов регулирующих статус военнослужащего в Российской Федерации, следует добавить: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 8 (ред. от 28.06.2016) «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих»; решение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 2014 г. «Об утверждении обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за третий и четвертый кварталы 2013 года». Постановлением от 22 ноября 2013 г. № 25-П Конституционный Суд дал оценку конституционности ст. 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О статусе военнослужащих” и об обеспечении жилыми помещениями некоторых категорий граждан» [12]. Данные нормативно-правовые акты свидетельствуют о непосредственном участии судебной ветви власти в формировании статуса военнослужащего.

Результаты

Представленная теоретическая концепция содержания статуса специального субъекта права и его конституционно-правовое регулирование позволяют сделать вывод о разграничении всех элементов конституционно-правового статуса военнослужащего на универсальные, основанные на Конституции Российской Федерации и вытекающие из общих основ правового статуса личности, и специальные, обусловленные спецификой реализуемых отношений.

В свою очередь, элементы специального правового статуса можно подразделить на общие, распространяющиеся на всех военнослужащих в Российской Федерации в целом; элементы статуса военнослужащего в Российской Федерации, вытекающие из особых условий несения службы (в зависимости от рода войск, занимаемой должности, территориальных особенностей несения службы); элементы статуса военнослужащего в РФ, связанные с выполнением функций в условиях специальных военных операций, военного времени. «Защита основ конституционного строя является важнейшим направлением деятельности современного Российского государства. От успешного решения существующих проблем зависит будущее Российской Федерации как геополитической реальности, полноправного, суверенного субъекта международного права, великой державы прогресса, постоянного члена Совета Безопасности ООН» [13, с. 3].

Содержание правового статуса военнослужащего в своей основе опирается на общие принципы правового статуса личности, а также отражает особенности и условия несения службы. Рассматриваемый статус не может ограничиваться только дополнительными правами и свободами. «Содержание специального правового статуса не исчерпывается только совокупностью прав и свобод. Оно включает в себя еще один элемент, специальную правоспособность» [3, с. 19]. Соответственно, к элементам специального правового статуса военнослужащего в Российской Федерации целесообразно отнести: специальные правовые нормы, регламентирующие их содержание, специальные принципы, специальную правосубъектность, права, обязанности, запреты, ограничения, а также гарантии, льготы и компенсации. Специфическими правами наделяются не все граждане, отнесение военнослужащих и членов их семей к особой категории связано с выполнением особой роли данными субъектами. Выстраивание классификации элементов специального правового статуса военнослужащего в России будет способствовать выявлению пробелов правового регулирования статуса военнослужащего в Российской Федерации в целом.

Список литературы

1. *Эбзеев Б. С.* Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. 2023. № 12. С. 21–39. <https://doi.org/10.31857/S102694520029288-7>, EDN: PVKXP
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 14.04.2024).
3. *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 293 с.
4. *Кудрявцев И. В.* Правовой статус военнослужащего: проблемы обеспечения в современной России // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2018. № 9 (254). С. 2–8.
5. *Мананкова Р. П.* Специальный правовой статус как критерий классификации субъектов правоотношений // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2009. № 1 (7). С. 17–21.
6. *Стремоухов А. А.* Юридический статус специального субъекта права (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 23 с.
7. *Сенякин И. Н.* Специальные нормы советского права. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 97 с.
8. *Суменков С. Ю.* Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности соотношения и формы объектирования // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 2. С. 334–341. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-2-334-341>
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2023).
10. О статусе военнослужащих : федер. закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22, ст. 2331 ; 2024. № 1, ст. 20.
11. *Корякин В. М.* Федеральный закон «О статусе военнослужащих» 20 лет спустя // Военное право. 2018. № 4 (50). С. 122–129. EDN: YAAXSH
12. По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О статусе военнослужащих” и об обеспечении жилыми помещениями некоторых категорий граждан» в связи с жалобой гражданина Н. П. Терентьева : постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2013 № 25-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. *Пенжалиев З. Г.* Вооруженные силы в государственном механизме защиты основ конституционного строя России: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 30 с.

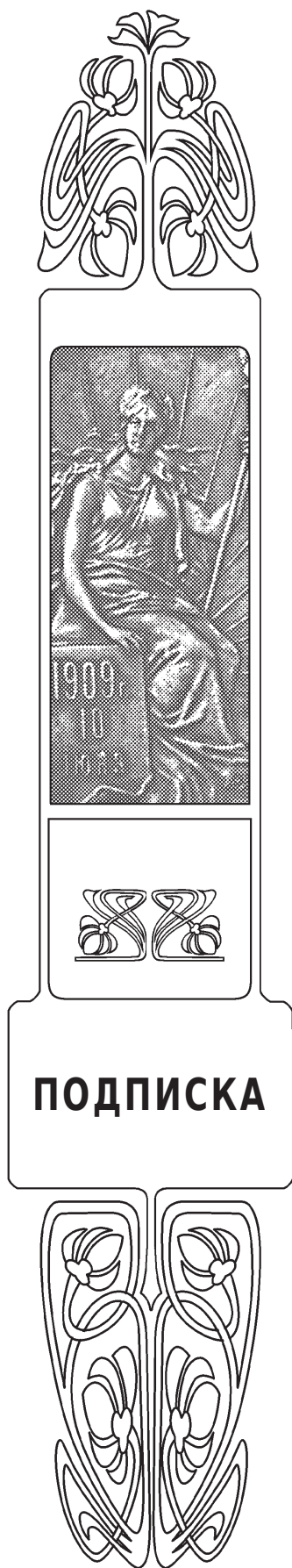

References

1. Ebzeev B. S. Constitution as a legal model of social convergent technology (on the 30th anniversary of the Constitution of Russia). *State and Law*, 2023, no. 12, pp. 21–39 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S102694520029288-7>, EDN: PVKXP
2. *Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of February 29, 2024*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (accessed April 14, 2024) (in Russian).
3. Matuzov N. I. *Pravovaya sistema i lichnost'* [The legal system and personality]. Saratov, Saratov State University Publ., 1987. 293 p. (in Russian).
4. Kudryavtsev I. V. The legal status of a serviceman: Problems of security in modern Russia. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh. Voyenno-pravovoye obozreniye* [Law in the Armed Forces. Military Legal Review], 2018, no. 9 (254), pp. 2–8 (in Russian).
5. Manankova R. P. Special legal status as a criterion for classifying subjects of legal relations. *Yuridicheskaya nauka i pravoprimeritel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2009, no. 1 (7), pp. 17–21 (in Russian).
6. Stremoukhov A. A. *The legal status of a special subject of law (theoretical and legal aspect)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). St. Petersburg, 2002. 23 p. (in Russian).
7. Senyakin I. N. *Spetsial'nye normy sovetskogo prava* [Special norms of Soviet law]. Saratov, Saratov State University Publ., 1987. 97 p. (in Russian).
8. Sumenkov S. Yu. Special and exceptional norms as a component of a special legal status: Peculiarities of correlation and forms of objectification. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 2022, vol. 47, no. 2, pp. 334–341 (in Russian). <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-2-334-341>
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020, Federal Constitutional Law 5-FKZ of October 4, 2022, Federal Constitutional Law 6-FKZ of October 4, 2022, Federal Constitutional Law 7-FKZ of October 4, 2022, Federal Constitutional Law 8-FKZ of October 4, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416; *Official Internet portal of legal information*. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed January 15, 2023) (in Russian).
10. On the status of military personnel. Federal Law 76-FZ of May 27, 1998 (an edition of December 25, 2023), *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 22, art. 2331; 2024, no. 1, art. 20 (in Russian).
11. Koryakin V. M. Federal law “On the status of military personnel” 20 years later. *Voennoe pravo* [Military Law], 2018, no. 4 (50), pp. 122–129 (in Russian). EDN: YAAXSH
12. In the case of checking the constitutionality of Article 2 of the Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On the Status of Military Personnel” and on providing housing for Certain Categories of citizens” in connection with the complaint of citizen N. P. Terentyev. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 25-P of November 22, 2013. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
13. Penzhaliev Z. G. *Armed forces in the state mechanism of protection of the foundations of the constitutional system of Russia*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2023. 30 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 01.06.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 01.06.2024; published 30.08.2024

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36012
Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: izdat@sgu.ru, publ@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

экономический факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-38

E-mail: sgu-eup@rambler.ru

юридический факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-17

E-mail: kulikovasveta@inbox.ru

Website: <https://eup.sgu.ru>

ISSN 1994-2540

24003

9 771994 254007

ISSN 1994-2540 (Print). ISSN 2542-1956 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Том 24, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле
Серия: Социология. Политология
Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

